Александра Гаврилова

СВЯТЫНИ ЕГИПТА

ALEXANDRA GAVRILOVA

SANTUARIOS DEL EGIPTO

BUENOS AIRES — 1960

АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВА

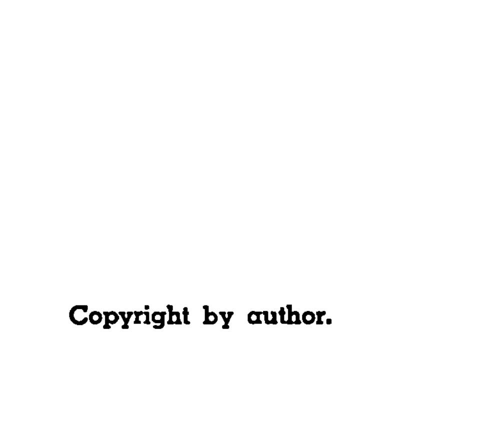
СВЯТЫНИ ЕГИПТА

ЗЕМЛЯ ЕГИПЕТСКАЯ, КАК САД ГОСПОДЕНЬ

"Господи, да не будут дары Твои, духовные и вещественные, в нас и у нас праздны: даждь им движение спасительное и полезное".
О. Иоанн Кронштадтский

Весь доход от продажи этой книги предназначен в помощь русским монастырям в Святой Земле, на помин души мужа моего, раба Божия Александра.
Александра Гаврилова

БУЭНОС АЙРЕС — 1960

I. СИНАЙ — ГОРА СВЯТАЯ.

---

1. Первое паломничество.

13 ноября 1950 г.

У ворот Синайского подворья в Каире, рано утром грузимся на два грузовика: везут продукты, строительный материал для монастыря св. Екатерины, а оттуда повезут фрукты — дань монастыря Египетскому правительству.

Грузовики стоят лицом к крепости Наполеона: старая игрушка, но настоящая, с бойницами и рвами вокруг стен.

У меня удобное место рядом с шофером. На другом грузовике греческий священник. Шоферы (они же и стража) у нас замечательные: четыре солдата знаменитой верблюжей кавалерии Синайского полуострова. Это прекрасные воины и честные люди. Большие фирмы Египта охотно берут отставных стражников в шоферы при поездках по Синайскому полуострову, который они знают вдоль и поперек, а правят машинами с таким же совершенством, как и верблюдами.

Да! Вытесняется прежний "корабль пустыни" современным — грузовиком, правда, с особыми шинами, приспособленными к песчаной и каменистой почве.

В восьми километрах от Суэца переправляемся на пароме через канал: место называется Кубри, т. е. мост, но никакого моста нет. На другой стороне проверка документов: разрешение следовать вглубь полуострова дается. Дальше дорога идет в виду Суэцкого зали-

ва, который здесь не широк и противоположный гористый берег кажется близким.

Прибыли к источнику Моисея, лежащему в небольшом расстоянии от берега Суэцкого залива. По некоторым историкам, именно здесь Моисей со своим народом перешел Чермное море, а фараон со своим войском был затоплен.

Это типичный египетский оазис: более сотни финиковых пальм, небольшой пруд с бьющими снизу струйками, несколько десятков бедуинских лачуг.

Как приятно умыться, подкрепиться холодной закуской, отдохнуть... Картину дополняют прибывшие верблюжатники — береговая стража. Верблюды пьют медленно, долго, про запас.

Дальше дорога снова идет по пустыне, а потом несколько оживляется: жесткие кусты, а иногда даже чахлые деревья — напоминают дикую местность Приорданья.

В общем, я даже немного разочарована: хорошая асфальтированная дорога, по краю которой бесконечно бегут телеграфные столбы, внизу — труба водопровода с питьевой водой из Суэца, сбоку блестит расширившийся здесь Суэцкий залив. В общем, впечатление такое же, как при переезде из города в город в долине Нила. Впрочем, "цивилизация" кончается на нефтяных разработках. Место называется по-арабски "Седра" — грудь. А дальше уже двигаемся по едва намечающемуся "бездорожью", если можно так выразиться: по холмам, пескам, камням, в обход гор. Запоздали к ночевке в Абу-Заниме и гоним, как сумасшедшие, будто это не груженные до отказа мастодонты, а легковые машины на гонках. Несемся в обход гор, через возвышенности, над обрывами! Уступы гор вдаются иногда совсем в дорогу, но ловким маневром шоферы огибают их: ну, и верблюжья кавалерия!

А кругом вспенившаяся и взбаламученная первозданная каменная стихия, застывшая по мановению Создателя .

Гранитные скалы здесь самых разнообразных, прекраснейших, иногда неуловимых цветов, которых, ка-

жется, искусственно не создаст никакая рука художника: золотисто-красного, небесно-голубого, синего, красно-пурпурного, зеленовато-бирюзового, строгого серого, темно-коричневого; скалы, как выкрашенные охрой; целая гора, как из чистого топаза и даже блестит, как бы просвечивает; огромный лиловый хребет.

Особенно сейчас, при близящемся закате солнца, цвета эти становятся совершенно нематериальными: резкие, нежные, незаметно переходящие один в другой, неопределенные, неуловимые — палитра Небесного Художника.

Спускается вечер. При огнях скачка становится фантастической. Остается только предаться на волю Божию. Кавалеристы и батюшка решают, что я храбра: не знают они, как душа у меня уходит в пятки...

Выныриваем, наконец, из хаоса гор. Опять мы у берега. Как чудно расположен Рас (мыс) Абу-Занима!

Ранним утром — опять в путь, в глубь полуострова! Дорога становится все интереснее. Хребты гор местами так вздыбились, что пласты почвы, ясно и даже резко обозначенные, стоят почти вертикально. Другие горы прорезаны полосами каких-то пород. Так хотелось бы слезть, осмотреть, пощупать... Нельзя!

В самых пустынных местах внезапно попадаются верблюжьи кавалеристы — обычно парами — эти уже на настоящих верблюдах! Обмениваются трогательными приветствиями с нашими "братцами".

Три раза врезаемся в сыпучие пески: ничего особенно страшного тут нет, но теряем много времени, отрывая колеса. Неподалеку, на холмике лежат, тоже полузасыпанные песком, дорожки, солидные, из материала, как шины. Для этой цели и лежат. Мы отрыли их, положили под задние колеса (тоже отрыв их) нашего мастодонта — передового, второй шел сзади на приличном расстоянии — и толкали грузовик назад. И я помогала!

В других случаях дело обошлось легче. А легковые машины обычно пролетают благополучно.

Перекладка товара! Семь бидонов масла почти полностью вытекли! Так, говорят, бывает каждый раз.

А мой бидончик масла для образа св. Екатерины и бидончик керосина для собственного употребления — целы, слава Богу: я их старательно упаковала, хотя и не подозревала такой предстоящей нам "скачки".

Следующая остановка у подошвы горы Тахуна, в узенькой долине Фаран. Только что проехали ряд небольших закрытых долин, наполненных горячим воздухом, так как гранитные стены гор делают их какими-то аккумуляторами тепла. А в Фаране, вдруг, пальмы, оливковые и фиговые деревья, кипарисы, а под сенью их козы, ослики, верблюжата, детишки. И делает все это один только ручеек кристальной чистоты, текущий с гор холодной струей, разветвленной на крошечные канальчики.

Считается, что это то место, где Израиль сразился с Амаликом. И на вершине горы Тахуна некогда было найдено каменное изображение Моисея с поднятыми руками. (А слово Тахуна по-арабски значит — мельница!).

Отдохнули в саду, принадлежащем монастырю св. Екатерины. Навес для виноградных лоз здесь на обломках каменных колонн древнего храма IV века, остатки которого видны высоко на вершине горы Тахуна, у подножья которой сидим мы в саду. Сфотографировала гору с еле намечающимися развалинами на ней. Здесь было в давние времена пребывание епископа, но духовенство с монашеством уклонилось в ересь несторианскую, и — вот результат — их главный центр опустел.

Теперь сидит здесь на монастырском хозяйстве св. Екатерины двадцатилетний диакон — славный, здоровый, жизнерадостный. С каким удовольствием подарила я ему фильм для его аппаратика!

Тут только узнала, что "долину надписей", о которой я мечтала два года, мы проехали! Как просила я всех показать мне ее! Но второй грузовик все время отставал, мы его часто ждали и даже возвращались назад — тут стараются не разобщаться! Мой кавалерист только подивился, как можно такими вещами интересоваться...

Проезжали пещеры былых затворников. Видели однажды на вершине горы небольшое каменное сооружение. Что это? Могилы?

15 ноября.

Вчера подъехали к монастырю очень поздно — все поджидали отстающий грузовик. Опять гнали между гор при фонарях. Не довелось мне видеть чудной картины монастыря и горы Синай издали. Спустившись обрывом, мимо высоких кипарисов, внезапно очутились мы под высоченными стенами крепости. Это уж не игрушка Наполеоновская на Дагере в Каире.

Монахи приняли меня хорошо, видно хорошее рекомендательное письмо привезла я им. Отвели отдельную комнату с чистой постелью. На ужин: сыр, виноград, чай. Спросили, не хочу ли завтра утром в церковь. Конечно, хочу! "Постучите, пожалуйста — попросила я".

Но ночью, еще до 4-х часов, я вскочила по колокольному звону. А затем услышала звуки "била". Уж потом я рассмотрела его ближе. То деревянная доска, в которую ритмично стучат деревянным молотком. Быстро оделась, при свете своего электрического фонарика, и спустилась в базилику. Еще до начала службы успела обойти ее. Приложилась к раке св. Великомученицы Екатерины. Заглянула сквозь дверь в придел — часовню "Неопалимой Купины" (в субботу там будет обедня — тогда и войду). Поставила свечи. Помимо монахов, я была одна.

После службы обошла еще раз храм. Ночью освещала сильным электрическим фонарем. Теперь было почти светло. Базилика превзошла все мои ожидания, рожденные чтением путеводителей. Далеко не все я видела, но знаю уже твердо: что место свято!

Вот и солнце всходит! Обошла кругом по террасам. Боже, какая красота! А воздух! Против нашего общего балкончика на склоне горы св. Епистимии стоит одинокий молодой кипарис — стоит, как зеленая свеча. Вокруг — горы. А сам монастырь прислонен к подножию самого Синая! На днях будет экскурсия ту-

да, а также на пик св. Екатерины. Присоединюсь и я к ней. А потом, надеюсь, и сама смогу подняться — и не раз! Сейчас в монастыре несколько лиц работает в его знаменитой библиотеке. Американская миссия давно уехала, а это египтяне. Я с ними познакомилась еще на остановке в Абу-Заниме. Обещали показать библиотеку и кое-что объяснить.

Я пишу, а на противоположной стороне террасы группа бедуинских детей под надзором монаха заворачивает фрукты в бумажки и укладывает в ящики. Это дань монастыря властям предержащим, за которой наши грузовики и приехали.

Обед хороший. Громадная тарелка вкусного риса и четыре груши.

Жду колокола к вечерне, а пока что заинтересовалась лежащей в общей гостиной Книгой для Приезжающих; (у батюшек для себя и своих гостей есть особая гостиная).

Записи на многих языках. Выписываю кое-что из русских.

***

5 мая 1860 года от своей группы благодарность заносит ”Поклонник Алексей Соловьев, Московский Купецкий Сын“.

***

Тут же другая обстоятельная запись.

Бывши в Святой Обители горы Синай 16, 17, 18 мая 1860 года, я видел во всем только внимание, гостеприимство, радушие и заботливость от отца Игумена Мелетия с братией, за что поставляю обязанностью принять и мою душевную благодарность. По усердию же своему жертвую на устроение часовни на вершине горы Святой Великомученицы Екатерины над камнем, где обретены были ее святые мощи, двадцать пять Русских полуимпериалов, а по счету на пиастры — три тысячи пиастров, и уповаю, что отцом игуменом будет положено начало моему желанию, а при благословении Божием и усердии православных христиан будет совершено и окончание этого благого дела.

Московской губернии Дворянин Коллежский Ассесор

Николай Алексеев Макаров.

Проведя двенадцать дней в монастыре, мы остались оба признательны вполне за полное гостеприимство, нам оказанное, и просвещенную готовность содействовать нашим археологическим занятиям, почему и выражаем здесь свою глубокую благодарность отцам Синайской обители. 1881 года апреля 27-го.

Профессор Императорского Новороссийского Университета Никодим Павлович Кондаков и фотограф Ю. Рогуль.

⁂

Есть записи простых паломников — обычно групповые, до 14 человек, мужчин и женщин. В скромных и простосердечных словах выражают они радость по поводу совершенного паломничества и благодарят за радушный прием монахов, часто тут же отмечая сделанные пожертвования.

⁂

Есть записи важных дипломатических особ. Есть запись бывшей в 1902 году русской научной экспедиции на Синай в составе: проф. Н. Я. Марра, прив. доц. А. А. Васильева и магистранта кн. И. А. Джавахова, снаряженной С.П.Б. Университетом и Импер. Археологическим Обществом.

⁂

Приношу отцам Синайского монастыря глубокую благодарность за оказанное мне содействие при изучении рукописей его драгоценной библиотеки.

9 июля 1908 года. Владимир Розов.

⁂

С 14 июля 1912 г. по 6 августа занимался в библиотеке рукописей монастыря Св. Екатерины. Приношу глубочайшую благодарность о. о. Диксю и Скевофилаксу за их постоянное внимание и готовность предоставить для занимающегося все удобства.

Глубоко благодарю и всю братию монастыря за их радушие, чистосердечное отношение ко мне. Живя здесь в пустыне, вдали от родины, чувствуешь себя как дома.

Э. о. профессор С. Петербургской Духовной Академии И. Карабинов. 1912, VIII, 7.

После революции русские записи попадаются уже редко, больше одиночные.

**
*

Благодарю Господа, сподобившего меня узреть Божественую гору Синай и поклониться ее Святыням! Воспоминания о Св. Горе никогда не изгладятся из моей памяти, как и моих спутников.

Приношу глубочайшую благодарность Его Блаженству Архиепископу Порфирию за оказанное нам радушное гостеприимство и любовь и усердно молю Небесную Покровительницу Св. Синайской Обители Великомученицу Екатерину, чтобы она не оставляла своими молитвами ее избранный удел, как и нашу страждущую Русскую Землю, искони связанную тесными духовными узами с Синаем.

1932. 24-25 ноября. Архиепископ Анастасий
Архидиакон Вениамин

**
*

На всю жизнь сохраню воспоминание о величайшей святыне земли, Св. Синае. Да хранит Господь Высокопреосвященнейшего Владыку Порфирия многая лета.

26 дек. 1932 г. Синай. Священник Михаил Польский

**
*

Есть запись, сделанная изящным почерком культурных русских людей.

**
*

Чудно хорошо. Спасибо всем.

Глеб. Андрей.

Ни даты, ничего! Солдаты прошедшей войны, попавшие сюда с группами военных? Их побывало тут немало! Эти две строчки навели меня на многие размышления.

16 ноября.

Утреню отстояла в базилике, а на литургию пригласила меня братия в церковь св. Георгия Победоносца. Только что вернулась. Я вчера еще с самой высокой крыши-террасы присматривалась: что это за келейки с

окошечками и балкончиком на самой стене крепости? А это и есть, оказывается, церковь св. Георгия.

Монахи не помнят, как она и возникла, думают, что она такая же древняя, как и стены крепости и базилика — то есть относится ко временам Юстиниана, к шестому веку.

Служба была проникновенная, настоящая монашеская. Вся братия принимала участие, все пели. Из мирян была я одна. Живопись старинная. Но если она очень старинная, то как прекрасно ее исполнение! Хотя передача сюжетов праздников несколько... примитивная?... детская?.. — "показательная"!! У Богоматери глаза миндалевидные: это уж нечто от египетского искусства.

Если вообще над всем монастырем веет Дух Божий, то в этой церковке для меня это было еще ощутительнее.

Поднимаясь сюда осмотрела примитивную, но мощную подъемную машину давних времен. Толщенный канат накручен на такие же барабаны. Посредством этой "машины" поднимали в корзине пилигримов — к окошку на верху стены. Только в относительно недавние времена стали впускать дверью, всегда запертой. А сейчас она целые дни открыта. Вход этот маленький, узкий, низкий — в толще каменной стены крепостной. Сначала одна, окованная железом дверь, потом другая, третья, все это на малом "запасном" расстоянии.

И ключ от двери в церковь св. Георгия железный — огромнейший! Тоже с тех пор?

Снимала своих кавалеристов. Какими вооруженными молодцами выстроились они на фоне горы! И не узнать позавчерашних шоферов, перемазанных маслом и занесенных песком до блестящих зубов и глаз! Еле заставила принять от меня небольшой бакшиш.

Дивно хорошо все устраивается. И службы стою церковные, и дневник успела написать, и письма, и осматриваю все понемногу. И дышу полной грудью, и не болит ни горло, ни грудь. И не кашляю почти совсем.

Сейчас мелькнуло в голове: ведь я видела надписи на горах — только глазам своим не верила, ожидая их видеть в иных местах, и не подумала, что они могут быть разбросаны всюду!

Проезжали мы длинной, стесненной высокими горами розового гранита. Гребень их причудливо извилист, а склоны почти отвесны и гладки. И вдруг взор мой вперился в одно место: что это за неопределенные фигуры, линии, формы, письмена? Работа это времени, атмосферических влияний, температуры, росы?.. Нет, это — письмена! Древние ли израильтяне, или набатеяне, временно укрывшиеся среди гор — как они могли забраться на такую высоту без всяких приспособлений, чтобы увековечить какие-то события?

Осматривала с группой профессоров, работающих в библиотеке, и их дам, базилику, монастырь внутри (схематически) и снаружи. В алтаре видела дары России — два саркофага св. Екатерины (теперь в них хранятся облачения). На одном из них надписи славянской вязью, очень причудливой и сжатой, несколько медальонов. Я смогла разобрать только несколько слов — надо бы попробовать с лупой.

Путеводители лгут, уверяя, что саркофаги "богаты, но бесвкусны". Я обратила на это внимание своих спутников, и они согласились, что даже с современной точки зрения они красивы. Рака св. Екатерины открывается только в день праздника ее — Бог даст дождусь.

Сняв обувь, вошли в часовню "Неопалимой Купины". Она за алтарем базилики, вся устлана коврами, свет проникает из узких окошечек-прорезов. Царит таинственный полумрак.

Раз в году, в марте месяце через одно из этих окошечек в часовню "Неопалимой Купины" на один момент солнце посылает свой луч и отражение креста, который стоит на вершине противоположной горы.

Место куста "Неопалимой Купины" покрыто серебряным покровом, и над ним престол. Много очень хороших икон. Два боковые придела сплошь завеше-

ны старинными иконами. Думаю многие драгоценны и по древности и по исполнению.

Над алтарем базилики, на полусводе, изображение Преображения Господня, единственное в мире, мозаичной работы из мелких камней, предполагается VI века.

— Бог Вседержитель на Синае даровал ветхому Израилю через Моисея Свои Божественные непреходящие Законы. Сюда привел и пророка Илию. А Господь наш Иисус Христос явился завершителем и исполнителем Божественного законодательства. И на горе Фавор Моисей и Илия свидетельствовали при Преображении Господнем о грядущем таинственном исполнении Закона и пророков.

Часовня "Неопалимой Купины" существовала еще до построения базилики. Она была воздвигнута в 329 году А. D. — Посланные от монахов обратились к св. Царице Елене и она построила часовню и башню, чтобы прятаться монахам во время нападений (— башня св. Елены).

За часовней, во дворе, на некотором возвышении несколько зеленых кустов, тянущихся вверх: это эмблема куста Неопалимой Купины, или прошедший сюда от корня его, проросший из часовни отросток? Тут же другой куст, из которого Аарон вырезал свой чудесный посох — похож на иву.

Прошлись по стенам крепости и внутри их. Там целые комнатки и длинные проходы с бойницами. Я смотрела через них — видно повсюду. Из амбразур кое-где застенчиво выглядывают допотопные чугунные мортиры.

Зашли в большую старинную трапезную. Она XII века — времен Крестовых походов. На стенах высечены геральдические знаки крестоносцев и латинские надписи. В настоящее время монахи трапезуют там только по случаю приезда архиееров.

Привлек наше внимание огромный средневековый очаг. На нем, вернее в нем, и сейчас арабы готовят пищу и находят это очень удобным, а профессора и их

дамы подтвердили, что во всяком случае надежнее современных способов.

Зашли в мусульманскую мечеть, что напротив входа в базилику. Она XI века и имеет свою историю. В то время калиф разорял все христианские монастыри на востоке. Узнав о приближении войска, монахи быстро воздвигли эту маленькую мечеть и по прибытии солдат, задарив калифа, пригласили мусульман помолиться в мечети. Монастырь был спасен.

Профессора-мусульмане пригласили и меня в мечеть, если я побеспокоюсь снять обувь. Видя, как они в высшей степени прилично держатся около наших святынь и я вошла, как и они, в одних чулках.

В ней ничего особенно примечательного нет, кроме деревянной резной кафедры с надписью, которая (кафедра), как говорят профессора, едва ли не самая древняя в Египте.

Обошли крепость вокруг. Стены ее местами подновлены, а Юстиниановский вход замурован. Теперешние ворота — "новые".

Как много здесь монахи работают! И как они здоровы! Какой воздух! Мне некогда дохнуть, но все-таки отдаю себе отчет, каким воздухом я дышу!

Под вечер, ночью, утром — холодно; днем на террасе тепло, а у подножия скалистых гор даже жарко.

Сколько чудных впечатлений! Сейчас была в церкви св. Иоанна Предтечи, что на террасе против моих дверей. Я и не чаяла, что это такая драгоценность, хотя, делая записи дневника, имела перед глазами открытую туда дверь.

Отец Пахомий показал мне массу старых икон: византийских, русских, итальянских. Он иконописец и реставратор. По-детски обрадовался мне — русской паломнице. Немного говорит по-русски. Был на Афоне, в Иерусалиме. Ходит босой. Длинные белые волосы. Катаракты на глазах и теперь работать может только с лупой. "— Матушка Александра, матушка Александра! Посмотри, какая тонкая работа!" — Показывает небольшую иконку, на которой группа святых: разглядывая в лупу видишь каждую черточку лица.

Говорит, мешая слова греческие, арабские и русские. Показывает русские подсвечники и свечи — им верно около ста лет. Я их и сама узнала, и по цветочкам, как бывало в России, и по образкам святых.

"— Завтра еще приходи, покажу много!" — Надавал мне груш, яблок.

Профессора (египетские) со мною любезны, но сдержанны. Не знают, верно, как определить меня: по горам лазит не хуже их, молодых; службы церковные не пропускает, горда славным прошлым России и жадно ищет следов его; говорит, что не большевичка!

В библиотеку что-то не зовут, хотя и обещали. Да мне и без них покажут! А что касается объяснений, то средний русский православный знает в отношении Веры не меньше их.

В Библии гора, где дан Богом Моисею Закон именуется то Синай, то Хорив. Можно думать, что вся безводная местность, где находится Синай, носит имя Хорив. Это плоскогорье на котором много горных цепей. Одна из них — Синайская группа с вершинами:

1) Джабаль Мусса — гора Моисея, где был дан Закон и где явился Господь Моисею в славе Своей: высота 7.519 футов или 2.244 метра; на вершину ведет "лестница пилигримов", часть которой видна из моей комнаты; у подножия этой горы, на северо-востоке и лежит монастырь св. Екатерины на высоте 5.014 футов.

2) Джабаль Катерина — 8.551 фут или 2.602 метра, на вершине которой на камне и были обретены святые мощи.

3) Рас эль Сафсаф — 6.540 ф. или 2.054 м., с ее вершины Моисей объявил народу 10 Заповедей.

Кругом еще много других менее высоких гор — целый хаос гор.

17 ноября.

Третий день моего пребывания на Синае. Вот она, настоящая монастырская жизнь начинается! Профессора со своими лэди отбыли рано поутру, и сейчас —

тишина полная! Только петухи радостно горланят — чудится, что где-то в горах, а на самом деле за монастырем, в пристройке для арабов, для верблюдов (их шесть), коз, кур...

Крыша сейчас залита солнцем и веет на ней бодрящий ветерок. Утреня началась в темноте и кончилась на рассвете. Сегодня именинник о. Никандрос, с которым я приехала. Братия пригласила меня в гостиную. Роздали по стакану воды с вареньем и по стаканчику с коньяком на донышке. Потом принесли по чашке черного кофе. Был между нами девяностолетний старец и два молодых диакона, которые очень благолепно служат, но здесь из них так и рвался сдержанный смех — от избытка здоровья, от радости жизни. Старшие благодушно посматривали на них. Радостно было видеть нормальную, славную, работящую и послушную молодежь: наверное, они не ощущают строгую дисциплину нарушением своих прав!

После вечерни осматривала еще раз, с большой группой каких-то сирийцев-туристов, базилику. Монахи даже открывали мощи св. Великомученицы. Я была до глубины души потрясена этим долгожданным моментом и... также шокирована окружающими.

Говорила потом с библиотекарем о. Иоакимом: на такие святые места, как вершина Синая, как пик св. Екатерины, монастырь 40 мучеников, — я хочу идти одна с монахом — я паломница, а не туристка, и душа моя не выносит отношения туристов к святыням...

Небольшая белая мраморная рака греко-римского стиля, стоящая под балдахином на возвышении, покрыта несколькими легкими покровами. Священник с трудом сдвинул крышку и вынул сначала один золотой ковчежец, открыл его, поставил между двумя свечами на специально приготовленный столик. Скелетическая кисть левой руки Святой вся украшенная драгоценностями. Я приложилась к мощам и возложила на мгновение свой нательный крестик и иконку.

Возвратив этот ковчежец в раку, священник поставил на столик другой ковчежец побольше и открыл его: там была глава Святой, тоже почти вся покрытая драгоценными приношениями. На самом верху лежит золотая, осыпанная драгоценными камнями, корона. Глава темно-коричневого цвета; рука несколько светлее.

Ах, как я хотела бы в такой момент быть окруженной своими православными русскими паломниками.

Но гостеприимство монахов удивительное: недаром книга записей полна выражениями благодарности. Снисходительны и терпеливы они и по отношению к эксцентричным туристам.

18 ноября, суббота.

После утрени в базилике была литургия в часовне Неопалимой Купины. Духовенство, а за ним и я, сняли обувь, по примеру Моисея, как приказал ему Господь, явившийся ему на этом месте.

Часовня древнее монастыря и базилики, хотя вероятно и изменила свой вид. Теперь она вся устлана толстыми коврами и увешена драгоценными иконами — имею в виду не украшения, которых нет совсем, а ценность самих икон.

Над местом Несгораемого Куста висит неугасимая лампада, спускающаяся из-под престола, стоящего над этим местом. Над престолом, блестящий своей мозаикой свод, а на уровне престола, по этому полукругу — иконы Пресвятой Богородицы, разные, но все прекрасные: ведь часовня посвящена мистической Неопалимой Купине, Пресвятой Деве!

Ниша налево служит жертвенником. Подавала поминание, приготовленное еще в Каире — по-гречески.

Монахи служат проникновенно и все поют. Их всего в монастыре тридцать, но большинство на разных послушаниях, и в храме бывают на службах очередные. Из мирян было кроме меня двое греков плотников, работающих здесь. А туристы — спят!

В следующую субботу, Бог даст, буду приобщаться здесь. Сказали мне, чтобы перед причастием три

дня не ела даже постного масла и, конечно, рыбы. Как нибудь устроюсь, хотя дома мы не такие уж постники.

Просфоры здесь, так же и хлеб, светло-коричневого цвета. Мелют сами, своя мельница, а зерно привозное — вон оно сушится по крышам!

Прошли мы опять по ходам на верху стен. Опять высматривала я из бойниц. Представила себе, как некогда и с какими чувствами обозревали с них окрестности монахи!

Сбоку базилики колодезь Моисея. Он 23 метров глубины и сейчас при нем имеется помпа: громадный кран, а под ним чан, такой же огромный.

Здесь, в монастыре, все по звону: церковные службы, начало рабочего дня, обед... Внизу, около базилики (близ колодца Моисея) одно било с деревянным молотом, а на колокольне — другое, с железным молотом, для больших праздников. Меня предупреждали, что этот звон беспокоит, я этого не нахожу. Также наслышана я была о запутанности ходов и переходов обители — а я начала разбираться с первого дня. Впрочем, внизу, вокруг базилики; наверху — там сложнее.

Была с группой вчерашних туристов в библиотеке. Дальше вестибюля нас, впрочем, не пустили — и хорошо сделали! Видели несколько достопримечательностей:

1. Кодекс Синаитикус, фотография, тоже на пергаменте, как и оригинал.

BIBLIORUM CODEX SINAITICUS
PETROPOLITANUS
AUSPICIUS AUGUSTISSIMUS
IMPERATORIS ALEXANDRI II
PETROPOLI 1862.

Издание Константина Тишендорфа.

Кодекс писан от руки и это кажется невероятным — так ровны строки, так одинаковы буквы, так точны промежутки и пр. Да, были люди!

2. Уменьшенная копия фирмана Магомета, по-арабски, дарованного им монастырю, в подтверждение своего покровительства. Наверху неграмотный Магомет

приложил руку — всю и на копии эта маленькая черная ладонь так и отпечатана. Оригинал был взят султаном Селимом в Турцию.

3. Документ, тоже о покровительстве монастырю, подписанный Наполеоном, когда он был еще генералом и подписывался Бонапарте.

4. Показывали нам одно из нескольких тяжелых кованых Евангелий XI века; это оригиналы, они помещаются в особом шкафчике в вестибюле.

Оно на пергаменте; перед началом каждого Евангелия прекрасное изображение Евангелиста в красках.

5. Рядом с копией Кодекса Синаитикус, в изящном ларце, резном, деревянном — Сирийский Кодекс (Sir — Sin) IV века. Это оригинал, на пергаменте, несколько поврежденный. Это самый древний перевод Библии, открытый некоей г-жей Агнес Смит Льюис, о чем написано на крыше ларца.

Один из туристов-сирийцев, не без гордости заявил, что его отец может читать этот документ! А я снялась, обняв рукой этот ларец, а рядом на столе лежит Кодекс Синаитикус.

На стенах несколько древних византийских икон. А через запертые решетчатые двери и поверх их видна самая библиотека. Там все в порядке, пронумеровано, разложено по полкам. Одна большая комната.

В работах и открытиях в Синайской библиотеке большую роль сыграли русские ученые и специалисты.

Манускрипты Синайской библиотеки на языках: греческом, латинском, эфиопском, коптском, древнегрузинском, славянских наречиях, арабском и м. б. других языках.

Одна из туристок, хорошенькая и капризная, которой должны были объяснять, что Наполеон и Бонапарт одно и то же лицо, разочарованно протянула:
— И это все? — Все, мадам! — развел руками, с любезной улыбкой о. Иоаким. Для туристов! А мне шепчет:
— Для вас будет после!

Туристы, впрочем, были вполне удовлетворены: они снялись группой в знаменитой Синайской библиотеке!

Между прочим, все монахи Синайской обители твердо убеждены, что большевизм и безбожие сгинут в России, и она снова будет прежней благочестивой Россией.

Сейчас была в церкви Иоанна Богослова, которая находится также наполовину на стене крепости. Весь иконостас из прекрасных икон русского письма. Направо от Царских Врат Спаситель с раскрытым Евангелием: "Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет".

Слева — Пресвятая Дева с Младенцем, а дальше св. Иоанн Предтеча. Справа дальше св. Великомученица Екатерина. На раскрытой книге написано: "Яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день". Внизу образа надпись по церковно-славянски: "Старанием архимандрита Кирилла от Синайских гор". И дальше: "1838 г. иануария 1-го писал в Киеве живописец Осип Белецкий".

Около иконостаса, направо, на стене старинная русская икона св. Ап. и Евангелиста Иоанна Богослова, с раскрытым Евангелием: "В начале бе Слово..." За плечами Ангел и орел с лампадой в клюве.

На верху иконостаса старинные иконы двунадесятых праздников греческие — "показательные", как я их называю. Русским иконам 112 лет, а они — новехонькие, блестящая краска будто только что подсохла.

Сейчас присутствовала на раздаче хлеба арабам племени джабалие. Раньше они были защитниками крепости и монастыря, а теперь кормятся от него работой и хлебом. Внизу под стеной орава арабчат, девочек и мальчишек. Женщины уже получили и сидят поодаль, разодетые в свои праздничные одежды. Наверху стены у отверстия бывшего лифта, сидит монах с огромной корзиной, наполненной небольшими круглыми хлебцами. Я взяла один на память: он меньше, чем те, что дают мне каждый день, но такого же вкуса. Арабы подают замызганные сумки, заранее приготовленные кучей, и монах кладет туда хлебцы: мужчинам по 5, женщинам по 3, (а если она кормит, то тоже 5), мальчишкам по 3, девочкам по 2. Ошибки не может быть,

наизусть известны все семьи и кому какая принадлежит сумка. Наполненные сумки бросаются вниз, и дети их подхватывают. Эта раздача производится каждый день, но получает каждый на два дня. Приходят арабы из далека, они живут в горах, в палатках, и себе печь хлеб не могут.

Сейчас туристы разъехались, рабочие отдыхают: тишина абсолютная!

Обед почему-то был роскошный: тарелка макарон, печеная рыбка, четыре яблока из своих садов.

Понимаешь, почему все тут так здоровы — и монахи, и арабы: воздух чистый, сухой, чудный; пища простая, работают во-как! Но раз посетителей нет — днем все поголовно отдыхают или спят. Сейчас такая тишина, что я стесняюсь ступать даже на свои "бесшумные" подошвы и ходить по монастырю. Сижу и пишу.

Возложила на раку с мощами мои иконки св. Екатерины и крестики. Пусть полежат! Отдала св. Екатерине свой золотой крестик с цепочкой — у меня есть серебряный. Крестик сына Миши крестильный положила на раку.

После вечерни в базилике (вечерни и утрени всегда служат там), осмотрела часовенку св. Антония Великого. Вспомнила как он боролся с бесами и победил их. Там же очень много старинных икон. Некоторые уже изъедены временем, разбиты. О. Пахомий реставрирует их понемножку. Он сейчас хворает. Я предложила ему лекарство. — "Я никогда не лечусь",—ответил он. А только дело коснулось икон и иконописи — все равно вышел, показывает. Так и горит, любуясь иконами. Есть между ними относительно молодые — только столетней давности, как наши русские, например, которые имеют вид совсем новых. Замечательно, что почти никогда нет на них имен иконописцев. Бывает город или место как Киев, Афон, Иерусалим, даже Вильно, бывает год, но не имя!

Ночь под воскресенье 19 ноября.

О, Господи! Какой страшный сон я видела! Это было какое-то хождение по мукам, без мучений телесных: душа ходила по мукам!

Я простудилась, разуваясь перед часовней Неопалимой Купины не на ковре, а на мраморе. Болит горло, грудь, голова, заложило нос, кашель. Ночью, без сна, долго размышляла о страстях и несправедливости нашей жизни. Уснула.

Новая знакомая из Каира — М-м X. (тут же почему-то и М-м V.) получила свою почту. Я вижу среди писем открытку от папы: его почерк, его подпись! Она протестует, но я хватаю открытку. И вот, обозлившись, она ведет меня!

Ведет в страну ужасов! Все же я успеваю дорогой, бросив взгляд на открытку, узнать, что моя сестра погибла. При самом входе в страну ужасов, на мою спутницу бросается некто темный, вскакивает на нее и поражает в горло ножем. Она падает, обливаясь кровью, а я кричу М-м V., чтобы она вызвала карету скорой помощи...

И тут моим сознанием овладевает... Кто-то маленький, ничтожный, маловидный увлекает меня в широкий и глубочайший канал (что-то вроде Невы) и хочет меня утопить в нем, но мне как-то удается справиться с ним и он вынужден вернуть меня на прочный берег. Но там мною завладевают другие — молодые люди, на вид не страшные, но ужас владеет мною. Один снимает мерку с моих рук и ног. Другой делает какие-то замечания по этому поводу, третий готовит мне другую одежду — какие-то потертые шорты хаки. И грозят, дальше-то что будет! Так же, как это мне твердила М-м X. Живо ощущение, что страна, куда меня увлекают — связывающая душу страна. Душа испытывала невыразимые муки и ждала бо̀льших.

Внезапно в смертельной тоске — меня осенило! Я начала читать вслух — "Да воскреснет Бог..." И что же? "Они" — перестали меня видеть. Они выпустили меня из своих рук и своего внимания. Я спешно припо-

минаю и читаю другие молитвы, и иду, иду... Иногда вплотную с какими-то не страшными уже, но принадлежащими к этой страшной стране. Я уже почти выхожу к той стране, откуда меня увели.

И — просыпаюсь. С бьющимся сердцем вспоминаю, что я на Св. Горе Синай, в своей комнате.

Я еще продолжала переживать, как мне грозила, пока мы были еще в "свободной" стране, М-м X.! а когда я бросилась к ней раненой, то мне на руку упало два сгустка крови...

Звон к утрени! Я радостно устремилась в базилику. О, как я чувствовала во время утрени, что я в "свободной" стране.

У меня был золотой крестик на золотой цепочке. Потом я заказала себе серябряный на такой же цепочке, а в Иерусалиме мне подарили драгоценность: серебряный небольшой шейный образок, какими оделяла Императрица Александра Федоровна русских воинов: с одной стороны Образ Божия Матери Иверские, а с другой — Святителя Николая. Прекрасной работы образок!

И я все ждала, кому бы подарить подходящему мой золотой крестик, который все лежал у меня. И так обрадовалась я мысли отдать его св. Екатерине Великомученице. Передала его вчера после вечерни батюшке. А сегодня позвали меня к мощам.

Священник отпер раку, сдвинул крышку, достал один ковчежец, с молитвой приложился к руке св. Екатерины и дал приложиться мне. Потом с молитвой приложились другие, бывшие в алтаре священники. Далее о. Иоаким (библиотекарь) вынул другой ковчежец — с главой св. Екатерины. Он и другие священники приложились, затем он поднес ковчежец ко мне, дал мне приложиться и опустил мой скромный дар Великомученице на главу — среди других великолепных драгоценностей. Когда мощи были установлены на место, он достал из раки же кольцо и дал мне в благословение. Вот оно, белеет у меня на мизинце правой руки: серебряное, с монограммой св. Екатерины сверху на щит-

ке и с надписью вокруг † Аг. Екатерина (по-гречески). Я и не мечтала получить: знала, что раньше русские поклонники получали, но не думала, что и теперь это делается.

Сегодня была моя первая обедня в базилике. Народу мало: несколько монахов, я, и два плотника. Но какая торжественная служба! Все по полному чину. Диакон читал Евангелие с высокой кафедры налево у верха колонны. Я такое чтение слышала только еще в Иерусалиме.

Были в часовне свв. Федоров на невысокой горе того же имени справа от монастыря. Она не старая — ей меньше пятидесяти лет, снаружи очень проста: каменное зданьице, обмазанное известью. Полна русских икон! Все простые недорогие, на жести, вероятно от Фесенки, — но как хорошо сделаны! Все как будто золотые или серебрянные и такие, как теперь не найдешь, не купишь: две Казанские, две Смоленские, Тихвинские, Иисус Христос — Вседержитель, как у меня дома и как на Сионе в греческой катакомбе и еще другой образ Спасителя, и еще, двунадесятые праздники и все русское! Кажется в России побывала, в какой-то церковке на горе. И все иконы тоже новенькие, как из магазина.

Сопровождая меня 25-летний диакон Кирилл (в миру был Константин). Какой славный! Он пять лет в монастыре и говорит, что счастлив здесь. Мира не любит и боится его. Узнала, что девяностолетнего монаха зовут Моисеем. Это он соорудил тропинки от монастыря к часовенкам в горах. Конечно, с арабами прокладывал. Это было давно. Каждый здесь старается оставить что-нибудь для будущего и для души. Теперь он смотрит за монастырским садом в лощине Сорока Мучеников. О. Кирилл говорит, что он очень, очень хороший. А его друг и помощник инок Аарон, с которым вместе они прибыли из Греции и постриглись, уже умер.

Молодой слуга для приезжающих тоже Моисей — Мусса. Он магометанин, как теперь все арабы джабалие — горное племя.

Да! Перед отправлением на феодоровскую горку я, все еще под впечатлением страшного сна, зашла в часовенку св. Антония Великого, которая против меня и где я была вчера — и поблагодарила его.

После вечерни, которая здесь всегда очень рано, была на горе (скорее, холме) Аарона. Там тоже часовня его имени. Несравненно проще и беднее других, мною виденных (я говорю, имея в виду иконы, а не внешность часовни). Но по-моему и она — хороша. Здесь в этой часовне на холме первосвященника Аарона, я в первый раз в моей жизни увидела палки-подпорки для паломников во время долгих монастырских служб: до груди палка, на ней перекладина в виде буквы Т, на которую кладут руки, сложенные на груди. Эти подпорки сделаны покойным о. Аароном и на одной из них вырезано его имя.

"Черного дерева?" — удивилась я. — "Нет, из пальмы".

"Как? — и цвет, и железная твердость, и..."

"Нет, рассматривали ученые, говорят, пальма, долго пролежавшая в земле".

По вечерам пишу при керосиновой лампочке, а сегодня даже при свече. Немного трудно.

Завтра восхождение на гору Синай!

20 ноября.

Совершила восхождение на вершину Св. Горы Синая — Джабаль Мусса — Гора Моисея! "Лестница пилигримов", ведущая туда, крутая, трудная. А мне очень нездоровилось. Сопровождавший меня о. дьякон К. несколько раз предлагал вернуться, до другого дня, когда мне будет лучше. Когда? с туристами? В такое место? А в другие дни монахи не очень-то свободны. И я все лезла, лезла... Обыкновенно считается, что паломники и туристы туда добираются за 4 часа; о. дьякон К. часто бывает на вершине — добирается менее, чем в 1½ часа. А мы с ним взбирались более 3-х часов, он все убегал вперед и приостанавливался. А я мучительно карабкалась.

В начале лестницы (она проста, груба, из разнообразных камней, уложенных все-таки так, что по ним лег-

че взбираться, чем без дороги), шли в виду монастыря, который отсюда, как на ладони.

Первая часовня, дальше, совсем в горах — Панагия Экономү т. е. Пресвятой Богородицы Экономиссы.

Когда-то в прошлом монахи пережили в монастыре критический период: не было масла для совершения богослужений; не было хлеба для обитателей; на монастырь напали разные рептилии — паразиты (в особенности что-то маленькое и страшное, входящее потом в кровь, я не поняла, как дьякон К. назвал по-гречески; а разговор наш шел по-арабски). Монахи решили покинуть обитель. Пошли в последний раз на вершину поклониться и попрощаться.

Огорченный эконом обители отстал от остальной братии. И вот, в том месте перед ним явилась Женщина: "Куда ты идешь?" — "На вершину Божией Горы (Агия Корифеа — Святая Вершина, как и теперь монахи называют Синай), помолиться перед оставлением обители". И монах рассказал о безвыходности положения. "Нет, вы не уходите! — по дороге к монастырю большой караван со всем вам нужным. А паразитов и пресмыкающихся больше не будет".

Эконом поспешил на вершину к остальной братии, а те ему тоже рассказали о явлении им в то же время Женщины, обещавшей прибытие каравана. Поняла братия, что это была Пресвятая Дева. Остались в монастыре. А через несколько дней прибыл какой-то громадный караван, занявший всю долину Раха перед монастырем.

Монахи получили все нужное. Паразиты и пресмыкающиеся исчезли. Монахи построили на месте явления эконому Пресвятой Девы эту часовенку в честь Божией Матери Экономиссы.

В монастыре не бывает никаких рептилий, ничего опасного. Я привезла с собой скипидар, Д. Д. Т., Китингс, но могла бы и не беспокоиться — комнаты и постели чисты от всего.

Диакон К. отпер часовенку одним из громадных ключей, взятых им из монастыря; мы зажгли свечи, помолились; он входил в алтарь, а я, раз это не с туриста-

ми, входящими повсюду, по возможности, не вхожу в алтарь. Аккуратно заперев часовню, пошли дальше.

Я знала о существовании на "лестнице пилигримов" "двери исповедания"; их, оказывается, даже две, — в недалеком расстоянии одна от другой. В прежние времена у этих дверей находились священники, исповедывавшие желающих подняться на Св. Гору, чтобы очистить себя, как рекомендует Псалмопевец. Обе эти двери в виде арок из такого же розового гранита, как и лестница сюда, и горы кругом.

Я подобрала внизу первой двери несколько камешков на память, сорвала несколько кустиков иссопу и помолилась, прежде чем переступить ее. Прошли и вторую дверь и дальше поднимались до часовен пророков Илии и Моисея. Здесь лестница выводит на огромную площадку среди горы. На ней растет многовековый кипарис, который я и сняла. Рядом, окруженный каменной оградой садик монастыря с оливковыми деревьями, молодыми каперисами и глубоким колодцем с водой, покрытым сверху решеткой. При входе на эту площадь построена стена из камней, чтобы задерживать воду дождей, бегущую с гор, которая и превращает эту площадку в зеленый сад.

Мы отперли первую часовенку — во имя пророка Илии: зажгли свечи, помолились. Тут, по приглашению о. диакона я все-таки вошла в алтарь, чтобы осмотреть пещеру, в которой жил пророк Илия. Я даже залезла в нее: в ней можно поместиться только сидя, не очень поднимая голову, но говорят, что во времена пророка Илии, она могла быть и больше.

Рядом, вторая часовня — во имя провидца Моисея, в которую входят прямо из первой. Помолились там и двинулись дальше.

Мне как будто легче. Мы торопились, чтобы осмотреть все, отдохнуть и о. диакону успеть вернуться к вечерне. Добралась до вершины полуживая.

На самой вершине Св. Горы Синая часовня во имя Святой Троицы. В 1937 году (как гласит о том надпись над входом) эта часовня реставрирована и вновь рас-

писана. Здесь есть хорошие иконы, а по стенам картины из жизни Моисея и Нового Завета.

На Царских вратах чаще всего бывает изображение праздника Благовещения. В базилике на Царских Вратах — Моисей и Аарон, а на вершине Синая Архангелы Михаил и Гавриил.

Роспись на стенах о. Пахомия.

Это только теперь, когда он стал совсем подслеповатым, он только реставрирует очень старинные и поврежденные иконы, а раньше он расписывал все часовенки вокруг монастыря. Его иконы, картины на стенах, эскизы. А тут, на вершине Синая, очень хорошие картины его работы.

Мы зажгли свечи, помолились: о. диакон по-гречески, а я вполголоса по-русски.

Затем о. диакон быстро принес бидон воды из цистерны, лежащей неподалеку внизу. Раздул на палочках огонек, хотел сварить мне чашку чаю. В комнатке, прилепленной к часовне, есть посуда и все необходимое, но чаю, против ожидания, не оказалось! Тогда он, ничтоже сумняшеся, сорвал тут же, около часовни несколько былинок иссопу и им заварил воду. Дал мне вместо чаю. Этот напиток горше полыни. Он подкрепил меня немного (мы ушли натощак, сразу после заутрени); пока мы осматривали окрестности и снимались, мне стало совсем хорошо. Недаром русская народная мудрость говорит: "Иссоп помогает от зуда в горле" (Украинские сказки Данилевского). А Синайские монахи и арабы давно уже лечат всякие недомогания утробы настоем иссопа.

С северной стороны часовни под огромнейшим камнем сероватого гранита с зелеными крапинками, нечто вроде грота, где мне сказали, скрылся Моисей в трепете пред проходящей Славой Божией.

По другим источникам, грот, в котором скрылся Моисей находится с южной стороны часовни, который я тоже видела: он небольшой и теперь сверху даже выложен кирпичем небольшим полусводом. Почти рядом с православной часовней находится запущенная мусульманская молельня, а около нее, под стеной, под ги-

гантским монолитом — пещера, где Моисей провел сорок дней в посте и молитве. Пещера открытая, довольно поместительная. Виды с вершины Синая во все стороны изумительные. В стороне молельни возвышаются три вершины горы св. Екатерины. На самой высокой из них (действительно пик!) белеется часовня Великомученицы.

На второй, поменьше, тоже зданьице — это американцы построили какую-то обсерваторию и радиостанцию.

Итак, я на Святой Горе, где впервые человеку даны Богом Его непреложные, непреходящие Законы.

Благодарение Господу, сподобившему меня!

Не следы ли это проходящей Славы Божией — все эти огромнейшие монолиты, взбудораженные, развороченные камни, среди отвесных гранитных гор?

Помолились еще в часовне. Там есть и русская иконка. И две интересные картинки с надписями на церковно-славянском и греческом языках, отпечатанные в Москве.

Святая Екатерина: чистая, непорочная, ученая, но еще не крещеная, молится Богу, но Младенец на руках Богоматери отвращает от нее Лик Свой. После крещения молится Екатерина и Младенец с иконы подает ей кольцо на палец. И дальше история св. Екатерины кратко, в картинках. Не потому ли и теперь эмблемой св. Екатерины является кольцо, раздаваемое паломникам?

Другая картина: священник, может быть св. Стефан Привратник, исповедует перед дверьми на "лестнице пилигримов". Ангел шепчет паломнику: "все, все расскажи духовнику и очисти свою душу прежде чем войти на Св. Гору". А лукавый сзади нашептывает: "зачем сейчас? — после можно за всю жизнь сразу". В притворе часовни лежит старая пергаментная книга для записей паломников. Записала и я о своем посещении.

Набрала я камешков вокруг часовни; сорвала изпод самого фундамента кустик иссопу; акуратно заперли часовню и двинулись домой.

Я совсем ожила и сняв о. диакона К. ("для его сестры в Пафосе на Кипре") на площадке часовен Проро-

ков Илии и Моисея, сказала ему, чтобы он торопился к началу вечерни, а я, авось, и одна не заблужусь.

Какое было удовольствие, потихоньку, останавливаясь, отдыхая и все рассматривая, спускаться одной. Я подбирала на память камешки розового гранита (как здесь, ниже, и горы, и лестница); рвала иссоп, любовалась на горы. Они тоже высочайшие; с совершенно вертикальными склонами, изрезаны, размыты чем-то. Громаднейшие камни еле держатся друг на друге, кажется, сорвутся и раздавят тебя, как ничтожную букашку.

Местами зияют уютные пещеры, но вряд ли они были обитаемы — к ним и приступу нет. Впрочем, все множество отшельников первых веков на горе Синае, где-то должно же было жить.

По правую сторону "лестницы пилигримов", если идешь наверх, видела большой плоский камень розового гранита, как и все там вокруг. Поверхность камня лицом к нам, вся изукрашена: как будто какой-то несуществующий сад окружен со всех сторон миниатюрной, хорошо вырисованной живой изгородью — как бывают мелкие рисунки пером. Думаю, кто это занимался тут художеством? О. Пахомий? — он любит только иконы и даже будучи более молодым, занимался только росписью часовен. Какой-нибудь пилигрим-любитель? — Оказалось, что это природный рисунок на камне! И дальше на камнях много отдельных веточек и деревец, но камни большущие, их не возьмешь на память.

По краям "лестницы пилигримов" много довольно пышно разросшихся кустиков, но меня раньше предупредили, что это ядовитое растение. Иссоп проще и мельче, другого вида.

Спускаюсь и уже вижу кресты на горах, непосредственно окружающих монастырь. Это железные кресты: вокруг монастыря я насчитала их 12. Их поставил там, на ближайших вершинах Святых гор, во славу Божию, теперешний секретарь Архиепископа Синайского о. Феоклитос, который живет здесь. (А Высокопреосвященный Архиепископ Порфирий III — в Каире на Синайском подворье).

О. Феоклитос на Синае больше 50-ти лет; теперь уже более 30-ти лет у него болят ноги, а когда он был помоложе, взбирался на эти, на вид гладкие и неприступные горы, и ставил кресты. Местные арабы знают, конечно, тропки и на такие горы; знал и он.

Я спускалась с горы с прохладцей; один только раз потеряла тропу-лестницу; куда ни оглянусь — всюду обрыв; вернулась назад и нашла правильные ступени. Думала, что все равно опоздала к вечерне, которая тут бывает очень рано. Меня увидели со стены и ударили в колокол — знали, что завтра у меня сын именинник, не хотели лишать вечерни. Монахи и с неподходящими иногда туристами терпеливы и любезны, а со мной очень добры — у нас много общего.

А о. Феоклитос все беспокоился во время вечерни о моих ногах и подходил, уговаривал сидеть в стасидии.

21 ноября.

Сегодня, в день праздника Михаила Архангела, на рассвете была заутреня в базилике, а на литургию поднялись в церковку Божией Матери Жизнедательницы, по-гречески Панагия Зоодоху. Эта церковка старинная, двухэтажная. Литургия была внизу. Как всегда проникновенная служба. Справа от Царских Врат поясной образ Спасителя в натуральную величину. Я стояла, как всегда здесь в церквах, слева. Глаза Спасителя большие, строгие — были устремлены на меня. Чтобы лучше следить за литургией и понимать службу (в здешних монастырских часовенках и церковках алтарики маленькие, Царские врата низенькие—все видно),—я перешла к стене, как раз против алтаря, и глаза Спасителя как бы повернулись сюда, продолжая быть устремленными на меня.

Зная, какой я усталой должна быть после вчерашнего подъема, кто-то из братии принес мне палку-подпорку — значительное облегчение, и просто удобно.

После обедни монах проводил меня в верхнюю церковь — Успения Богородицы. Она богаче и наряднее. А рядом галлерея портретов Синайских Архиереев. Здесь же хороший портрет французского короля Лю-

довика XIV, им самим присланный. На подоконнике стоит большая, круглая, алебастровая ваза, с круглой крышкой, с вырезанными узорами на ней, раскрашенными красками, с арабской надписью.

Внезапно я почувствовала, как я устала. — Мои бедные ноги не согнешь и не разогнешь. Как же я пойду на пик св. Екатерины?

Сегодня день ангела моего сына; я одна и мне хорошо. Кругом умиротворяющая тишина. Прямо перед моим окном, метрах в пяти, крест на фронтоне часовни Архидиакона Стефана, которая стоит ниже; сбоку балкона — старый-престарый кипарис; из двери видны другие часовни — ведь здесь целая лавра.

22 ноября.

О, я счастлива! — сейчас пришел ко мне в комнату о. Иоаким с папирусом между двумя стеклами: в четверть вышиной и более четверти шириной; несколько потрепанный по краям, но надписи целы на обеих сторонах. Просил перевести русскую надпись на обороте.

Рассматривал сию древнюю книгу.
Архимандрит Порфирий 1850 года июля 13 дня
(Из России, из Петербурга).

О. Иоаким говорит, что это Архимандрит Порфирий Успенский, он был здесь около того времени.

На другой стороне непонятные мне письмена, оказывается — древне-грузинские. Начало первой строчки красным, а потом идет черным. А в середине документа опять две строчки красным и дальше черным. Довольно крупные буквы: буковка к буковке, — как тогда писали.

Позже я видела в Александрийской Патриаршей Библиотеке томы и томы трудов Архим. Порфирия Успенского. М. б. в какой-нибудь из этих книг он упоминает об этих Синайских папирусах?

Сегодня крутила воду из колодца Моисея, что сбоку базилики. Колодец прикрыт; помпу для нагнетания и не видно; снаружи огромное колесо с ручкой, огромный кран и огромнейший чан под ним. Колесо это и не

провернешь и арабчата решили, что куда же мне "франжее" (европейке; собственно говоря, француженке) сделать это.

Но я раскачала колесо за ручку в обе стороны, все-таки приловчилась и вода полилась, а дальше уж легко. Это, по преданию, тот самый колодец, из которого Моисей напоил овец Иофора и через то познакомился с его дочерьми, одна из которых потом стала его женой. Отсюда же он увидел несгорающий куст. Действительно, это близко и было бы видно, если бы место не было прикрыто часовней.

23 ноября.

После утрени служила молебен св. Великомученице Екатерине за своих близких, у мощей, в пределе около алтаря. Молебен был, повидимому, по полному чину, долгий. Служили три священника и диакон.

Когда мы осматривали базилику, то дивились, как такие колонны могли быть выточены каждая из целого монолита. На Синае видела я огромнейшие монолиты — и больше не удивляюсь. Колонны базилики гранитные, покрытые белой масленой краской. В одном месте краска поободрана, может быть, нарочно, и виден гранит. Но какого они происхождения, я не знаю. А в алтаре на стенах мраморные доски Эфесской церкви.

Пол базилики красив. Он из разнообразных геометрических рисунков, которые составляют кусочки и куски мрамора: белого, черного, темно-красного, темно-зеленого, розового, желтого, коричневого; в рисунки входит и порфир. Пол похож на хорошую скатерть прежних времен.

В толще внешних продольных стен базилики существуют маленькие часовенки, которых сразу и не заметишь; налево от входной двери: св. вмч. Марины; свв. Константина и Елены; св. Антипа (она же и сокровищница); направо: свв. Косьмы и Дамиана; св. Симеона Столпника; св. Праведной Анны, Матери Пресвятой Богородицы.

При монастыре имеется сад, который проезжаешь, подъезжая. В нем разнообразные деревья: высокие кипарисы, оливковые и фруктовые деревья, какие-то хвойные; несколько лиственных пород и, конечно, виноград. Монахи на каждой пяди земли разводят садочки и палисадники у себя и ухаживают за каждым кипарисом и оливковым деревом, выросшим среди скал.

В саду же находится небольшое кладбище, а рядом здание, наполненное костями всех почивших здесь с давних времен монахов.

В праздничные дни над монастырем развевается его белый флаг с голубым крестом и монограммой св. Екатерины.

Как раз напротив монастыря гора Св. Епистимии, а дальше, вглубь есть часовенка свв. Галактиона и Епистимии. Сейчас вернулась оттуда. Как там хорошо! Спасибо о. Моисею—дорожку проложил он туда хорошую: туда час пути и я дошла шутя. Там масса солнца и воздуха! Провожал меня арабченок из джабалие. Напрасно в путеводителях говорится, что это потомки рабов, презираемые другими племенами Синайских арабов. Вот уж ничего рабского! Селим смышленный мальчик 13-ти лет, хотя и выглядит десятилетним, сейчас же "заколотил дружбу" со мной. Болтал и объяснял без умолку. Отец его умер тому 13 лет; он и его сестры живут с матерью в палатках — вон туда дальше, в горах. Хлеб получают из монастыря, да еще иногда и рис из Ель-Тора, т. к. брат его отца ходит туда с монастырским караваном за почтой, продуктами, а иногда и пилигримами. Селим любит свои горы и никуда больше не хочет; здесь все ему знакомо; чистый воздух, а главное много чистой и холодной воды (драгоценность пустыни!). Он босой и зимой и летом; только зимой холодно ногам. Полюбопытствовал было, как это ходить в обуви. Я ему искренне и от сердца посоветовала: "Уж лучше ходи всегда так, как ходил — босой, а то вот я, как сниму обувь, так болею".

Пяти пиастрам бакшиша он не обрадовался жадно, но и не отказывался; с любопытством рассматривал, не привык к деньгам, хотя тут под стенами уже клянчат.

По тропинке к св. Епистимии я рвала иссоп, т. к. пью по чашке утром и вечером — он полюбопытствовал, есть ли у меня в городе козы — их козы очень любят иссоп.

Отпустила его от часовни — назад сама дойду — дорожка ясная, заметная, а я так люблю побыть одна среди гор.

Часовня свв. Галактиона и Епистимии невзрачна на вид — из окружающего камня и потом побелена (была, но обмыта дождями). Внутри хорошо расписана о. Пахомием. Хороший образ Иисуса Христа. А большой образ свв. Галактиона и Епистимии писан в Иерусалиме. Есть, конечно, и русские иконки. Как хорошо помолиться в тихой часовне в горах!

В служебнике нашла записочку: полуграмотная бывшая Синайская поклонница посылает из России с другими поклонниками знакомому священнику на Синае 50 копеек, помолиться за таких-то (имя рек) живых и умерших.

Потом спросила в монастыре — когда жил этот священник — лет 50 тому назад!

Недалеко в расщелине на площадке хорошее молодое оливковое дерево с оливами на нем. Я попробовала. Сорвала веточку на память, нарвала иссопу, набрала камешков — они тут разнообразнее, чем в других местах.

Да! за неимением в пустыне деревьев, арабы находят тень и прохладу в летний зной под камнями. Взбирались мы с Селимом в гору, а по сторонам громаднейшие камни: то в виде гриба, то вроде навеса какого-то: "Хорошие камни, — говорит Селим, — летом хорошо под ними сидеть, не жарко".

По дороге нам попадались пестрые бабочки и иногда ящерицы. Селим змей никогда не видел, а ящерицы — они ничего, только кусаются, если положишь ей палец в рот.

25 ноября.

Сейчас приобщалась в часовне Неопалимой Купины. В городах у греков большей частью приобщаются

после обедни из боковой двери, а здесь совсем как у нас: причастие во время обедни, перед Царскими Вратами: буквально окружена со всех сторон образами Пресвятой Девы, Спасителя и Святых. Чувствуешь себя именинницей. Здесь подавалась также просфора и теплота. А после обедни молитвы по причащению. Исповедывалась во время утрени.

26 ноября. Святителя Иоанна Златоуста.

Воскресенье. Между утреней и обедней выносили на средину базилики для поклонения мощи св. Иоанна Златоуста. В серебряном ковчежце часть черепа и челюсть. На аналое старинная икона Иоанна Златоуста.

Я не знала, что придел по правую сторону Неопалимой Купины во имя сорока мучеников, здесь же умерщвленных. Они и погребены здесь под каменным полом. Об этом имеются письменные свидетельства древних подвижников.

А гора и монастырь сорока мучеников повидимому тоже названа во имя этих анахоретов, спасавшихся в этих местах и избитых сарацинами: возможно, что анахореты укрылись в церкви, которая тогда уже существовала на месте Несгораемого Куста.

Под стеной базилики по правую сторону разбит цветник. Стою я любуюсь на розы. О. диакон Кирилл подводит и объясняет: "Здесь погребен преподобный Иоанн Лествичник (Climax) — об этом тоже есть свидетельства. А пещера его в долине Леджа (подальше от монастыря, названа по имени Лии — по-арабски Леджа — сестры жены пророка Моисея)".

Сейчас, после вечерни, смотрела со стены, как о. библиотекарь возвращался из деловой поездки, вероятно в их же недалекий монастырь и монастырские сады.

О. Иоаким восседает на осляти, которого ведет за повод араб. То сзади, то впереди бежит — резвится славный осленок. Шествие предваряется медлительным груженым верблюдом в сопровождении двух арабчат по сторонам.

Верблюд идет медленно, важно, а ослица сзади быстрой трусцой, но оба в согласованности.

Самый заметный член экспедиции — резвая собаченка.

27 ноября.

Эти дни переписываю свои "Записки паломницы" о Святой Земле. Благослови Господи! Отрываюсь подышать воздухом. Выхожу на крепостную стену, любуюсь на горы, долину Раха; обойду, в который раз! всю обитель и всегда увижу что-нибудь интересное. И опять писать.

Как-то забрела на мельницу-модерн: стоит дизель, равномерно и не очень громко шумит-пыхтит, гонит приводной ремень и мелет муку, которая ссыпается в привязанные мешки. Заведует ею араб.

А то, что я видела раньше — с громадными жерновами и рукоятками — бревнами на них — эта старая, пока оставленная мельница: она всегда почти на замке.

Итак, батюшек нельзя обвинить в отсталости: ни радио, ни телефона, ничего подобного у них нет, но и они заимствуют от текущего века то, что им полезно.

Отцы сидят всем собором на солнышке и перебирают зерно: быстро, умело. Может быть для просфор к приближающемуся празднику Великомученицы? — все-таки будут побелее.

Хотелось и мне присоединиться, да подумала, что буду стеснять своим присутствием.

29 ноября.

Сегодня день памяти св. Евангелиста Матфея. Утреня, как обычно была в базилике; на аналое старинная икона Евангелиста.

А литургия опять была в церковке-часовне Панагия Зоодоху — Пресвятыя Богородицы Жизнедательницы, где образ Спасителя с всевидящими очами.

Если бы можно было, я бы и в Каире ходила в такую церковку — хоть раз в неделю ставить душу свою и совесть перед Его очищающим взором.

1 декабря.

Ох, как я вчера отравилась! И до этого я замечала, что мне иногда плохо, а вчера!

Не желая никого беспокоить, я через силу сделала себе крепкий чай из иссопа. Как это мне помогло! Когда все-таки увидели, что со мной неладно, сейчас же пришел отец Илия — заведующий аптекой (сам бывший аптекарь), самый седобородый монах; расспросил о предполагаемой причине и сделал мне микстуру.

Пища здесь простая, грубоватая, но ни с кем ничего не было; значит надо искать другую причину. Конечно, это от пищи из баночек. Я привезла некоторое количество ее, но т. к. никогда не любила этого сорта пищи, то и не трогала, кроме варенья в жестяной банке и молока в порошке известной фирмы. Отдала и то и другое выкинуть.

Слуга Моисей наведывался и вечером, и рано утром. Спасибо им всем!

А ночью была сильная жажда. Я опять, еле двигаясь, сварила на своем дорожном примусике обыкновенный чай и даже заснула.

Сегодня слабая, как будто всерьез переболела.

Недавно, еще до моего приезда, о. Илия спас араба, укушенного змеей. Араб не из монастырских, а из дальних, а там и змеи водятся. Ну, как всегда в беде, бросились в монастырь (не знаю, может быть на верблюде привезли). О. Илия во-время успел сделать укол. Араб остался жив.

Сегодня пошел караван в Ель-Тор (древняя Раифа). Пришли взять и мои письма, которые уже несколько дней ждали случая быть отправленными.

Батюшки здесь почти все почтенные старцы (хотя постоянно живущих в обители монахов не больше девяти), а ходят без очков, не в пример мне, имевшей прекрасное зрение. Чистый и прозрачный воздух, что-ли, способствует сохранению зрения? или керосиновые лампочки, вместо электричества?

Живу я здесь без часов — мои крохотные никуда не годятся. Да и нет надобности в часах — здесь все по звону.

Когда я ночью долго пишу, а утрени нет, я не иду на "часы" и сплю, пока солнышко не появится в зубцах горы.

Монастырь лежит в лощине между горами, которая со стороны подъезда к ней открывается долиной Раха (Wadi Raha — долина Отдыха стана израильтян Моисея), а с противоположной заключена между двумя сходящимися кряжами гор.

И вот, когда солнышко видимо в углублении между этими кряжами, значит, пора вставать: батюшки отчитали часы, откушали и уже был звон на работы.

Вечером смотрю, когда потухнет самая высокая вершина горы св. Епистимии напротив — значит, солнце совсем ушло, надо закрывать двери или надевать пальто, чтобы ночью не кашлять.

К празднику подвозят провизию из Эль-Тора на верблюдах. Расстояние небольшое (сравнительно с пройденным нами на грузовиках вдоль полуострова) проходится в два с половиной дня.

Провизия, так же, как тяжести, поднимается к дверце на верху стены на канате ручным лифтом. Также поднимаются и дрова, привозимые на верблюдах же.

Последние дни и, в особенности вчера, весь монастырь мели и прибирали, хотя здесь вообще чисто — готовились к празднику и приезду Владыки, паломников, туристов.

Сегодня после обеда зазвонили колокола, на стене крепости (я так называю вообще всю крепостную стену, окружающую монастырь), взвился флаг монастыря — автомобиль Владыки остановился под стенами — издали его нельзя увидеть, т. к. дорога заворачивает за гору. Встретили Владыку все монахи, два плотника и я. Он очень славный; привез мне поклон от мужа и все спрашивал, как мне здесь?

А сопровождавший его монах привез мне пакетик от мужа — подарок мне и молодым диаконам и мою корреспонденцию.

Сейчас весь монастырь читает письма, даже 90-летний о. Моисей. Только о. Пахомию не было ничего, но я понесла ему часть своей корреспонденции и, между

прочим, письмо из Джорданвилля с изображением нашего храма там, на заголовке листа; показала присланную мне фотографию — деталь этого храма, аль-фреско, писанную о. Киприаном.

О. Пахомий — настоящий знаток — сразу разобрался в стиле и в манере письма; рассматривали с ним вместе в лупу. Перед этим я показывала ему снимки русского скита в Канаде. Он все заговаривал со мной об этом при каждой встрече. А теперь он просто в экстазе.

А из своих сокровищ, т. е. монастырских икон, часть которых на его ответственности и многие из которых он поправляет, он каждый раз показывает мне что-нибудь интересное. Он умеет заинтересовать даже не таких любительниц, как я: люди, которые не думают об этом, заражаются его энтузиазмом. Он определяет довольно точно эпоху, в которую написана икона, ее стиль, а иногда и национальность живописца.

Ведь имени никогда не бывает: изредка год, еще реже место, где написана икона.

Сегодня показал мне обломок иконы, м. б. половина, м. б. треть, да и та "сшита" толстым кожаным шнуром, т. к. и эта часть была разбита. На этом куске два лика: наверху — св. Афанасий и внизу — св. Василий Великий.

Лик св. Василия Великого написан довольно примитивно, однако, выражение лица, строгость философская, почти суровость, переданы удачно.

А наверху весь лик был выбит; тщательно вставлена четырехугольная дощечка в толщину иконы, тоже укреплена и на ней довольно хорошо вновь написан лик Святого в венце от прежнего живописца.

Я так и ухватилась за эту икону.

"Что это, о. Пахомий? Неужели иконоборцы?" "Когда я неуверен, я не говорю, но очень, очень может быть. И работа и поправка неизвестных художников". "А иконоборцы были здесь?" "По всему христианскому миру были; не знаю откуда эта часть иконы".

Около его кельи две часовни заполнены иконами, но и самая его келья заполнена поправляемыми им

иконами; необходимыми простыми материалами для этого; книгами.

Спит он в углу на полу, на подстилке — "нет места в моей малой келии для кровати" — объяснение настоящего монаха.

3 декабря.

Зажигание паникадил в базилике, которые тут великолепны, хотя и не такие огромные, как я видывала (в греческих храмах; в Русском Соборе Св. Троицы в Иерусалиме), уводят мои воспоминания в далекое детство. Зажигают, как у нас в провинции бывало — свечой на длинной палке и тушат длинной же палкой с колпачком наверху. А то диакон и лестницу подставляет.

Впрочем, у нас было даже лучше: под большие праздники мы, дети, любили следить, как диакон, в определенный торжественный момент богослужения, проходя, слегка касался большой свечкой нитки, спускающейся от паникадила, эта нить, пропитанная воспламеняющимся составом, обвивала фитиль каждой свечи: все свечи паникадила зажигались почти сразу. Каким чудом казалось это нам, детям!

Сбоку аналоя, у места, где я стою — русский подсвечник, такой, в какие мы, детьми, ставили свечи, и даже с образком Св. Николая на нем и с русской надписью...

О. Пахомий показывал мне в часовне Иоанна Предтечи русские подсвечники с громадными русскими же восковыми свечами на них; этим свечам более шестидесяти лет.

Икона, которую подарили мне еще на Синайском подворьи в Каире, конечно, снята с находящегося здесь образа св. Великомученицы Екатерины и я все искала: где же моя? И нашла: в часовне Неопалимой Купины, против престола, справа. Моя — точная копия с этого образа, хотя фотографическая, но в красках!

Еще в Каире на Синайском подворье мы видели парочку Синайских перепелок в клетке. И здесь висит парочка — вероятно, для памяти о чуде древнем.

Что два раза в году бывает перелет этих перепелок через Синай, это известно — это их маршрут (не в Русский ли Туркестан и обратно?), но что по молитве Моисея два раза перепелки появлялись в назначенные им дни и в таком количестве, что мясной пищи хватило вдоволь на весь огромный стан израильтян — это чудо Божие!

Мы не привыкли видеть изображение Моисея и Аарона на Царских вратах, как здесь в базилике и в некоторых других местах. И когда священник после обедни читает отпуст, он тоже поминает свв. пророков Божиих Моисея и Аарона.

Мы готовы порою забывать, какими они были мощными ковачами духа человеческого, по образцу, завещанному Богом. Какую веру и страх Божий надо было иметь, чтобы не отступить, не опустить руки перед жестоковыйным, непокорным и шатающимся людским множеством, готовым всегда отступить от Истинного Бога, и неустанно прививать ему Божии законы, которым долженствовало быть переданными в дальнейшие поколения и которыми живет и до сих пор человеческий род.

4 декабря.

Введение во храм Пресвятыя Богородицы. Еще вчера на всенощной базилика, и так всегда чистая, сияла особенной чистотой и огоньками. Даже местами были постланы ковры.

Вместо обычного русского подсвечника у аналоя с иконой праздника, стоит теперь другой большой, тройной и, конечно, тоже русский с прекрасными иконками на "свечах": Богородицы, Воскресения Христова и Николая Угодника. Эти толстые белые "свечи" металлические и наверху у них или лампада, или по свече.

Подсвечник совсем новый, блестящий и сияющий — как будто он сейчас к празднику через степи, моря и пески, на пароходах и верблюдах, принесен был сюда на Святую Гору со Святой Руси.

Мне хотелось подойти и обнять этот торжественный подсвечник, пробудивший столько дорогих воспоминаний. Но я степенно поставила свечу, как давным-давно ставила в такие подсвечники в детстве.

Нечего и говорить, что икона Праздника на аналое была старинная, старинная. Здесь есть иконы, особые, чуть не на каждый день года!

Сегодня на Введение во Храм было архиерейское служение...

Архиепископ Порфирий III, небольшого роста, добрый и достойный (об этом мы и от греков слышали), в своих облачениях имел вид величественный.

Облачения, как архиерейское, так и прочего духовенства — великолепны, и все в один тон и рисунок.

Во время обедни было поставление молодого монаха Илии во диаконы. Я первый раз в жизни присутствовала на таком священнодействии.

Мы очень молодыми выехали из России: многого не успели узнать и увидеть.

Таинство волнующее. Даже я, вчуже, чувствовала себя, как натянутая струна, хоть и плохо знаю я мистическое значение таинства: Архиерей омыл руки, вытер полотенцем и накинул его на голову посвящаемого, который так и простоял с полотенцем, почти закрывающим лицо, с тяжелым серебряным кувшином и подносом в руках, низко наклонившись перед образом Спасителя, что с правой стороны Царских врат.

Потом Архиерей опять омыл руки из того же серебряного кувшина, отер полотенцем прямо с головы посвящаемого и тот перешел к образу Богоматери — слева. И до совершения таинства, так и стоял он, наклонившись.

Не обозначает ли это послушную готовность служить Христу и Его преемникам? Потом его облачили, одели орарь и он даже выходил с дискосом.

После литургии было чествование нового диакона. Сначала предложили по стакану воды с вареньем; потом была речь Архиерея к новопоставленному диакону и все выпили по рюмочке коньяку (Кипрского, и сам диакон с Кипра). Потом неизбежное черное кофе.

Торжественная, старинная гостиная мне очень понравилась (когда-то она, вероятно, считалась роскошной!) это архиерейская гостиная.

И тут масса старинных икон. И больше все русские! В центре божницы на стене довольно большой серебряный образ Казанской Божией Матери. Наверху небольшой образ Спасителя, такой, какой бывал почти в каждом русском доме.

На боковой стене слева — прекрасная большая икона-картина старинная, или просто старая? — уж очень она хорошо написана; и на ней надпись по-русски: "Тайная вечеря".

Владыка предложил батюшкам показать мне все это.

Ах, да! после обедни о. библиотекарь, он же — заведующий сокровищницей базилики, показал нам напресный крест, замечательно красивый и драгоценный, и эмалевый, в красках, тоже очень красивый образок Спасителя на тяжелой золотой цепи — дары Царей Константина и Елены в первую церковь, воздвигнутую на месте Неопалимой Купины еще до базилики Юстиниана.

Вот не думала, что и тогда могли быть такие изящные драгоценности!

Я уже третий раз меняю комнату: весь верхний этаж пойдет для приезжающих к Празднику. Я-то здесь уже вроде своей. Моя теперешняя комната внизу рядом с келией о. дикея Феоклитоса — он здесь вроде наместника Владыки. О. дикей — старый, тихий и добрый, с больными ногами.

Комната еще проще, но большая, солнечная, в нескольких шагах от базилики, прямо против нее; просыпаюсь, ложусь — молюсь прямо на ее крест; пишу, обедаю — перед глазами фронтон и крест базилики (она ниже уровня земли).

А солнце, как только выглянет в прорез хребтов — так в мою комнату!

Архиепископ справлялся, как я себя чувствую на новом месте? — я ему искренне ответила, что сейчас

положение у меня исключительное на свете: в виду и в нескольких шагах от Синайской базилики!

А ведь сегодня, в далеком Кливлянде тоже праздник в новом русском храме Божием. Я и в базилике все время думала об их торжестве. И на душе у меня легко.*)

После вечерни меня пригласили на торжество: была раздача подарков Владыки монахам. Каждый получил коробку с небольшими, но приятными и нужными вещами: носовые платки, носки, немного съестных продуктов и пр.

А через несколько дней в ту же монашескую гостиную были собраны арабы, работающие в монастыре и каждый получил от Владыки по отрезу бязи, которую они здесь очень ценят — каждому на "галабею" (галабея — длинное мужское платье).

Около часовни Неопалимой Купины — придел Мучеников (здесь избиенных и здесь же под полом погребенных), а около этого, еще один, тоже небольшой, придел-часовенка: в ней Иверская и такой же большой образ Господа-Вседержителя — русский же внизу, написано 1754 г. На раскрытом Евангелии в Его левой руке слова из Евангелия по церковно-славянски. Я, с разрешения батюшек, захожу сюда иногда вне службы помолиться вслух по-русски перед русскими иконами.

А в приделе Мучеников, между многими другими, есть икона — Благовещение Пресвятой Девы — четверти в полторы вышиной, вышитая шелками.

Работа великолепная: тона шелков выдержаны до тонкости, как краски, не говорю уж об исполнении рисунка. Упокой, Господи, душу набожной и искусной мастерицы, которая выполнила эту работу!

Одна из моих любимых прогулок — по крыше библиотеки — отсюда вид особенно хорош; а также внутри крепостных стен. В них наверху, кроме проходов, коридоров, бойниц и наблюдательных прорезов, есть

---

*) А. М. Гаврилова пожертвовала Кливляндскому приходу икону Пресв. Богородицы Владимирския, писанную в Горнем (граде Иудовом) и освященную на Животворящем Гробе Господнем.

довольно порядочные комнатки: это и молельни, и келии монахов. В былые времена, в тревожные периоды жизни монастыря, монахам приходилось безотлучно вести сторожевую и наблюдательную службу; тогда они и молились на стене в этих комнатках и поочереди там же спали.

О, я счастлива! — Менее часу тому назад, я держала в руках корону Царя Михаила Феодоровича Романова.

Меня до слез растрогала эта небогатая корона. Она довольно высокая, как митра, массивного золота, но довольно простая, по сравнению с другими, которые я видела. И какими простенькими камешками украшена она: есть аметисты, бирюза (единственные камни, которые даже я имела в России); есть небольшие рубины и много жемчужин — мелких, неправильной формы.

Каково-то было Матушке Святой Руси, ограбленной и ободранной, справить своему Надеже-Царю Михаилу даже такую скромную корону. На ней довольно тонкой работы гравировка: Богоматерь, Иоанн Предтеча, Николай Угодник, Ап. Петр и Павел. Увенчана она небольшим крестом из жумчужного бисера. После я вспомнила, что будто видела где-то Царя Михаила Феодоровича в этой короне; не то в учебниках, не то на редкой гравюре...

Мне объяснили, что ее прислал в дар монастырю сам Михаил Феодорович. Но мое скромное мнение, по некоторым сопоставлениям, что эта корона была прислана сюда позже, сыном его, Царем Алексеем Михайловичем (иконостас в храме Благовещения при источнике Пресвятой Девы в Назарете — тоже дар Алексея Михайловича).

А дети Алексея Михайловича: "Государи-Цари Иоанн и Петр Алексеевичи и великая Государыня София Алексеевна"... прислали сюда саркофаг для мощей Великомученицы из золота и серебра, украшенный крупными драгоценными камнями. (Первый вопрос "туристок" — настоящие ли это камни?). Крепла

Россия и быстро богатела: вспомнить только Эрмитаж и обилие в нем алмазов и прочих драгоценностей на подарках Екатерины II своим приближенным.

До сих пор в путеводителях и у туристов страшная путаница и фантазия относительно имен жертвователей двух саркофагов в алтаре базилики, между тем, как еще сто лет тому назад Архимандрит Порфирий Успенский из Петербурга, работавший здесь в библиотеке, разобрал славянские надписи на серебряном саркофаге, имеющем на крышке изображение св. Екатерины из серебра и золота. За вышеупомянутыми именами детей Царя Алексея, надпись дальше гласит: "...в 1689 году усердием своим ... на свои личные средства соорудили ..." Все затруднение, даже для русских, в том, что надпись сделана причудливой славянской вязью, очень старинной

Другая гробница в русском стиле, с эмалевым изображением Святой на крышке, украшенном драгоценными камнями почему-то приписывается то тем же лицам, то Имп. Екатерине II, то Имп. Александру II. А любители-объяснители совершенно все путают и искажают.

Частички мощей св. Екатерины, которая стала покровительницей Синайской обители, уже вскоре после их открытия на вершине горы, получившей отсюда название горы св. Екатерины, посылались во многие церкви Европы; так же, как все духовенство, посещавшее Синай, получало частички мощей.

Оставалась только глава и две руки Великомученицы, но теперь правая рука давно уже в одной из церквей Франции. Таким образом не стало необходимости в больших гробницах — подарках Русских Царских Особ, и мощи помещены в небольшую, простую, хотя и красивую белую мраморную раку.

Ох, сколько я видела сегодня!

Обычным паломникам или туристам не увидеть, конечно, всех сокровищ базилики или хоть части их, но мне посчастливилось. Только что приехали в обитель директор Александрийской Патриаршей библиотеки и

архитектор, который будет заканчивать новое здание Синайской библиотеки.

Библиотека уже помещается в новом здании, но нужна внешняя отделка. Архитектор сокрушался: сколько потребуется одного цемента, а каково-то его доставлять тоннами, если на каждого верблюда можно нагрузить только 150 кило!

Они-то и пригласили меня присоединиться, а им покажут то, чего другие не увидят.

Видела русский подарок — Евангелие по-гречески чудной внешности (оно не старое, может быть, лет сто): хотя розовый бархат переплета пообтерся, но на нем много образков на эмали чудной работы, тоже в розовых тонах. Надпись на Евангелии и над образками тоже по-гречески, но я разобрала по-гречески же — Киев, и библиотекарь подтвердил, что это русский подарок. Оно всегда стоит в алтаре базилики на престоле в числе других шести Евангелий.

О. Иоаким — библиотекарь, он же хранитель сокровищ, объясняет моим спутникам по-гречески, а они мне переводят по-английски.

Видела чашу для Св. Даров, хотя и не драгоценную — сплав серебра с золотом, но самую древнюю из имеющихся здесь — XV века — подарок французского короля Карла, отца того Карла, которого Жанна д'Арк возвела на французский престол.

Чаша довольна простая, но вся в лилиях и французских гербах с лилиями же.

Видели целую серию крестов (для благословения народа), разных эпох, но какая работа! Оправа из сквозного золотого или серебряного кружева, внутри сквозная же работа по дереву (не знают кипарис это или какое другое дерево), состоящая из изображений святых. Какая тонкость! — каждая черточка лика, каждая бровочка отчетливо вырезана и видна без лупы! Рассматривая эту работу, уж не обращаешь внимания на небольшие камни — бирюза, некрупный, неправильной формы жемчуг и прочее.

В двух из этих крестов есть по кусочку Древа Животворящего Креста Господня в ¼ см. ширины и 1½

см. высотой. На фоне светлого дерева эти кусочки так выделяются! Мы прикладывались к этим крестам — хорошо, что мы все трое православные: двое греков и я, русская.

Есть небольшой золотой наперсный крест, весь усыпанный драгоценностями — подарок Константинопольского Патриарха одному из прежних Синайских епископов.

Видели ковчежцы для хранения Св. Даров. Один представляет Синайскую базилику, а другой тоже церковь, с куполами. Золотые, тонкой работы.

Показывали кадило — все серебряное кружево, удивительно приятно звучащее при движении; тонкой работы серебряные лампады; чаша для Св. Даров, не драгоценная, но лучше чем драгоценная, как выразился о. Иоаким: приношение от чистых сердец простых верующих.

Показывали митры: одна высокая, тонкой работы XVII века, от Константинопольского Патриарха.

Осматривали вместе базилику — ведь на нее не насмотришься! Стены в алтаре выложены мраморными плитами из храма богини Дианы Эфесской! (Потом, повидимому были в одной из христианских церквей Эфеса!).

В алтаре, в полукуполе, над знаменитой мозаичной картиной Преображения Господня, сверху две мозаичные же картины: слева — Моисей, снимающий сандалии перед Неопалимой Купиной; справа — Моисей, получающий скрижали Завета.

Большое паникадило перед иконостасом — дар греческой колонии из России XVII века.

В часовне Неопалимой Купины и рядом в часовенках много русских "складней" — триптихов.

В часовне Неопалимой Купины среди множества икон, обращает на себя внимание икона — Видение Иакова — родословное древо Иисуса Христа.

Большое шелковое полотнище, что на стене против раки с мощами, дар греков из Индии, что и по работе видно. Обе продольные стены базилики сплошь увешены иконами в ряд. И выше еще много.

У входных дверей базилики слева — образ св. Великомученицы Екатерины испанской работы (каталанской), это видно по типу, одежде и даже позе.

Над входными дверями внутри же базилики — громадное полотнище (а в часовне Неопалимой Купины почти подобное же, но меньше) не знаю, как назвать: загробная жизнь? отделение агнцев от козлищ? Смотришь и страшно, страшно за нашу земную жизнь... Видишь, как Ангелы большими крестами стараются защитить грешные души от пасти чудовища и притянуть их к себе.

Над великолепным, богатым, вызолоченным иконостасом — русский дар, хотя об этом, теперь, кажется, забывают — очень хорошее большое распятие, и я не успокоилась, пока всех не расспросила, почему ноги Спасителя прибиты одним гвоздем, по латинскому образцу.

Оказывается, что эта работа одного Критского художника Венецианской школы.

Свою драгоценную библиотеку Синайские монахи оберегают очень ревниво: паломники и туристы, как мы знаем, допускаются только в вестибюль; сама библиотека под замком, и только поверх дверок можно ею полюбоваться.

Синайская библиотека — первая в мире по содержаню — объяснял Директор Александрийской Патриаршей библиотеки. Здесь до 5.000 манускриптов и из них до 2.000 особенно ценны, тогда как в Александрии их до 2.000, а особенно ценных около 500.

Каталог Синайской библиотеки начал составляться очень давно, различными учеными, каждым по одной какой-нибудь отрасли, по своей специальности. Много потрудились тут русские ученые.

В теперешнее время, когда по духовному невежеству, и по намеренной "утонченности" этого невежества, Россию смешивают с Советами, и готовы, и пытаются замалчивать или искажать факт, что ценнейшие и преобладающие дары в Синайской обители из России, от русских, во мне вызывают признательное чувство заметки иностранцев (включая и мусульманских авто-

ров) о Синайской обители, далеко не точные — (каждый судит с своей точки зрения и большая их часть не православные), но отличающие вклад русских ученых в труды по классификации Синайской библиотеки. Теперь каталог имеется полностью. Он готов уже 20 лет! Но напечатать его не могут и он лежит в Каире.

Ученые, которые до сих пор еще, время от времени занимаются в библиотеке, иногда делают "открытия" манускрипта, который... давно уже занесен в каталог и занумерован.

В библиотеке много так называемых palimpseste-ов — слово греческое, но принятое всеми для пергаментов, древне-языческое содержание которых соскабливалось (особенно в средние века) и на них вновь писалось — при рассматривании в лупу видно соскобленное.

Codex Siraique — тоже palimpseste и соскобленное видно простым глазом или через очки, как рассматривала я, пожелтевшие следы соскобленного ясно проступают.

Codex Siraique (иначе C. Sirsin) написан справа налево, как у арабов.

Codex Sinaiticus и Codex Alexandrinus — оба не palimpseste; написаны по-гречески в IV веке; содержат Ветхий и Новый Завет. Им равен только Codex Vaticanus, написанный в V веке.

Дело в том, что распространенное мнение о совершенном уничтожении знаменитой древней Александрийской библиотеке Калифом Омаром, не верно. Сохранилась в то время приличная часть, которая потом уже была почти уничтожена (большей частью небрежным отношением и раздачей на прочтение без отдачи).

Александрийская Патриаршая библиотека сегодняшнего дня — скромный, но благородный потомок древней Александрийской библиотеки, в которой тоже был свой Codex, в пару Codex-у Sinaiticus.

(Термин Codex, как я понимаю, относится к Библии, написанный не на свитке, а в форме книги).

Александрийский Патриарх Кирилл Лукарис, будучи переведен в Константинополь, самовластно взял с собой Codex Alexandrinus и оттуда в 1627 году отправил его английскому королю Карлу I.

Подарил или отдал на сохранение от опасных треволнений жизни Константинополя той эпохи — никогда не было выяснено, так как Кирилл Лукарис был задушен янычарами, а Карл I вскоре был обезглавлен, как в начале этого Codex-а и предостерегается всяк, посягающий на его присвоение. На Codex-e Sinaiticus такого заклятия нет.

И теперь, когда большевики подарили (как думают), или продали англичанам Codex Sinaiticus, — который проф. Тишендорф купил по поручению Импер. Александра II в 1859 году, — оба Codex-а лежат рядышком под стеклом в Британском Музее в Лондоне.

В Синайской библиотеке очень много манускриптов на грузинском языке; много сот и на славянских языках — ни тех, ни других я (почти) не видела; отец библиотекарь не знает какого происхождения славянские манускрипты и книги.

Та фотографическая копия Codex-а Sinaiticus, что лежит в вестибюле — только один первый том, а их четыре. Еще бы! — при таком крупном и отчетливом письме, надо много места, чтобы поместить всю Библию.

Насмотревшись здесь шедевров письменности, художества и других отраслей искусства, я опять возвращаюсь невольно к мысли о высоком культурном уровне прежних поколений человечества, об их работоспособности, терпении и вкусе.

Меня взволновало сообщение, что Общество Византинистов в Египте собирается издать каталог всех икон Синайского монастыря — издание роскошное, в красках. Вот что я хотела бы иметь! Но, воображаю, сколько это издание будет стоить, да еще, может быть, будет оно в ограниченном количестве и с строгим распределением.

А какую массу знакомых, хорошо запомнившихся икон я бы встретила! Узнавала бы, где они стоят или висят.

5 декабря.

Была у молодого кипариса — "зеленой свечечки", что на склоне горы св. Епистимии.

Он не такой-то молоденький, этот кипарис, хотя далеко и не такой старый, как кипарис на площадке на полдороге на Синай у часовен Пророков Моисея и Илии, или даже у нас в саду монастыря.

И как я только добралась туда, не зная настоящего пути! Склон горы почти вертикальный и издали кажется гладким. Но когда подойдешь вплотную, видишь складочки камня, неровности. Вернуться? что было бы, пожалуй, труднее подъема, или попытаться?

Я разулась, перекинула связанные туфли через плечо и нащупывая ногами неровности, с молитвой проползла, прокарабкалась до самого кипариса. Больше таких экспериментов делать не буду — не по возрасту, можно и сорваться.

На террасе у края стены собрались монахи, наблюдая, чем кончится.

Взяла от кипариса веточку, шишки, набрала камней. Спускалась с другой стороны — слева, гораздо легче и чудный вид на монастырь. Странные здесь горы: розовый гранит, как называю я, или красный, как называют другие, вдруг оказывается прорезан, на большое расстояние, полосой другой породы в четверть ширины или больше. И серый так же.

Теперь я знаю, что подъезжая к Синаю и днем бы мы его не увидели. Это раньше пилигримы, подходя с караваном верблюдов вдоль долины Раха, видела издали, а теперь автомобили появляются из боковой долины у холма Аарона.

6 декабря.

Боже мой, где я сегодня была!

С утра пошла из монастыря одна к холму Аарона. Прошла развалины кампа солдат Аббас Паши (камп

был каменный, т. к. этот строительный материал здесь кругом в изобилии), взобралась к часовне Аарона, в которой мы уже были с диаконом К. Так называемая гора Аарона (Jabal Harun) — просто холм и притом не высокий, взбираешься без всяких усилий.

Помолилась у часовни; она поставлена на месте, где был воздвигнут Аароном по требованию израильтян, золотой телец; разбив истукана, Моисей поставил здесь алтарь Богу.

Заглянула в рядом стоящую, очень плохую мусульманскую молельню круглой формы, с болтающейся незапертой дверью. Осмотрела окрестности, припоминая из Библии события, происходившие здесь.

От подножия холма Аарона расстилается Wapi-el-Raha (долина отдыха), которая была "кампом" стана израильтян у горы Синая. С холма Аарона не видно вершины Синая, т. к. она закрывается горой Safsafa которая была границей запрещенной зоны Божией Горы — Синая.

У арабов пустыни название местности часто по растительности на ней. Ras es Safsafa — гора ивы (Ras — голова, мыс, пик) — на горе действительно старая ива, из которой, по преданию, Моисей вырезал свой чудесный жезл.

От подошвы Safsafa израильтяне наблюдали за явлениями над вершиной Синая, которая была в дыму и огне, когда и вся гора колебалась.

Указывают крутой, узкий спуск — ущелье с Синая сюда, по которому спускался Моисей со скрижалями и откуда, еще не видя, услышал ликование народа (вокруг золотого тельца).

Отсюда же с подножия Божией горы, потом, Моисей объявил народу израильскому, данные ему на Святой Горе Десять Заповедей.

Нижняя часть горы Сафсафа как бы мысом вдается в самую долину Раха. Отсюда Моисей объявил Заповеди Божии? С этой высокой, высокой вершины Сафсафа (всего три вершины у этой горы), закрывающей Синай и служащей ему подножием, или с той оконечности Сафсафа, вдающейся в долину?

"Полезу, посмотрю..." — решила я.

И полезла... без тропинки, напрямик... Склон горы отвесный; платье мешает, аппарат в руках бьется о камни; очки сползают; назад оглянуться еще страшнее, чем итти ввысь; я уже лезу на всех четырех, стараюсь не думать о способе возвращения.

На полдороге взмолилась ко Господу, Пророку Его Моисею и Первосвященнику Аарону: "Спаси, Господи! не дай сорваться; я лезу по обету, который дала тут же внизу — за торжество в душах людей Законов Божиих, я должна долезть". И долезла!

На верху этой оконечности Сафсафа, действительно, как бы трибуна и даже небольшая площадка. Стоишь над долиной, как на пьедестале. Я сняла ее оттуда.

Ветер продувает меня, промокшую от подъема на ногах и руках, а мне нипочем — долезла!

Но тут же беспокойная мысль, как спускаться? По тому направлению, по которому поднялась, даже страшно заглянуть вниз. Стала осматриваться. Противоположный склон тоже крут, но более приемлем.

Внизу, с дороги целая куча бедуинов наблюдают. И когда они успели собраться?

Стала кричать, как бы зовя на помощь — чтобы проверить ясность и отчетливость звуков здесь. Очень хорошо слышно! Моисея могли слышать отсюда; не отсюда ли он, спускаясь с скрижалями (второй раз) и объявил народу Закон Божий?

Арабы не торопятся подниматься ко мне. Набрала камешков на вершине; стала подбирать и спускаясь. Здесь красный гранит изрезан жилами белого кварца. Все мои камешки — осколки отсюда — таковы.

Пока я лезла наверх, вокруг меня очень пахло знакомым лекарством; в волнении не могла остановиться, рассмотреть и определить, чем пахнет; что-то от простуды, — такой знакомый запах детской комнаты, когда в ней лежит больной!

Спускаясь, я инстиктивно избрала прием, решив пожертвовать платьем: села и, упираясь руками и ногами, иногда, направляя движение палкой, я... оседала, и оседала вниз...

Когда я была уже в безопасном месте, босая арабка, ловко и быстро, как коза, прыгая по камням, поднялась за бакшишем: ни мильема не получила.

А платье оказалось совсем немного порванным и в монастыре я, бочком, незаметно, пробралась в свою комнату.

Еще раз взобралась на холм Аарона и сняла оттуда "трибуну Моисея", как я назвала площадку, на которой только что побывала. И сама удивилась, как я с этой стороны рискнула лезть напрямик!

В сравнении с вершинами Рас-ес-Сафсафа эта оконечность ее не кажется очень высокой. Надо "попробовать", чтобы понять! Нет, больше не буду лазить одна.

6 декабря.

Сейчас, поздно вечером наблюдала со стены, как подходили автомобили с туристами (или пилигримами). Прибыло пока только три; огибали гору и спускались к монастырю медленно и долго и все-таки оказалось, что лэди вышли из автомобилей и шли пешком с электрическими фонариками. Их бы на мое место! Да, мы, русские, покрепче будем!

7 декабря.

Отправилась на Синай с экскурсантами прибывшего агентства; часть участников на верблюдах, часть пешком — все в обход, по дороге Аббас Паши. С полдороги молоденькая американка настояла, чтобы я ехала вместо нее. Чтобы попробовать, первый раз в жизни, я уселась: на вопрос, как я себя чувствую в моем "караванном крещении" я отвечала, что на своих на двоих было бы вернее; но потом освоилась и мне даже понравилось — с высокого седла я любовалась окрестностями, которых с "лестницы пилигримов" не увидишь (ведь лестница, как бы врезана в гору). А окрестности чудесные! Душа парит в таком окружении.

Некоторые из участников видывали виды, но все-таки были в восхищении.

Добрались до пункта, где все спешились — это гораздо выше часовен Пророков на площадке с кипарисами; и уж по лестнице добрались на верх.

Помолились в часовне. Некоторые просто с любопытством рассматривали роспись стен и расспрашивали, что это значит (и что страннее всего, оказались христианами!). Расписались в книге.

Любовались окрестностями: пик св. Екатерины с белеющей ее часовней наверху; гора Тиния, с низким беловатым четырехугольником дворца на вершине. (Аббас Паша находил, что вся местность вокруг Синая имеет условия идеального санатория; провел дороги сюда и начал постройку дворца для себя, который остался незаконченным); а кругом целый океан других гор, как застывшие каменные волны, часто изрезанные наверху зубцами и пиками.

Местами голубел Суэцкий залив. Многие уверяли, что видят с противоположной стороны поблескивания залива Акаба. Опять залезала в оба грота: южный и северный (от часовни), какой бы из них не считался тем, в котором Моисей укрылся от проходящей Славы Божией.

Относительно большого грота — у стены мусульманской молельни, в которой Моисей два раза жил и постился по 40 дней, мнения не расходятся. Как жаль, что большинство участников экскурсии, повидимому, не знают Писания, а то бы они получили гораздо больше.

Спускались пешком по лестнице. Заходили во все часовенки: на полдороге на зеленеющей площадке рядом две часовни, о которых я упоминала; сначала заходили в часовню Моисея, а потом Илии.

Опять со свечой в руках залезала в пещеру пророка Илии, что в алтаре сбоку: она очень тесная, можно только сидеть и, может быть, спать. В стене малое углубление: уверена, что не для хлеба и одежды,а для книги Писания и светильника.

Всем понравилась моя идея и все поочередно стали, со свечой в руках, залезать в пещеру.

Интересно наблюдать за туристами: сначала они и держат себя, как любопытствующие туристы; потом, как будто что-то припоминают, задумываются.

Вообще говоря, я во всех святых местах не захожу по возможности в алтари, но иногда даже монахи и священники разрешают и приглашают.

Опять нарвала иссопу (впрочем, он объеден козами почти до самой вершины Синая) и другой травки. Набрала камней: наверху — серый гранит с темно-зелеными крапинками; потом идет розовый, фиолетовый и, наконец, красный.

Пещера, что внизу лестницы на гору Синай, имеет свою историю. Меня заинтересовала эта пещера еще в прошлый раз. Она довольно обширна, высока, почти закрыта; на полу совершенно почерневший от огня, плоский камень и даже куча пепла; а рядом, в углублении — вода, кажется дождевая.

Когда-то сюда уходили монахи из монастыря...

7-го же декабря. Вечером.

Торжественная всенощная. Базилика блестит чистотой, разными златотканными уборами (большинство из них — дары былых русских поклонников), лампадами и свечами. И вся благоухает.

Рака с мощами Великомученицы покрыта дорогими покровами, сверху которых возложена высокая корона Святой (не та драгоценная небольшая коронка, которая всегда увенчивает главу Святой в ковчежце).

Перед ракой масса свечей: от нас, постоянных, от немногочисленных пилигримов, от туристов.

На аналое очень хороший большой образ св. Екатерины, шитый золотом, серебром и бисером; вероятно, греческий дар, по крайней мере, надпись греческая.

Сам высокий аналой в венке из зелени и белых цветов.

Потом духовенство перешло в придел, где находятся мощи Святой и долго все они пели стихиры Великомученице. Дверь из этого придела в дальнейший сегодня закрыта чудной иконой на бархате — русской; Александрийская мученица с развернутым свитком на

церковно-славянском языке, а вокруг иконы, на том же языке восхваление мудрости и непорочности Великомученицы.

Здесь же было освящение хлеба, вина и елея. А потом Архиепископ раздавал всем по хлебцу (который гораздо белее, чем всегда) с оттиснутым на нем изображением св. Екатерины.

А на хлебце, который я получила после всенощной под Михаила Архангела — было изображение монастыря.

Излагая житие св. Великомученицы Екатерины, нельзя придерживаться большой точности, тем более, что мне не приходилось читать русского описания жития этой Святой, принятого канонически.

Всем известно, что св. Екатерина была родом из Александрии — дочь языческого губернатора этого города. При этом условии допустима всякая национальность. Греки, в простоте души, и не мыслят св. Екатерину иначе, как гречанкой. (Убедите-ка русскую богомолку, что Николай Угодник, такой близкий русской душе, покровитель Земли Русской — не русского происхождения!). Греческое происхождение св. Екатерины могло бы быть и естественным, принимая во внимание историю Египта. Однако, один образованный греческий священник прямо сказал мне: "Мы не можем этого утверждать с точностью; и имя Екатерина, не греческое" (т. е. раньше его не было).

А один египетский профессор, верующий мусульманин, которого я встретила в монастыре, уверял меня, что св. Екатерина была по происхождению египтянка. И в этом не было бы ничего удивительного, т. к. "в Церкви Христовой несть эллин, ни иудей . . . но всяческая и во всех Христос".

Красивая, богатая и ученая патрицианка после своего крещения и получения кольца от Младенца Иисуса, осталась непорочной невестой Христовой.

В пору гонения на христиан при Максимильяне II, она защищала от тирана других женщин и сама своей чистотой и ученостью отражала притязания тирана и лжеучения языческих риторов.

Она была выслана из Александрии или сама, бросив все, удалилась в Синайскую пустыню, которая во время гонения на христиан, стала убежищем многих подвижников и отшельников.

Есть указания, что св. Екатерина, насильно возвращенная, претерпела мучения и смерть в Александрии.

А тело ее было перенесено Ангелами на самую высокую гору на Синае, где через столетия было обретено синайскими иноками.

8 декабря.

У нас день св. Екатерины празднуется 7 декабря по новому стилю, а у греков, уже лет сто, если не более, 8-го.

То есть, точнее говоря, мы — 24 ноября, а здесь 25-го. Хотя у греков, в городах Египта, начиная с покойного патриарха Александрийского Мелетия, введен новый стиль, но на Синае, на Афоне и в Святой Земле у греков и у русских праздники по старому стилю.

Сегодня торжественная обедня архиерейским служением. Во время обедни выносили Евангелие — русский дар — розового бархата в эмалевых образках, которое я уже видела вблизи. Диякон читал его с высокой кафедры.

Был крестный ход с мощами Великомученицы вокруг базилики. Два золотые ковчежца с мощами старшие священнослужители несли открытыми.

Потом мощи были поставлены на столике посреди базилики, и все прикладывались.

Для меня это было в третий раз. Небольшая скелетическая левая рука святой Великомученицы тоже украшена драгоценностями. Говорят, что великолепный перстень — подарок Императрицы Екатерины II, а другое кольцо, то самое таинственное кольцо, которое надел на палец во сне непорочной и премудрой Александрийской патрицианке Младенец Христос.

После обедни все были приглашены в гостиную Владыки. Принимал он всех нас со своей обычной добротой и простотой. Молодые диаконы и бедуины обносили гостей. Кроме обычного угощения, т. е. стака-

на воды с ложечкой варенья, рюмочки коньяку и чашечки черного кофе, было печенье монастырского приготовления, облитое вместо варенья или меда... манной.

Эта манна растительного просхождения, собирается и теперь в пустыне в жаркие летние месяцы и имеет вкус и вид мёда. Каждый из приглашенных скушал почти всю свою порядочную тарелочку этого печенья, может быть, в первый и в последний раз в своей жизни вкушая манну...

Особый вопрос, конечно, похожа ли эта манна пустыни на небесную манну израильтян. Эта манна сохраняется очень долго; приходилось читать, что согласно анализу ее, питание почти исключительно такой манной не могло бы годами поддерживать человеческую жизнь; бедуины ее едят только намазанной на хлеб, а в чистом виде только как лекарство.

Не знаю! Меня такие вопросы не волнуют: невозможное у человеков, возможно у Бога.

Сегодня все монахи, с архиепископом во главе, обедали в общей монашеской трапезной. После поста и предпраздничной работы обед был обильный (и я такой же получила): суп из рыбы, привезенной с Красного моря, стараниями своих же монахов (— это не русская уха, но вкусный суп); по большому куску вареной свежей рыбы и кисть черного винограда из своего сада. Было даже красное вино из своих садов, разбавленное водой из колодца Моисея.

Обед духовенства был по монастырскому чину, в абсолютном молчании, сопровождаемый чтением монаха с кафедры жития св. Екатерины. Когда под колокольный звон Владыка с иноками покинул трапезную, пилигримы и экскурсанты, а с ними и я, осмотрели трапезную и самую трапезу — длиннейший стол из резного дуба; и латинские надписи на стенах, сделанные когда-то рыцарями, сидевшими за этим же столом; и иконы на стенах. А во главе стола на стене нарисована картина о вреде чревоугодия.

9 декабря.

С рассветом выехали из монастыря. Владыка Порфирий устроил меня в автомобиле туристического агентства, т. к. другой оказии могло долго не случиться.

Легковые автомобили мчались без всяких приключений, довольно быстро, тем более, что обратный путь с Синая — в общем покатый и более легкий.

Экскурсанты со смехом вспоминали, как в пути на Синай даже их легковые автомобили загрузли было в сыпучем песке и им всем пришлось помогать шоферам выталкивать их на твердый грунт. Поэтому теперь мы сделали очень большой крюк и благополучно миновали сыпучие пески.

Спешу поправить свое первое впечатление о бедуинах, якобы изживших свои арабские привычки.

Арабы-бедуины, являющиеся и доныне как бы принадлежностью монастыря — потомки тех рабов, которых Император Юстиниан подарил монастырю, для охраны, работы и поддержки. Было сто семей римских рабов и сто семей египтян. Все были христианами. Но после покорения полуострова арабами и это размножившееся племя — джабалие — горное, приняло мусульманство.

Теперь они давно не рабы и больше пользуются от монастыря, чем дают ему. Но . . . рабские привычки наверно трудно изживаются.

Подъезжаем мы к оазису Фаран, в котором есть монастырский сад среди бедуинского населения.

Я с удивлением вижу, что ручей, о котором я записала: маленький, с кристально чистой холодной водой, разделенный на еще более узкие канальчики для орошения садов — теперь бежит довольно широкой, быстрой речушкой.

Что такое? мое первое впечатление неправильно? дожди были? Но почему он бежит по руслу, проложенному дорогой и прямо по песку, впитываясь в него без толку?

Оказалось, как только двадцатилетний хранитель монастырского сада, диакон Г. уехал с проходящей

Монастырь Св. Екатерины на Синае. Направо — часть сада; длинным грибком — старая гостиница; прямо — библиотека. От колокольни — длинная базилика

Внутренность Синайской базилики. Иконостас.

Преображение Господне. Знаменитая древняя мозаика над алтарем Синайской базилики.

Образ Пресвятыя Богородицы над алтарем часовни Св. Троицы на вершине Синая. Работа о. Пахомия.

Начало “лестницы пилигримов”

На “лестнице пилигримов”

По дороге на вершину Синая. У древнего кипариса на площадке Пророка Илии.

Восхождение на Синай

На праздник Преображения Господня у часовни на вершине горы Св. Екатерины.

оказией на праздник в монастырь, бедуины, почувствовав себя хозяевами положения, снесли плотину у истока ручья из горы и пустили всю воду сразу в свои сады, по дороге, где большая часть влаги пропадает без пользы.

Как-то отразится этот захват на урожае и бедуинов, и монастыря?

А ручей этот, говорят, интересен: он неожиданно появляется из горы с одной стороны оазиса и дальше так же неожиданно исчезает в другой горе. Я не видела этого чуда; только пила прекрасную воду и умывалась ею.

В этом оазисе на горе Тахуне, как я упоминала, виднеются остатки христианской церкви IV века. А теперь видела много других развалин по склону горы.

В Фаране, когда-то цветущем городе, единственном внутри полуострова, была кафедра епископа. Но потом здешнее духовенство и монашество уклонилось в несторианскую ересь. Теперь об их существовании свидетельствуют только развалины, хотя и не такие зловещие, как например, в Хоразине (Палестинском).

Через четырнадцать часов пути с тремя остановками для отдыха и еды, мы были в Гелиополисе (около Каира).

Благодарение Богу и Святой Великомученице Екатерине!

2. Второе паломничество — 1951 год.

7 августа 1951 г.

Я была очень опечалена, когда мне пришлось возвращаться с Синая домой, не побывав ни на вершине горы св. Екатерины, ни в св. местах, прилегающих к этой горе. Для туристов это — тяжелое дело, да и временем они не располагали — пробыли в монастыре всего два дня, тогда как один подъем на пик св. Екатерины занимает иногда два дня.

Пришлось и мне покидать монастырь вместе с ними, так как другой оказии для возвращения могло долго не представится.

С тех пор Господь сподобил меня опять направиться туда, да притом еще иным путем, обычным для русских паломников былых времен.

Раньше, составить караван, чтобы пройти вдоль всего полуострова было делом, доступным для немногих, а поэтому обычные паломники, особенно русские, из Суэца направлялись пароходиком до Эль-Тора на юге Суэцкого залива, откуда караваном монастырских верблюдов — вглубь полуострова два с половиной дня пути.

Это было настоящее паломничество и в смысле тяготы, и в смысле духовного удовлетворения.

Перед отъездом, дома у нас вышел спор:

— Поездом до Суэца я поеду третьим классом — это не путешествие для развлечения, а паломничество.

— Ты не должна этого делать: восточная толпа картинна, интересна, когда ее наблюдаешь издали, в качестве знатного иностранца, или современного туриста, за которого все обдумано — но быть частью этой толпы!..

— Кому, как не мне, знать это!

— Так ты и на пароходе на палубе поедешь? А я уже сговорился с Суэцом по телефону: третий класс с арестантами (в Эль-Торе не то какая-то тюрьма, не то камп — кажется, и то и другое!), с баранами и пр. Спать придется на палубе. В былые времена паломники не ездили в одиночку. Я просил записать кабинку второго класса...

От Каира до Суэца пересекли пустыню кратчайшим путем, по новой железной дороге. По старой, через Измаилию, ехать около четырех часов, но зато уж точно. Здесь же считается два, а ехали все три, так как дорога — одноколейка и на разъездах ждали встречных поездов. Вся дорога построена на "песце", поэтому с ней обращаются очень осторожно. Пробовали было пустить обычные составы до двенадцати вагонов (таких длинных поездов, как бывало у нас в России, здесь и не ви-

дывали), но оставили эту идею: все поезда в четыре вагона.

В Египте, живя в городах, забываешь, что страна — Детище Нила и только в его плодородной и благодатной узкой долине — цветет жизнь — а дальше! .. Мельчайшая пыль пустыни заполнила вагоны...

Как Суэц разбогател и изменился с тех пор, как мы давным давно, в начале русского рассеяния жили здесь?! Строили тогда гавань, где муж работал одним из технических наблюдателей.

Теперь зона Суэца в моде и жители отлично учитывают момент: дерут за все! А я ведь паломница современная, вместо котомки за плечами и узелка в руках, у меня чемодан и сак-вояж, то-есть по виду и я принадлежу к привилегированному миру, с кого можно драть...

Скоро я поняла, почему все же нашлась мне в Суэце комнатка в отельчике: в ней никто не остается! Это — настоящая печка, накаляемая со всех сторон солнцем; по лестницам бегают огромные крысы, за окном непрерывный грохот и лязг железной дороги. Когда я прохожу по коридору — все двери раскрываются и любопытные следят глазами за моей, необыкновенной здесь фигурой. В отель, где останавливаются европейцы, я не совалась.

Приехала я сюда за два дня. Надо "захватить" пароходик, удостовериться, когда он отходит. Владыка Архиепископ Синайский меня предупреждал: часто бывает, получаем известие об отходе парохода тогда-то, посылаем то, или другое для монастыря, а он отплыл два дня тому назад. У них свои расчеты.

А монастырский караван из Эль-Тора отходит тотчас же по прибытии парохода. Значит, надо приезжать заблаговременно. И вот, жду! Впрочем, не очень жалею. Бываю в греческой церкви св. Екатерины — той самой, где мы бывали, когда жили здесь. Она новая (ей всего 29 лет) и довольно красивая внутри.

Я разыскала и другую, в старых кварталах. Она тоже не старая, но ей все же 80 лет, и построена она пра-

вославными сирийцами, конечно, в честь святого, близкого их родной стране — св. Георгия Победоносца. В числе нескольких образов св. Георгия — один русский, а через боковую дверь алтаря, рассмотрела икону с надписью по-русски: Тайная Вечеря.

Сторож-прислужник (удивительно симпатичные попадаются между ними!) сказал мне, что это первая православная церковь в Суэце, до нее не было ни греческой, ни какой иной.

Странно это! Греки жили в Суэце спокон веков и древнее название Суэца — греческое — Клизма: ведь город лежит в начале длинной водяной кишки, — суэцкого залива.

8 августа.

Отправилась в Порт-Тефик. Это рядом в трех милях. Поезд идет по искусственной насыпи на море. Пошла и тут в греческую церковь — ведь в православной церкви чувствуешь себя будто у себя — не одинокой.

Она на берегу канала — новая, хорошая, в честь св. Антония Великого. Понятно, почему так — ведь монастырь, где он подвизался, не так далеко от Суэцкого залива, по тому же африканскому берегу, где стоит эта церковь. Монастырь в пустыне, трудно доступной и теперь.

У Царских врат — икона Христа. Надпись — "Приидите ко Мне все труждающиеся" — на церковно-славянском, а внутри алтаря, как сказал мне прислужник, — полно русских икон. Откуда это, раз церковь новая?

Она построена компанией Суэцкого канала для своих греческих служащих. Проходишь к ней улочками сплошь заселенными небольшими служащими-греками. Прекрасные квартирки под одну стать, садики. Улицы — тенистые аллеи. На каждом шагу здоровые, упитанные дети. У порогов беззаботные домохозяйки. Бог знает, что будет дальше, а сейчас служащим канала роптать не приходится: ни тяжелых дум о старости, ни забот о детях (на каждого ребенка — прибавка!). И в таком месте, где всегда господствовали языки французский и английский — я ни на том, ни на другом не мог-

ла расспросить дороги в церковь: говорят только по-гречески; кое-как понимают по-арабски; а остальное — "без надобности".

А нам, русским, приходилось вырывать знание языков чуть-ли не зубами; тоже иногда без особой надобности, но хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя такими пасынками вселенной, как на нас все были готовы смотреть в те времена.

Из прежних паломничеств я убедилась как важно иметь целесообразную одежду. Но к Синаю очень трудно приноровиться, так как на небольшом расстоянии — самые разнообразные климаты и положения. Особенно важен вопрос обуви. Еще в Каире я обзавелась легкими мокасинами — как перчатки... так казалось. А в первые же дни в Суэце ноги были стерты. Хорошо, что захватила с собой пару ношеных туфель, в подарок Селиму, который до сей поры и острые камни и зимний холод переносит собственной кожей. Не пожалею ему новых! А себя могу успокоить: теперь уж наверно поездка моя не будет развлечением!

9 августа.

Не в пример обычаю, отчалили довольно точно. В Каире нас предупредили, что пароход отплывает на рассвете девятого, а в Суэце выяснилось, что в тот же день, но в полдень. На самом деле отчалили в пять часов пополудни — и то только из канала на рейд, где заночевали, чтобы к первому маяку Абу-Дарак быть поутру. Пароходик чистенький — египетский правительственный.

Тоже публика! Не знают собственных дел: тюрьма и камп давно, оказывается, переведены в зону Суэца. Ни баранов живых, ни арестантов на палубе нет. Толпа на палубе действительно красочная, но не плохая. Говорят, что народу больше, чем обычно, так как период паломничества в Мекку.

Бедуины, для своих женщин, завешанных до глаз и звенящих украшениями из монет, соорудили целые палатки из одеял и мешков и сидят они там гаремами, с детишками, курами — с любопытством выглядывая на широкий шумный мир парохода.

Нашлась компания и для меня: три сестры, барышни-гречанки, родом из Эль-Тора. Они и спать будут на палубе — везут с собой матрац. Барышни рады общению со мной — уж очень на них посматривают со всех сторон, и со мною им спокойней, как со старшей. Они начинают ухаживать за мною во всю. Связана их семья с Синайским монастырем. У матери, когда-то первый ребенок умер и долго не было детей. Она предприняла паломничество к св. Екатерине, этим самым путем, сначала морем, а потом одна на верблюдах (с маленьким слугой), что для иностранцев явление необыкновенное.

Просила у Бога дочку Екатерину или сына Сотири (что значит, Спасающий). Через год снова прибыли на Синай — крестить в базилике дарованного сына. Следующая дочь Екатерина (едет со мной сейчас), а потом были еще и еще: пятеро сыновей и две дочери. Обе едут, а третья с ними — кузина. Старший брат, Сотири, провожал нас в Суэце — очень симпатичный и красивый.

Два года тому назад их мать, после смерти мужа, уже 55-ти лет, снова и опять одна, отправилась на Синай — привыкла семья радость и горе нести в святую обитель.

Я на пароходике единственная привилегированная пассажирка, но... каюта в трюме, без окна, жаркая и душная, немногим лучше моей суэцкой комнаты, и как укачивает! — если бы я только поддавалась качке! Досадно заплатить больше, чем вдвое, чтобы быть в условиях худших. Сколько раз за бессонную ночь я думала: как хорошо было бы пристроиться около сестер на палубе. А они, оказывается, тоже порывались ночью вытащить меня наверх.

10 августа.

Только в 11 часов отчалили от маяка Абу-Дарак. С раннего утра выгружали продовольствие и воду на месяц. Пресной воды кругом далеко нет. Стоит он на африканском берегу. Напротив — Азия; берег Синайского полуострова чуть виднеется, залив здесь очень широк — 24 километра. С утра забороздили залив разные суда

большие и малые и в направлении к каналу и от него — много судов ночевало там на рейде.

Я сижу на самом носу пароходика и внимательно всматриваюсь в воду: не увижу ли какого чуда-юда. Подумать только: почему это море, с водою прелестного голубовато-зеленого цвета, — называется Красным? Люди, с граздо большей, чем я, эрудицией не могли разрешить этого вопроса. Много есть объяснений, но шатки они даже для простых наблюдателей.

Знаю, что в древности это море называлось Зеленым. Точно перевести, даже — Очень Зеленым. Это куда ближе к правде.

А относительно морского населения — пока никакой удачи: ничего не увидала! А оно здесь преинтересное! Недаром сюда приезжают ученые экспедиции и отдельные специалисты для изучения морской фауны.

Говорят, есть виды, не существующие в других морях; много ядовитых пород, подделывающихся под безобидных рыб, и только опытные рыболовы застрахованы от их смертоносного действия. Рассказывают... действительно — чуда-юда! Но... я уж очень много хочу, — все сразу увидеть и узнать.

Следующий маяк Заафаран тоже на африканском берегу у подножия горы того же имени. Вглубь страны, между Заафараном и Нилом и лежит монастырь св. Антония Великого, а неподалеку, в горах, другой — его духовного друга Павла Фивейского.

Там есть и вода и монастыри утопают в зелени — насколько это возможно в бесплодной палящей пустыне.

Этот маяк мы тоже кормили и поили в течение несколько часов. К вечеру двинулись дальше.

С тоской думала я о душной и влажной каюте внизу и решила перебраться на палубу, где и примостилась около своих барышень. А с другой стороны пристроилась ко мне девочка коптка десяти лет, которая тоже едет одна, от родителей к бабушке с дедушкой, из Суэца в Эль-Тор.

Прекрасно! Любовалась на звезды, слушала плеск воды за невысоким бортом, — пока не заснула. Не

укачивало, а баюкало. Воздух прекрасный, морской. Среди ночи стало холодно — ведь пустыня же, разница между температурой дня и ночи громадная. Пришлось натягивать как следует одеяло.

По берегам, и африканскому и азиатскому мелькают огоньки. Заафаранский маяк мерцает все время.

11 августа.

В 6 часов утра прибыли в Эль-Тор. В общей суматохе и толкотне не знала, куда направиться. Дальше пароход идет к следующему за Эль-Тором маяку.

Вдруг, подходит ко мне старый грек и говорит по-английски: "Я агент Синайского подворья здесь; мне сказали, что вы на Синай..."

Показал мне свою бумагу, попросил разрешения взглянуть на мое рекомендательное письмо из Каира (есть у меня и в Эль-Тор и на Синай, хотя меня там все знают: это необходимо). Все мои заботы кончились. Агент усадил меня с моими вещами рядом с собой на проходящий грузовик и доставил на Синайское подворье, которое все же довольно далеко от порта.

Из всех провинциальных городов Египта Эль-Тор, кажется, самый далекий и заброшенный.

Был он немаловажным портом во времени финикиян; пользовался известностью при фараонах; в начале христианской эры был здесь большой греческий монастырь — центр анахоретов и монахов, которые тогда подвергались нападениям сарацин и других кочевников и избивались ими.

Упоминает об Эль-Торе знаменитый русский паломник XVI века Василий Поздняков, называя его еще Раифой.

А теперь, большие суда международного плаванья спокойно минуют Эль-Тор, следуя из Суэцкого канала. Городок маленький, весь серенький. Растительность жалкая. Кругом солончаки.

Вот я и на подворье Синайского монастыря. Постройки обширные, но старого типа и не ремонтированные, наверно, со времени последних российских

поклонников. Приняли меня, по письму Владыки Порфирия по-русски: сейчас же напоили чаем и накормили фруктами — финики из своего сада, а арбуз из Суэца (овощи здесь не растут — почва не подходит). А потом — обед, конечно, рыбный. Рыба только что пойманная, здесь же, неподалеку. Монахов здесь только двое, да третий в саду под городом.

Через дверь моей комнаты голубеет залив, а через окно слышится рев верблюда и врывается тишина прилегающей знойной пустыни. Завтра мы ее пересечем. За нею виднеется гряда гор с самой значительной вершиной Сербаль. Любители мутить, все затуманивают: пытались видеть в этой горе фактический Синай, не считаясь ни с маршрутом Моисея, ни с прилегающими местами.

Монастырский караван еще не пришел, а есть случайный автомобиль. Думали порадовать этим меня монахи, а у меня сердце упало: перенести все неудобства, потратиться, вместо того, чтобы все сберечь для монастыря — и, в конце концов опять пронестись мимо всех красот на автомобиле!

Я объяснила это монахам и все устроилось. Завтра, воскресенье, я отстою обедню здесь, а когда начнет спадать жара, мы двинемся в путь втроем: я, проводник и верблюд — правильнее было бы сказать: верблюд, вожатый и я.

Верблюд и вожатый тоже монастырские и по таксе монастыря все оказалось доступным для меня. И пожитки мои уложат, и мне какое-то сооружение воздвигнут наверху, и все будет хорошо.

Глядя на обожженную до черна физиономию вожатого, я совершенно успокоилась. Как порою арабская хитроватость смахивает на плутоватость русского мужика, так и своей ласковостью и готовностью услужить, этот бедуин напомнил мне того же мужика.

Вообще бедуины и египетские, и палестинские — семиты-измаильтяне, потомки Измаила, сына Авраама от Агари, служанки Сарры. Но этот потомок тех двухсот семейств египетских и римских рабов, которых Им-

ператор Юстиниан подарил монастырю для защиты и работ.

Для коренных бедуинов, пустыня — дом родной. А что мой вожатый черный — это благоприобретенное, а не природное. И звать его тоже Мусса — Моисей.

Итак, Моисей поведет меня завтра к Горе Божией — чудны дела Твои Господи!

А сейчас жду звона к вечерне — ведь, сегодня суббота.

У меня две очень хорошие карты, по которым я уже изучила все возможности, которые могут встретиться в дороге.

Из Эль-Тора на Синай через пустыню Каа два кратчайших пути. Один — шесть часов по пескам (впрочем Мусса говорит, что мы сами себе господа и можем не торопиться, итти дольше), к проходу Ислех в горах. Другой — восемь часов пустыней и через проход Хебран и другие долины севернее первого пути.

Насколько я знаю, второй путь гораздо интереснее и красивее, но и иеромонах, и Моисей советуют итти первым путем. По мне — и то хорошо!

Вернулись от вечерни. Церковь во имя св. Георгия Победоносца наполнена почти исключительно русскими иконами. Иконостас весь русский и тексты из Евангелия все на церковно-славянском языке. Стоя у вечерни я опять вспоминала себя опять маленькой девочкой и молоденькой барышней — так настраивает внутренний вид храма: иконопись его, лики святых переносят в прошлое.

Лик св. Екатерины поразил меня. На греческих иконах она изображается юной красавицей, что подтверждается и церковными историками.

Здесь она изображена немолодой русской женщиной, много пострадавшей — как бы символ замученной России!

Благодаря спутницам по пароходу, у меня и здесь завелось много друзей. Приглашают оставаться еще несколько дней, или возвращаться тем же путем.

Сейчас я боюсь не успеть на Синай к Преображению, а обратный путь, как Бог даст.

А очень хотелось бы побывать в Звенящей долине или долине Колоколов — не знаю, как правильнее перевести, а также и в некоторых других местах.

Долина Колоколов — исключительное явление. Проходящие по ней слышат сначала легкое дребезжание, или перезванивание, которое постепенно усиливается и становится совершенно похожим на отдаленный звон колокола. И местные христиане и арабы приписывают это странное явление колоколам монастыря, поглощенного горою.

Есть описание этого чудесного исчезновения со ссылкой на архив монастыря. Ученые приписывают это явление физическим причинам, признавая, однако, исключительность явления.

А разве нет в других местах и песчаной пустыни, и близости гор, и сильно нагретого песка, и его передвижения? Надо не забыть спросить у батюшек на Синае, что им известно об упоминаемых архивах монастыря.

---

12 августа.

Сейчас вернулась от обедни. Иеромонах служил только по-гречески, но с двух клиросов читали и пели поочередно по-гречески и по-арабски. Прихожане, кроме греков, сирийцы и копты; для них-то читается и поется по-арабски.

Сами прихожане чинно стоят, одетые в свои галабеи (мужское арабское платье до пят) в данном случае — ситцевые. Для парадных дней у каждого полагается поверх — пиджак! Были, впрочем, и сейчас мужчины в полном костюме — брюки и пиджак. Отрадно было видеть, что, хотя по стенам храма и есть сиденья, но почти никто не присаживался.

Храм построен 80 лет тому назад на месте маленького старого. Упокой, Господи, души русских жертвователей, которые его воздвигли — имена же их Ты, Господи, веси! Когда я после службы читала вслух тексты на иконах по-церковно-славянски, некоторые оставшиеся в храме были поражены.

12 августа.

Три часа дня. Жар еще пышет, но начинают уже привьючивать к седлу верблюда мои пожитки и кое-какие припасы. Все делается очень ловко. Седло для меня, насколько это возможно, смягчено одеялом.

Попрощавшись со всеми и помолившись на паперти храма, я взгромоздилась на спину верблюда. Как пригодился тут мой велосипедный костюм! Что бы я делала в платье?

Солнце настолько слепит еще, что темные очки и моя самая большая и старая шляпа, которую я догадалась дома сунуть в чемодан в последний момент, оказались кстати.

Едем от Эль-Тора прямо на восток по пустыне Каа. Оглядываясь, все время вижу Суэцкий залив. Гора Сербаль со своей продолговатой вершиной в три зубца, осталась далеко сбоку. Минуем внушительную вершину Им-Шомар. Пустыня совершенно бесплодна. Местами попадаются солончаковые пятна. В какую-то первичную эпоху нашей земли волны Суэцкого залива (Бог знает, какой тогда формы было это море!), бились о крутые берега горного хребта, к которому мы подходим. Сквозь темные очки, основание хребта во всю его бесконечную длину, кажется беловатым, светлее верхней массы — как будто его еще и сейчас покрывает осевшая на нем морская соль.

Но как же проникнем мы по ту сторону хребта? Я знаю, что нам предстоит не перевалить, а проникнуть через проход; ведь хребет стоит тесной сплошной стеной, насколько его охватывает глаз, и здесь, вблизи, и вдали, куда мы направляемся, почти уже параллельно линии гор.

Солнце, которое еще, слава Богу, не зашло, более ласково пригревает меня, прямо в спину. Залив все еще виден. Я совершенно освоилась в седле и даже пишу, не держась за колышек седла. Правда, похоже, что пишу не по-русски, а древнеегипетскими иероглифами, но что поделаешь, раз качает, как на море.

А когда вступили в пустыню, у меня сердце сжалось было, от чувства затерянности. Но вспомнила я

русских паломников, которые хаживали этой дорогой и которые были, в большей своей части, потемнее и попроще меня, и наверно шли спокойно и уверенно: надо итти, раз для того, чтобы дойти до Святого Места, приходится проходить такой необыкновенной для них пустыней! А ведь они-то, буквально шли, людским караваном... Все теперь забывается! А с недавней смертью Архимандрита Андроника, мне даже не с кем будет поделиться моими впечатлениями, как следует!

О. Андроник — грек с русским высшим образованием, светским и духовным. В Каире, где он был на Синайском подворье, он был одним из образованнейших священников. Он любил и помнил Россию.

Здесь, вся жизнь его была в том, чтобы учить детей и помогать бедным — спокойно и незаметно. Он способствовал моему первому путешествию на Синай и обещал, что и в этом году в июле-августе устроит мне возможность второй поездки.

В Эль-Торе узнала, что он, всегда так много работавший, проектировал для себя, наконец, в июле-августе, отдых на Синае трехмесячный. Если отдыхом можно назвать предполагаемые им раскопки.

Вот от кого бы я поучилась там! — узнала многое, чего теперь ни от кого не узнаешь... Он писал и свои труды, и для меня то был бы источник живой и незаменимый. Но слишком мало привык он думать о себе — переработался. И вот, уснул однажды, чтобы уже не проснуться и перейти в иной мир! Упокой, Господи, его светлую душу!

Еще в Эль-Торе к нам присоединился другой бедуин, монастырский же, с верблюдом, навьюченным какими-то его покупками.

Он в засаленной галабее и, только голова, по обыкновению, обмотана белым. Мусса же, для своей важной миссии, оделся во все белое. На нем даже парадный расписной пояс!

Итак, у нас целый караван: два верблюда и трое людей.

Я уже немного устала в седле, а они все идут и идут. Моисей снабдил меня палочкой, чтобы подгонять верблюда, а сам он ведет его на поводу, идя впереди. Если осел упрям и трудолюбив, то верблюд — довольно послушен, но ленив.

Постукаю я его легонько палочкой по плечам, он начинает быстрее перебирать ногами, а через минуту — опять за свое: медленной, важной походкой идет! И не глупый! Отстанет хозяин, задержится позади — верблюд свою длинную шею уже заворачивает назад, и направо и налево: где, мол, хозяин, что делает? А нельзя ли воспользоваться слабой рукой держащей сейчас повод и повернуть обратно? Ведь Эль-Тор-то со своим стойлом и водой, отсюда ближе, чем Синай! И несколько раз поворачивал обратно, но Мусса напоминал ему о своем присутствии.

А мух ловит верблюд по-собачьи, прищелкивая зубами. И сколько здесь этих мух! откуда?

Пришли почти вплотную к горам, а широкий протоптанный след тянется вдаль бесконечно. Хотела отдохнуть в седле насколько это возможно, но нет, опять достала тетрадку. Господи! какая красота кругом! Перед глазами сиреневые и лиловые горы; часть хребта, оставшаяся сбоку, красивого темно-синего цвета; светлый песок местами стал зеленый; залив опаловый, а теперь становится совсем белым. К неудовольствию верблюда, вся поворачиваюсь в седле, чтобы видеть заход солнца. Оно спускается за невысокую цепь противоположного берега залива, окрашивая небо живым пурпуром и нежным фиолетовым цветом.

Идем уже три часа. Кажется, достигли горы, а Моисей утешил: указывая на каменный столбик сбоку тропы, радостно заявляет, что прошли полдороги по пустыне, а там будет первая остановка — ночевка.

— Как же мы будем итти еще три часа в темноте?

— А вон, луна в небе!

Навстречу нам идет караван в три верблюда с верблюженком — знакомцы Моисея спускаются в Эль-Тор.

— Большое движение в пустыне! — констатирует Моисей.

Дальше видим бедуинскую семью, укладывающуюся на ночлег вокруг костра. Моисей наверно в душе подумал, не без гордости, что у них в пустыне прямо — толчея.

Постепенно поднимаемся и поднимаемся к горам. Верблюдов не оторвешь от жестких кустиков травы, которые уже стали попадаться под горами.

Мелькание маяка, следующего за Эль-Тором, достигает и сюда. Останавливаемся на ночевку в песках у самых гор. По проходу до воды ходу еще полтора часа. Девять часов вечера. Шесть часов не слезала с седла! И какого седла! Еле слезла.

Заснула на одеяле с седла, укрывшись своим пальто — не раздеваясь и голодная. В багаже у меня все есть, но уж очень я утомилась.

К утру продрогла до костей.

13 августа.

Бедуины устроили себе вчера невдалеке что-то вроде кампа среди поклажи и верблюдов, развели костер из сухой жесткой травы — лакомства верблюдов — и принесли мне чашку чая. Мне и спать хотелось и глаза не хотелось закрывать от этого звездного неба, от мелькания маяка, уходить от этой ненарушимой ничем тишины пустыни. Днем она нарушается шуршанием резиновых подошв, привязанных к ногам бедуинов — верблюды идут совершенно бесшумно.

А я-то воображала, что ночевка будет в каких-нибудь избушках, в встретившихся монастырских садах, или у бедуинов...

Утром поднялись до восхода солнца. Случилось так, что мы все трое молились одновременно: я у себя на одеяле — на восток; арабы на подстилках среди мешков — в сторону Мекки. Быстро навьючили верблюдов и направились к горам. За проходом — вода! Там будем и завтракать. А то у нас запас воды на исходе: у вожаков прохладная, в бараньих шкурах, у меня теплая — в бутылках.

А ведь горы, по сравнению с русскими, хотя бы Кавказскими — не гребень, а гребешок просто! Вспо-

минаются мне сияющие белые замки в воздухе, когда приближаешься к Кавказу в поезде, изнутри России.

Солнце поднялось до вершины гор и осветило пустыню, сделав ее прекрасной. Вот и пройдена безлюдная пустыня, в сорок километров шириной, являющаяся самым жарким местом полуострова. Пройдена благополучно и в благоприятное время.

13 августа.

Вход в долину открылся неожиданно. Произносится название ее различно, в зависимости от языка. По-русски, кажется, лучше всего сказать на арабский лад: Исля. При входе, в самом начале, справа, небольшая каменная "афиша", как я назвала ее мысленно: часть горы, вплотную к проходу, у основания обрублена, сглажена и на ней высечена надпись, характер которой совсем другой, чем в "Долине надписей" внутри полуострова.

Что это за "афиша"? Кто ее сделал? О чем она? Надпись по-гречески, тоже высеченная ниже, не смутила меня — какой-то священник потом "увековечил" свое имя.

Сейчас уже 11 часов, а мы еще в проходе. Остановились в тени высокой стены, чтобы отдохнуть и поесть.

Интереснейшая эта долина! То прекрасна она, то дика и сурова. Называют ее здесь долиной — вади, а в сущности это горный проход, или ущелье, образовавшееся в какие-то давнишние периоды жизни нашей планеты. Гора некогда разорвалась и возникла щель. Вертикальные стены этой щели, по цвету и строению везде одинаковы и, если по одну сторону стена прорезается от основания до верха мощным прожилком темно-зеленого порфира, то по другую сторону, несколько сдвинутым, видим тот же прожилок. Я пишу, а перед моими глазами в стене серого гранита — широкая двойная зеленая полоса (гранита же, или базальта?), а дальше, где улеглись мои арабы, такой же двойной прожилок по ту сторону ущелья.

Если с одной стороны стена, как зебра, изукрашена какими-то полосами, то же самое видишь на проти-

воположной. Временами только нарушается симметрия: видно, иначе шло выветривание, иначе возникло самое разрушение. Тут мощный пик, уходящий ввысь. Там — громадный блок на вершине горы, еле прикасающийся к ней одной точкой.

Все ущелье длиной в 14 километров. Есть места, где ширина достигает десяти шагов, а иногда суживается до трех — в ширину бегущего ручейка.

Внизу у подошвы, ущелье совершенно сжато, а выше настолько расширяется, что широчайшие бока нагруженных верблюдов проходят совершенно свободно.

Верблюды бредут по ручью, бедуины на своих резиновых подошвах тоже шлепают прямо по воде, что и я с удовольствием бы сделала, если бы не мои растертые забинтованные ноги. Я взбираюсь на камни, что пониже, но то и дело срываюсь и промачиваю себе ноги. Да и вся я — хоть выжми!

На большом протяжении течение ручейка загромождено громадными камнями, и верблюды с трудом, осторожно пробираются между ними.

В более проходимом месте я снова взбираюсь на своего верблюда и устраиваюсь, как в пульмане: сняв туфли, приторачиваю их к седлу, так же как и бинты, и скоро и туфли, и ноги и вся я — сухи.

По течению ручья зелень и даже пальмы. Вот тут, в этой долине, народу действительно порядочно. Когда наш чай был готов, вокруг костра образовался целый клуб бедуинов, которые и с караванами, и пешком шли в обе стороны.

С каким любопытством присматривались они издали ко мне, с моим стило и с толстой тетрадью, и как были со мной любезны, узнав, что я всех угощаю чаем и даже предлагаю им любимый их кофе...

Говорят, что долина Хебран еще интереснее (тоже, вероятно, ущелье), но и батюшка в Торе, и Моисей советовали предпочесть проход Исля; короче и воды больше. Автомобили не могут пройти ни по тому, ни по другому пути, а из Тора пересекают пустыню вкось на север, а там углубляются в другие долины.

Идем все долиной Исля. Она извивается, расширяется, заворачивает, нося все то же название. Обогнули винтом одну гору, от низа подошвы до верху, и опять спустившись к подошве. Идем пешком. Верблюды ступают осторожно по краю каменной тропинки, (выложенной заботами монастыря).

И вот тут-то, при спуске в долину Тарфа (Тамарисковая), на соседнем холме увидела я науамис. Я взобралась, чтобы осмотреть его. Их много на Синайском полуострове. Ученые полагают, что это древние могилы. Однако, по диаметру круга, человеческое тело не умещается как будто: я бы примерила на себе, но крыша, из камней же, провалилась и завалила середину. Или покойников помещали в сидячем положении? Или как в утробе матери?

Дверное отверстие направлено, как полагается, на запад — заходящее солнце прямо ударяло сюда. Дальше увидела другой, но еще более развалившийся.

Спустившись, вступили в долину Тарфа. Идем опять по таким каменным кручам, что арабам приходится понукать верблюдов резкими гортанными звуками. Я иду пешком.

Тамарисковая долина (по-арабски вади Тарфа) не так давно зеленела этими деревьями и изобиловала ручьями. Сейчас деревья посерели и усохли. Это они-то и дают "манну" — в сезоны, обильные влагой. Протачиваемые крохотными насекомыми, ветви этого дерева во время сильной жары выделяют род клея, сладкого и пахучего, как мед: это и есть современная манна! Дерево относится к хвойным, но на обычные русские хвойные деревья мало похоже. Я наломала было целый пук этих веток на память, но потом, когда снова уселась на верблюда, он одним движением назад своей лебединой шеи, схватил зубами с моих колен весь букет и сжевал его.

Мои бедуины рассказывают мне, как еще несколько лет тому назад по этим камням и пескам после дождей неслась рекой вода, а теперь таких дождей не бывает, и направляемся мы на ночевку к единственному месту до самого монастыря, где есть вода. Если я за-

хочу заказать арабчатам собрать мне манны, то тут надо искать дальних; из другого места — там она еще бывает!

Сейчас расположились под откосом горы: я под скалой, бедуины совсем у воды. А ее — 3-4 маленьких бассейна в камнях, на источники и не похожие. Из них пьют и проходящие люди, и верблюды, и не знаю еще кто.Вода холодная и приятная на вкус, но нельзя сказать, чтобы очень чистая.

Мои вожатые хотят словчиться и протянуть путешествие еще на один день. Я-то живу одним чаем или перехвачу чего в сухомятку, а они стряпают себе на кострах. Время здесь дешево, а они чувствуют себя пашами на моей пище, хотя и грош она стоит.

Я пожурила их, сказав, что прекрасно знаю, сколько времени надо, чтобы совершить наш путь. Они благодушно согласились и обещали завтра к вечеру быть на месте.

14 августа.

Чудная тихая ночь. Нет здесь никаких диких животных. Бедуины среди гор — мирные. Только гораздо позже обоих моих паломничеств, я узнала, что дорога тут не так уж безопасна. Диких зверей и мало, и они не нападают.

Но с залива, под вечер, изредка замечали на прибрежных холмах неподвижно стоящий силуэт тигра, повидимому, провожающий взглядом движущийся пароходик.

И есть опасность менее романтическая: холодной ночью из песков под одеяло иногда заползает змея погреться. Позже она спокойно уползет, если ее не потревожить нечаянно. Но на такие случаи у путешественников по пустыне имеется простое и верное средство — веревка, свитая из козьей (овечьей) шерсти, которую кладут на песке вокруг спящего. Я не имела.

Мне стало понятно, почему мои бедуины, на ночевках, когда я старалась разостлать свое одеяло в более укромном месте, настаивали, чтобы я располагалась поближе:

— Ты же женщина, вдруг испугаешься чего ночью, закричишь, так, чтобы мы сразу услышали...

До солнца покинули мы нашу стоянку у воды. Я продрогла снова, но не хотелось задерживаться, развьючивать вещи. Опять винтом подымались пешком на горы, переваливали их, перебирались через громадные камни. Меня опять — хоть выжми! Но вот поднялось солнце и быстро обсушило. Туфли мои, новые, однако, не выдержат до монастыря: подошва отодралась, верх рвется. При следующем спуске с верблюда придется подвязать подошву веревкой.

Устала я порядком! В начале путешествия сама взбиралась на седло, с помощью руки Муссы, а теперь приходится подкатывать камни! — Верблюда не очень-то заставишь становиться на колени, где нам бы хотелось — у камня!

Идем все той же долиной Тарфа. Здесь она узкая, длинная, плоская — как дно реки. Да, она, очевидно, и превращалась в таковую в период прежних проливных дождей. Обрамляющие долину деревья уже не цветут и не зеленеют, как прежде бывало, а стоят хилые: дождей теперь почти не бывает.

Те три-четыре болотца среди камней, которые мы оставили утром — остатки дождя еще от прошлой зимы.

Дальше долина Рахаба большая, круглая, но пустынная и безводная. Не слышно птичьего чириканья. Вся она покрыта жесткими кустиками травы — воды уж нет, вероятно только роса...

Вступаем в пределы Джабаль Рутиг. Кругом вид дикий, бесплодный, суровый...

— А где же надписи? — в который уже раз спрашиваю я.

— А вот сейчас повернем: верблюды пойдут с Муссой низом, а мы прямо через горку, всего час туда и час обратно, — с готовностью объясняет Махомед. — А туфли мы гвоздичком!

Действительно появляются гвоздички, щипчики, молоток — у бедуинов на верблюдах все под рукой. Только мой багаж остается для меня недоступным, так

как я стараюсь не задерживать караван и не утомлять верблюда разгрузкой по мелочам.

Маленькое наше добавочное путешествие оказалось трудным, но довольно интересным.

Нашли разрушенный "науамис" — бедуины называют их по созвучию "намус", т .е. комар, и не знают, что это такое — "давнишнее", — говорят.

Так вот нашли большой очень науамис, до десяти шагов в диаметре, от которого осталось только круглое основание. Рядом много других, маленьких, совсем уже разрушенных, из такого же камня — красного гранита. На одном из камней большого науамиса ясная, хорошо сохранившаяся надпись, которую мне Махомед торжественно и показал. Не думаю, чтобы она была очень древняя! А рядом с ней, на камне же, грубое изображение пары каких-то животных — вроде скорпионов с поднятыми хвостами.

Дальше по дороге, т. е. по узкому, но открытому следу, который пошел на север к Фарану — на камнях изображения верблюдов, уже неясное, еще что-то уже совсем неясное.

И тут же кресты, тоже высеченные на камнях! Несколько крестов разных форм! Ясно, что это уже путешественники позднейшие, а, может быть, спасавшиеся здесь отшельники прибавили "свое".

— Моя пальма! — указывает вдруг Махомед с заблестевшими глазами.

— У кого же ты ее купил?

— От дедов и прадедов досталась! Мы тут близко и живем в горах. Только теперь не каждый год финики — дождей мало.

Пальма малорослая, но внизу поросль молоденьких пальмочек. Тщательно огорожена камнями для задержки дождевой воды. Камни, верно, от науамисов, — такой же красный гранит, тогда как кругом камень серый — обтесанные... может быть, тысячелетиями! Чего обламывать камни от горы, когда поблизости есть готовые! А для Махомеда своя пальма драгоценнее исторической древности!

— Это — господин, это — госпожа! — любовно хлопает по стволам Махомед.

— Один дает пыльцу, а другая — финики. Кругом же детки, маленькие пальмочки.

— Хорошо, Махомед, а если поблизости нет "господина", так, что даже и ветром неоткуда принести пыльцу?

— Так часто бывает! Но люди делают очень просто: приносят, даже и издалека, кисти с пыльцею, подрезают ножем осторожно, а потом, взобравшись на верх — трясут пыльцу над ветвями.

Вот и напомнил мне Махомед лекцию по ботанике — о двудольных...

Добираемся до цели. Горло пересохло и першит. Вот бы теперь болотной теплой водицы из бутылки...

Колоссальная отвесная стена горы, у подножья — отвесный каменный блок. Внизу на нем тоже стертые верблюды и еще какой-то неопределенный рисунок, а наверху надпись — определенная хотя и стертая, буквы и фразы, совсем не так, как я видела в прошлом году, приближаясь к оазису Фаран.

Я было начала снимать, поставив рядом Махомеда, но только испортила пленку: сползла с наклонного камня. Новую пленку пожалела — много еще будет интересного впереди...

Впрочем, снимок все же вышел: надпись видна. Очевидно не такая древняя, как те, которые с линиями и геометрическими фигурами.

Спускаемся снова к верблюдам. Кругом все полуразрушенные науамисы, а рядом... маленькое мусульманское кладбище!

— Вот тут — мой маленький сынок, а — тут племянник, — объясняет мне Махомед.

Теперь понимаю, почему он с такой готовностью согласился удалиться в сторону от пути: хотелось ему показать и свою гордость и свое горе; да и самому посмотреть.

А внизу Мусса уже успел развьючить верблюдов. В углублении горы мне постлали одеяло с седла — диван, да и только!

— Спи! Раньше вечера будем в монастыре.

Но мне не до сна! Хочется запечатлеть красоту горных пород и все записать по порядку.

А спутники мои уже безмятежно спят под горой, поодаль.

Издали горы кажутся поношенными и более или менее однообразными и только восходящее солнце, превращает их в красоты поднебесные.

А излом, недавно оборвавшийся камень — другое дело. Проходили мы гору, в ней обширный прожилок, скорее гнездо, ярко зеленого гранита. Разломишь кусочек, а там, на яркой зелени — розовые пятнышки — звездочки, крапинки другого гранита — красота необыкновенная.

Вьючат верблюдов — последний переход! Махомед отделился и по другой дороге пошел к своей семье.

Наша последняя остановка была, оказывается, совсем близко от горы Хадид — Железная, громадной, и действительно, какой-то ржавой на вид. Но есть ли там железо, Мусса о том не слышал. Мимо нее спускаемся в долину Себайе. Внезапно открылся Синай, от подошвы до вершины с часовней на ней. Слава Тебе, Господи! Весь Синай во всей его величественности! Кажется ниоткуда его так не увидишь. А вот и Феодоровская гора с белеющей на ней часовней — значит, уже близко монастырь.

Спускаемся дальше. На вершине Синая различаю уже железный крест, водруженный о. Феоклитосом: отсюда крест кажется сделанным из ниточек! Синай, который при нашем приближении одно время как бы сливался с соседней горой, теперь снова открылся во всей своей грандиозности и обособленности.

Мусса советует мне отсюда итти пешком, чтобы размяться — очень умный совет! Обители еще не видно, но детишки-арабчата, завидев нас с горы, уже катятся, как орехи — вот он, местный беспроволочный телеграф! За поворотом, на горке встречает нас отец Муссы. Он отвешивает мне церемонный селям и, после лобзаний с сыном, получает от него гостинец: чайку,

сахарку и пакетик бисквитов. Сам Мусса с семьей живет по ту сторону монастыря.

За поворотом увидели, наконец, обитель со стороны, противоположной той, с которой мы подъезжали девять месяцев тому назад. Долина Раха видна и отсюда.

Из Эль-Тора вышли в три с четвертью и вот, через двое суток, в три с половиной — мы под стенами монастыря. Побили рекорд!

Монахов не видно. Я догадалась: вечерня идет! Бросив все, спустилась в базилику. Как часто за эти месяцы мечтала я опять быть в ней! После службы я пыталась незаметно ускользнуть — уж очень неподходяще одета я и вся оборванная... Но меня остановили и пригласили от имени Владыки, который уже здесь, и братии — выпить с ними черного кофе и воды с вареньем. Чудная вода — из колодца Моисея, не то, что из болотца долины Тарфа!

Характерно — первый вопрос, заданный мне Владыкой и братией, был именно о воде на пройденном пути! Достаточно ли? Хороша ли? Владыка сказал, что все будем приобщаться на Преображение Господне. Как хорошо все складывается! Господь явно благословил мое второе паломничество сюда! Хоть бы у меня хватило сил, после св. причастия — подняться на Синай! — Ведь Синай и Фавор духовно близки между собой, а шесть лет тому назад в Праздник Преображения Господня, я была как раз на Фаворе и там приобщалась...

Поселили меня в прежней комнате. Как все хорошо!

15 августа.

Побывала уже на Феодоровской горе в часовне, в которой была в прошлый раз. Мне так хотелось еще раз побывать там!

Эта часовня во имя свв. Феодора Тирона и Феодора Стратилата и других двух Феодоров (на большом образе там четверо святых) — одна из ближайших к монастырю. Побеленное зданьице без купола, — как все часовни вокруг монастыря.

Виды оттуда удивительные! Прямо от дверей часовни — Синай, от подошвы до вершины со своей часовней! За Синаем — вершина горы св. Екатерины, тоже с белеющей на ней часовней!

В сторону монастыря, белеющая за ним часовня Аарона и вся долина Раха! Против монастыря мощный массив св. Епистимии! За спиной — другие горы и долины, типичные для полуострова.

Если кому суждено побывать в монастыре, хотя бы на короткое время, или нет возможности, по каким-либо причинам, подняться на Синай, — рекомендую побывать хотя бы на этой горе с ее часовенкой. Ходу туда всего час — и все оттуда увидишь, хотя бы издали.

В свое время я упоминала о дорожках, проложенных о. Моисеем во многие места вокруг монастыря, но не пояснила, что "лестница пилигримов", возводящая на Синай — не его работа. Она существует со времен — незапамятных! Разное говорят о происхождении ее. Выложена она при св. Царице Елене — для одних. Солдаты Императора Юстиниана, строителя базилики и стен монастыря, укладывали и камни лестницы — для других. А иные полагают, что это отшельники, во множестве заселявшие окрестности монастыря, трудились для себя и для посетителей св. Горы.

Только теперь могу сообщить сведения и о святой Епистимии, в часовенке которой я побывала в прошлый раз. Находится она на одном из внутренних склонов горы того же имени. На большой хорошей иконе изображена Святая рядом с супругом св. Галактионом. Епистимия была обручена христианину Галактиону, будучи язычницей.

Свою холодность к ней он объяснил тем, что она не крещена и еще до брака убедил ее креститься. Просветленная небесным светом невеста всем сердцем отозвалась на предложение жениха — вместе отдаться Жениху Небесному. Раздав свои имущества нищим, они удалились из своих домов и после долгого пути, пришли в уединенный монастырь близ Синая.

Игумен принял Галактиона, а Епистимию отправил в соседний, тоже уединенный монастырь женский.

Когда воины язычники напали на оба монастыря, Епистимия из безопасного места увидела, как ведут на мученическую смерть Галактиона — и тут соединилась с ним, вместе с ним прияв мученический венец.

15 августа.

Отец Пахомий бережно, как драгоценность, принес ко мне в комнату прекрасный образ св. Екатерины, русской работы; и мне хотел сделать удовольствие, а также попросить перевести русские надписи.

Икона изображает всю историю Святой.

Стоит Святая между горой Синаем и вершиной горы св. Екатерины. На первой Моисей принимает скрижали Завета, на второй — тело св. Екатерины, принесенное Ангелами. В правой руке стоящей Великомученицы — крест, оружие ее победы, в левой — меч, орудие ее казни. Над главой — два Ангела с венцом и пальмовой ветвью. У ног ее Синайская обитель, и сарацины пускают стрелы по направлению отверстий в стенах.

Вокруг главного изображения — бордюр из иконок, воспроизводящих моменты жития Святой, с подписями под каждой в стихах:

1. Св. Екатерина в богатой одежде и короне подносит корзину роз Младенцу Христу, на руках у Богоматери; Он отворачивается от Екатерины.

Подпись: Не отвращай лица, дражайший Искупитель,
Я верю, прими Ты сердце во обитель.

2. Екатерина — после крещения; Богомладенец надевает ей перстень.

Подпись: Видение во сне: с Кем дева обручалась;
Но с перстнем воспрянув, с ним век не разлучалась.

3. Св. Екатерина посреди мудрецов.

Подпись: Потеют мудрецы, чтоб постыдить святую,
Но постыдив себя, при лаврах видят тую.

4. Августа Александра жена Максимина со свитой в темнице у св. Екатерины, на которой вместо венца, уже сияние вокруг головы.

Подпись: Тут вере учится в порфире ученица.
Кто учит? — узница; училищем — темница.

5. Казнь св. Екатерины.

Подпись: Тиран премудрую не удалив от веры,
Мстит, отделив главу, последни зверства меры.

6. Над Синайской обителью пролетают Ангелы, относя тело Святой на соседнюю гору.

Подпись: Дух на небо взлетел; свершилось веры дело;
Слуги Предвечного в Синай относят тело.

Внизу узкая полоска иных икон. Моисей перед Несгораемой Купиной, в средине которой треугольник, вершиной вверх, с еврейскими буквами на нем.

Далее, евреи перешедшие море и фараон с всадниками и колесницами — перед ними. Моисей с поднятым жезлом, а позади его Аарон, почему-то в одежде первосвященника уже!

Еще далее — островерхие палатки израильтян. О. Пахомий только местами поправил икону и покрыл лаком. На книге, лежащей у ног св. Екатерины, еле заметная подпись:

Антоний К. (или П.) атушинский, 1798 года, Киев.

Отец Пахомий очень ценит эту икону, хотя и знает, что она не старинная.

Меня интересовало, почему занялся он реставрацией икон? Сегодня узнала.

Где-то я читала, что в Синайском монастыре открыли тайник, где были запрятаны иконы — до четырехсот, чуть ли не от времен иконоборцев.

Вот, я и узнала сегодня, что открыл-то этот "тайник" о. Пахомий. Он давно присматривался к запыленному, крохотному оконцу в стене базилики. Однажды он проник внутрь — и обнаружил целый склад старых икон. Это и стало тем сокровищем, которому он посвятил остаток своей жизни. Он исследует иконы, старается определить их древность, реставрирует их, показывает их всем желающим.

По его мнению, действительно есть тут иконы и от времен иконоборческих: злоумышленную их порчу он определяет по изломам, а древность — по стилю и

работе. Другие — просто старые, испорченные временем. Много русских — прекрасного старого письма, иногда очень древних. С какой любовью о. Пахомий их чинит, подрисовывает, полирует! Его келейка — настоящий музей, пусть и нет в ней особых ценностей; а студией ему служит часовня св. Антония Великого, рядом.

Я было заикнулась о том, что очень бы хотела купить какую-нибудь из этих икон. Он дал мне мудрый ответ:

— Все это чьи-то дары монастырю. Мы не благословлены что-то продать.

Он взял мой образок Серафима Саровского, чтобы почистить и снять копию. Принес мне горячий хлебец — свою долю (когда мне и своей-то много).

Мы много с ним беседуем. Секрет нашей упрочившейся дружбы таков. О. Пахомий, на вопрос в прошлый мой приезд, что бы ему прислать, ответил, что ничего ему не надо — все есть. А в Каире на подворье мне шепнули, что он очень любит рыться в старых журналах, все равно на каком языке, иллюстрированных. А у нас их накопилось масса. Вот был он рад! Теперь он путешествует по всему лицу земли — тут и произведения испанских художников, и горы, и храмы православные и католические; виды Греции в красках и т. д.

Мечтает о. Пахомий поехать в Каир, чтобы сняли ему катаракты, чтобы мог он лучше работать. Но вообще, здоровье его, как кажется, неважно.

По моей просьбе о. Иоаким, заведующий книжными и иными сокровищами монастыря, продиктовал мне список частиц мощей, имеющихся в обители. Он печатный, по месяцам. Между ними: частицы мощей св. Евангелиста Луки, Анастасии Римлянины, бессребренников Косьмы и Дамиана, Георгия Победоносца (рука с тремя пальцами), Иоанна Златоустого (нижняя челюсть и кусок главы — в прошлом году выносили в день памяти); апост. Филиппа, Варвары Великомученицы, Василия Великого, Константина Великого, Марины, Параскевы, Целителя Пантелеймона...

Это все частицы, хранящиеся в отдельных ковчежцах. А в алтаре базилики стоит довольно большой ларец, который с давних пор хранит частицы мучеников — не знают, когда и кем в монастырь доставленный.

Когда едешь на Синай, предупреждают, чтобы брали даже летом теплое. Я так и сделала, взяв только одно летнее платье — в нем и хожу — жарко! Но часто температура меняется и становится прохладно. Вот, сейчас в прохладе пьем чай на общем балконе гостиницы: архитектор, наезжающий сюда, чтобы кончить здание библиотеки; его механик и плотник, симпатичный диакон К. и я. На столе мой дорожный чайник, черный, как негритенок, от кипения на кострах в горах, но чай в нем сейчас особенный — Синайский из одиннадцати здешних травок — очень полезный, говорят монахи. У нас у всех что-нибудь да неладно — и мы пьем и похваливаем...

Мне казалось, что я уж все тут осмотрела, каждый уголок. А сегодня, идя по лестнице в библиотеку — заметила дверцу на крючечке, заглянула: крохотная комнатка в стене, но явно — часовенка! Ниша с крестом наверху, углубление для жертвенника, старинная роспись стен — кресты, цветы, птицы... Спрашиваю, что такое? Оказывается, действительно, часовенка, еще со временем Юстиниана... Кто тут спасался, уединяясь?

17 августа.

Сегодня исполнилось давнее мое желание — осматривать базилику с лицом, действительно знающим искусство — с о. Пахомием. Он — большой критик! Местами от восхищения он ахал и охал, воздевая руки, заставляя меня подходить, отходить. Местами проходил молча, иногда при этом бросал: "бесвкусица!" (по-французски — он говорит немного). Показал и то место, откуда извлек свои сокровища — маленькая дверца — тощему человеку едва протиснуться ползком, а снаружи на том же уровне запыленное крохотное оконце. Икон там он нашел больше трехсот, а много кусков еще осталось...

Показывал он мне реставрированные им иконы, помещенные в базилике. В приделе Сорока Мучеников — свв. Сергия и Вакха. Мы ее с трудом сняли с помощью лестницы. На оборотной стороне образ Богородицы Скоропослушницы, греческого письма — так определил о. Пахомий. Эта сторона совсем была испорчена и он ее реставрировал. Попросил ее сфотографировать — я сделала попытку, хотя уж очень мало света было — авось выйдет, тогда увеличу и пришлю ему.

В другом месте сняли икону в $1\frac{1}{2}$ м.$\times$80 см. На одной, более сохранившейся стороне — Распятие на золотом фоне, блестящем, как новый. На другой — "Сошествие во ад". И какое!

Тут чувства о. Пахомия заговорили все сразу.

— Какой стиль! Какое исполнение! Какие краски! Это икона IX-X века...

На иконе "Сошествие во ад" по бокам Спасителя Адам и Ева, Авель с пастушеским посохом, Иоанн Креститель, Давид, Соломон и не знаю кто, с рожком в руках и с изображением священнического достоинства на голове. Краски, главным образом, красная и золотая.

Есть следы порчи, по мнению о. Пахомия, намеренной. Внизу поверженный сатана и брошенные ключи ада.

О. Пахомий снова просительно посмотрел на меня и мою камеру. Я сняла, хотя и с малой надеждой на успех (но обе вышли).

Дал мне о. Пахомий отсюда горсточку "ливана" — ладана для каждения, почему-то черного — от способа приготовления, как объяснил о. Пахомий.

Но главное, что хотел мне показать о. Пахомий, это образ Богородицы, присланный из Чудова монастыря в Москве. "И бумага у нас есть", объяснил мне он.

Этот образ в часовне Неопалимой Купины, в полукруге других образов Пресвятой Девы.

О. Пахомий снял его и дал мне приложиться. Икона, кажется XV века, прекрасной работы.

Много мы еще чего смотрели — всего не упомнишь! Снова вызвала восторг о. Пахомия завеса Царских

врат в часовенке Праведной Анны, матери Пресвятой Девы (в стене базилики) — дар Москвы.

— Музейная вещь! — восклицал о. Пахомий. — Кто теперь так сделает?

Деревянный, позолоченный иконостас базилики — тоже русский дар, но самые иконы работы критского иконописца архим. Иеремии Палевас.

Спешу поправить прошлогоднюю неточность относительно саркофагов св. Екатерины — русских даров в алтаре базилики. На одном из них на крышке изображено лежащее тело Святой, серебряной тисненой работы. На нем несколько медальонов с надписями на славянском языке. Их сто лет тому назад разобрал архим. Порфирий Успенский. Это — дар Царевны Софии с братьями. Но так как тут же есть и крохотная металлическая пластинка с греческой надписью, что сей дар привезен из России греческим архим. Кириллом в 1691 году — то отсюда возникла теория будто это дар греков из России!

Другой саркофаг тоже серебряный и золоченый; на крышке тоже изображение Святой, но частично эмалью и масляными красками, а венчик, руки, грудь — в драгоценных камнях. И тут говорят разно: то это дар Екатерины II, то Импер. Александра II. И теперь, воспользовавшись случаем — мы одни с о. Пахомием в тишине и не развлекаемые туристами — я облазила на коленях весь этот саркофаг, ища какого-нибудь указания.

И нашла! На основании саркофага ясно обозначена дата — 1860! Значит от Импер. Александра II.

Сама видела и хочу восполнить!

А с какой осторожностью надо относиться не только к тенденциозным объяснениям, но и к более серьезным источникам, я тоже убедилась.

В базилике перед алтарем стоят два большие подсвечника Византийского стиля, стоящие каждый на трех львах у основания. Путеводителю, всемирно распространенному, эти львы показались достаточным указанием на Вавилонское (или Ассирийское?) происхождение

этих подсвечников, а мне это заключение показалось подозрительным.

Хороший прием — внимательно осмотреть, хотя бы ползая вокруг на коленях. Так и здесь: на основании увидела: Нюренберг 1719.

Потолок базилики представляет вселенную: солнце, луна, звезды; Иисус Христос, Пречистая Дева, Иоанн Креститель.

Трон Архиепископа, на котором он восседает во время больших праздников и во время архиерейского служения — XII века из Константинополя. На нем икона Преображения Господня и Матери Божией Неопалимой Купины. А внизу — приезд Архиепископа на верблюдах в монастырь.

Престол в алтаре из черепаховой скорлупы и перламутра, Византийского стиля (говорят, VIII века). Жертвенник того же стиля.

Наружная дверь базилики XII века, а внутренняя — с основания монастыря в VI веке. (Обе входные двери вплотную, образуя двойную дверь).

12 колонн базилики означают 12 апостолов, 12 месяцев года, начиная с сентября (Церковного Нового года). На каждой колонне иконы святых месяца, а под капителью (верхняя часть колонны) — мощи одного из святых соответствующего месяца. Каждый месяц на всех службах зажигается свеча на соответствующей колонне.

Колонны базилики выкрашены в белый цвет. Я раньше себя спрашивала: почему так? Какая была бы красота, если бы то был просто отполированный Синайский красный гранит! О. Пахомий объяснил мне, что колонны были первоначально расписаны живописью и когда она испортилась, то не нашли ничего лучшего, как просто выкрасить колонны!

Вообще реставрация шла очень упрощенная.

— Что за стены базилики над рядами икон, — сетовал о. Пахомий, — разве идет этот бледный голубовато-зеленый тон масляной покраски ко всему остальному стилю? А ведь было время, когда эти стены были покрыты фресками — они попортились от сырости, и

вот, вместо того, чтобы поддерживать их — просто выкрасили стены! А полы! Ведь триста лет тому назад, то была мозаика, а чем ее заменили?!

— Но, отец Пахомий, ведь пол очень красив!

Отец Пахомий только махнул рукой. Вместо ответа он принес мне из притвора несколько обломков древней, снятой с пола мозаики.

Первоначально пол базилики был гораздо ниже современного уровня и в часовенки, находящиеся в стенах, надо было спускаться по каменным ступенькам. Вообще, только воображением можно представить себе всю бывшую красоту!

Когда надо было защищаться и спасаться от сарацин и других завоевателей и хищников, надо было уберегать и художественные сокровища, и вот, для этой цели, мозаику везде покрыли слоем белой извести, так же, как и большую входную дверь базилики. Там, где мозаика открыта и сохранилась, можно и сейчас обнаружить следы этого защитного слоя...

Мы знаем, что часовня Неопалимой Купины была воздвигнута в 329 году св. Царицей Еленой, так же как и башня для укрытия монахов.

Но этого оказалось недостаточно и в 539 году монахи отправили делегатов к Импер. Юстиниану и Феодоре за помощью, т. к. у них не было солидного здания, чтобы защищаться от нападений и просили построить крепостную стену. В ответ была построена стена и базилика в честь Преображения Господня.

Архиепископ Синайский избирается пожизненно за исключением изгнания или ухода.

Полный его титул, как поется за архиерейским богослужением и который произвел на меня громадное впечатление — Архиепископ Синая, Фарана и Раифы... что-то совсем русское православное! и даже мотив.

Помощник Архиепископа и практически игумен монастыря ΔΙΚΑΙΟΣ (дикей) — по-нашему — викарий — тоже выборный.

В обители каждый месяц освещают воду и все кельи.

18 августа.

Как всегда по субботам, утреня была в базилике, а обедня в часовне Неопалимой Купины (тут же, за алтарем). Служба проникновенная, с особым чувством служат монахи!

Сейчас спустилась с колокольни. Она четырехугольная, как обычно в греческих храмах, и не очень высокая. Не сравнить с колокольней русского храма на Елеонской горе или даже в Яффе. И все же высится она над стенами монастыря. К ней интересные проходы над базиликой.

На первом ярусе колокольни один небольшой колокол без надписи. На втором два больших, но далеко не таких, как бывали в России! Вокруг самого большого надпись славянской вязью: "Вылит сей колокол в Москве на заводе Димитрия Самгина". Кругом вытеснен лавровый венок и изображения Иисуса Христа и Богоматери с Младенцем. По нижнему борту надпись: "1870 года июня 27 дня в Синайскую обитель ко храму св. Великомученицы Екатерины усердием Павлы Ивановны Моисеевой за упокой..." и имена. Внутри колокола черной краской по-русски: "Одесса" и номер — верно, путь следования.

На втором колоколе, вылитом тоже у Самгина указан еще вес — 12 пуд. 27 фун., а лавровый венок сопровожден еще изображением херувимов. Вылит он старанием некоего Стефана.

На третьем ярусе — вышке — 6 малых колоколов, из них пять снова заведомо русских: один вылитый в Харькове, другой — в Ростове на Дону, третий — там же на заводе Ефима Матвеева Василенко, как и четвертый; пятый (3 пуда 8 фунтов) в Феодосии, и только шестой без всякой надписи. На некоторых надписаны имена о здравии или упокоении.

Звонит в эти колокола наш общий приятель 25-летний диакон Кирилл — звонит, пользуясь и руками и ногами. По будничным дням действует он веревками снизу, а по праздникам, стоя наверху колокольни. Тогда руками он управляет маленькими колоколами, а но-

гами — нижними, большими — и это с таким искусством, что звон отдается прекрасной музыкой среди высоких гранитных скал.

Вечерня была архиерейским служением — завтра Преображение Господне!

Базилика чисто прибрана, местами устлана коврами. На аналое особая икона праздника — старинная; над нею венок из зелени.

После освящения хлебов, вина и елея, освящена была и большая корзина винограда из монастырского сада. Потом Владыка раздал всем по большой кисти. По окончании всенощной, когда все уселись на боковые сиденья, разнесен был благословенный хлеб, омоченный вином, который мы тут же и съели.

19 августа.

Преображение Господне! Торжественная архиерейская служба в базилике. Когда подошло время чтения Евангелия и диакон взошел на высокую кафедру, я взглянула поверх алтаря на мозаичное изображение Преображения Господня: венец над головой Господа Иисуса Христа и края Его одежды, выложенные золотистой мозаикой — сияли в лучах солнца, посылавшего их через окошечко наверху алтаря.

Все духовенство сегодня причащалось. Сподобилась св. Причастия и я.

После приема у Владыки, где мы получили по чашке чая и грозди винограда, втроем отправились мы на гору св. Екатерины, (не на вершину Синая, как я собиралась). Здесь нам рассказывали, как в давние времена русские поклонники проползали часть пути на коленях. Но мы все — немощные, и будем подниматься на спинах верблюдов.

Я уверена, что это добрый Владыка так устроил, чтобы я совершила восхождение не одна, а в сопровождении двух православных...

Вот миновали мы памятную мне оконечность горы с моей "Трибуной Моисея", прошли дальше, все огибая массив горы. Вожатые показали нам углубление, которое послужило Аарону для отлития золотого тельца...

Невдалеке уже зазеленел отдаленный оазис, так называемый "Монастырь в саду", а за ним, почти рядом и монастырь Двенадцати Апостолов, тоже весь в зелени; а там повернули мы в узкую долину — тропу, носящую имя одной из сестер жены Моисея — Леи (по-арабски — Леджа).

Горы кругом дикие, но попадаются сады, принадлежащие неподалеку уже находящемуся монастырю Сорока Мучеников, тоже принадлежащему Синайским монахам. Там достаточно воды, которую по жолобам, выдолбленным в камне горы, трудолюбивые монахи с давних пор, направляют по садам и садочкам этой долины. Встречающиеся здесь крохотные поселки арабов тоже непременно с садиками.

Тропа узкая, уединенная, дикая — где, действительно, как не здесь, удобнее было сарацинам захватить и перебить беззащитных отшельников?. . .

Вот подошли мы к "Камню Моисея" — библейской скале Рафидим, из которой Моисей источил ударом своего жезла воду для двенадцати колен Израилевых. . . Скала серого гранита — огромная: сидя на верблюде, я с трудом доставала до верхнего края! Наверху — небольшой железный крест.

Поперек скалы, сверху вниз, странные прорезы, напоминающие рты. Сейчас я насчитала их десять, а было, говорят, двенадцать — по числу колен Израилевых. В эти отверстия сейчас кладутся бедуинами пучки иссопа и других трав, — чтобы верблюды их были здоровы.

Еще подходя к "Камню Моисея", мы могли наблюдать знаменитые древние синайские надписи, а миновав Камень, мы приблизились к большой отдельной скале, которая вся покрыта ими.

Попадаются и отдельные краткие надписи на камнях. Надписи эти производят ясное впечатление букв, а не рисунков. Впрочем, на отдельных камнях можно заметить и настоящие рисунки — грубые, а вместе с тем артистически исполненные — как ни странно такое сочетание! Особенно понравился мне рисунок всадни-

ка на верблюде — очень выразительный. Я была очень счастлива, что вижу все это.

А вот в затвор св. Онуфрия не заглянули — спутники мои торопились вперед, а тут пришлось бы останавливать верблюдов, слезать, удаляться в сторону, хотя это и не далеко. Будь я с милым о. диаконом К. — мы бы повсюду заглянули, ничего бы не пропустили, и ближние и дальние места. Но он завален работой. Скромный он, трудолюбивый. Он же теперь, ласковый и обходительный, принимает посетителей. Хотя он знает только греческий и арабский языки — незаменим он в этой обязанности.

Начался уже сад монастыря Сорока Мучеников, по правую сторону долины-ущелья.

Деревья преимущественно оливковые, но есть и гранатовые, яблочные, миндальные, смоковницы и др. Сойдя с верблюдов подошли мы под огромнейшее ореховое дерево — обыкновенные грецкие орехи, еще молодые, но очень вкусные.

Из колодца сбоку вымыли руки чистой холодной водой и прошли в церковь: она старинная, довольно простая. Наверху удобная комната для паломников, следующих на гору св. Екатерины.

Пути до того монастыря было полтора часа. Столько же было бы и пешком! Наши вожатые, арабы, шли рядом совсем не торопясь.

Закусили захваченной с собой провизией, напились чаю, отдохнувши еще раз помолились в церкви и двинулись дальше, предварительно наполнив свою огромную бутыль чистой и приятной водой. С предосторожностями поместили ее в корзину и приторочили к седлу — до обратного спуска с горы воды не будет!

Медленно двигались верблюды, но мы знали, что к замечательному здесь закату солнца — успеем. Дорожка до самой вершины хорошая. Проложена она тоже о. Моисеем, который до монашества, живя в миру, был инженером путей сообщения.

Особенное животное — верблюд! Характерное, сказали бы мы! Непременно надо ему итти по самому краю тропы, выложенному большими камнями. Тропа

же сама выложена битым камнем и змеится, извивается иногда по головокружительным крутизнам. Сердце падало у меня, когда доводилось колебаться на седле над этим краешком! Я и раньше уже решила обратно непременно пройти пешком, а теперь страх укрепил это намерение.

Но с чем только не осваивается человек! Скоро я уже над этими самыми кручами, то снимала, то снова надевала шляпу (остатки ее!), смотря по тому, срывал ли ее ветер, или било солнце в глаза; меняла очки.

Картина кругом дикая и величественная. Давно уже видна вся Моисеева Гора с часовней на вершине, которая то появляется на поворотах дорожки, то исчезает.

Прошли "Источник куропаток" — это половина дороги к вершине. Когда монахи следовали с обретенными мощами Великомученицы, то куропатки, плескавшиеся в источнике, указали им, таким образом, наличие воды, а потом сопровождали шествие до самого монастыря.

О присутствии мощей Великомученицы на вершине горы, были знамения отшельникам особо высокой жизни — был виден свет или сияние: привлекаемые им и поднялись они на вершину, чтобы узнать, что им открывает этим светом Господь.

Источник несколько в стороне от дорожки, глубоко внизу. Видны некоторые сооружения около него. Очень мне хотелось спуститься к нему, но нельзя. Бутылочку, которую я запасливо взяла с собой, пустой привезла обратно. А вода там есть и сейчас, —небольшой отвесный бассейн, выложенный камнем, с родником внизу, как объяснили мне монахи в монастыре.

От монастыря Сорока Мучеников до вершины взбирались мы три часа. На самой вершине — голый гранитный пик, а к нему очень удобная лестница из гранитных плит — удобнее, чем лестница пилигримов, ведущая на Моисееву Гору.

По лестнице, у основания которой мы оставили верблюдов, поднимались мы четверть часа.

Я на вершине горы св. Великомученицы!

Быстро поворачиваюсь во все стороны, все хочу охватить взором... Отпираем зданьице — из гранита оно, побеленное, невысокое, с плоской крышей и крестом на нем. Проходим внутрь и еще внутрь. Отпираем самую часовенку. Сердце бьется. Зажигаю привезенную свечу. Мои спутники зажигают свечи в подсвечнике.

Почти вся площадка на вершине пика занята часовенкой. Часть пола деревянная. В глубине, под престолом плоский, хотя и неровный камень в рост человека, — место на котором века почивало тело Великомученицы. Камень прикрыт тканью с крестом на ней. Откидываем ткань, прикладываемся, молимся. Читаем тропарь Великомученице — каждый на своем языке. Я возлагаю икону Великомученицы, другие иконки, образок преп. Серафима с его мощей — тот образок, который не покидает меня в путешествиях...

Один из моих спутников собирается жениться. Он прошел полосу, когда и не заглядывал в церковь. Теперь он возлагает на камень обручальные кольца. Я видела в Каире его очаровательную невесту. Защити их св. Великомученица!

Над престолом много икон. Много русских; среди них — Господь Вседержитель, св. В-ца Екатерина. Сбоку образ Божией Матери Владимирской. Дальше Митрофаний Воронежский, преп. Серафим Саровский, Сергий Радонежский и др. Покровители наши! Я боюсь всегда только в начале моих путешествий, а двинусь, ничего уже не страшно — ведь всегда среди своих — дивных наших защитников и молитвенников!

Юная, ученая красавица — патрицианка Екатерина, отвергла все притязания идолопоклонника. На конференции с ареопагом философов и ученых в Александрии, собранным по приказу цезаря Максимина, который был в это время там, 18-тилетняя св. Екатерина спокойно, с большой эрудицией, основанной на ее глубоких знаниях, разбивала все доказательства ученых в пользу идолов и приводила пророчества и ясные прозрения, шедшие к человечеству из тьмы веков о

воплощении Сына Божия на земле, Его страданий, смерти и воскресения, все свои тезисы подтверждая из древних философов, поэтов и даже авторитетов языческой религии.

История св. Екатерины не полна, несколько древних авторов упоминают почти тоже, об одной Великомученице, не называя ее имени.

Сначала она была сослана с несколькими близкими на Синай. Потом Максимин велел вернуть ее, пытаясь все-таки соблазнить и, наконец, казнил.

Ангелы унесли ее тело на Синай и положили на вершине недоступной горы.

Да! без дорожки и вся эта гора молодоступна, а пик гранитный без лесенки и совсем недоступен. Здесь тело Великомученицы покоилось два с половиной столетия.

Император Максимин велел тогда же сжечь ученых, не помогших ему покорить христианку, а уверовавших в ее проповедь.

Больше всего сведений о ней дает Евсевий (Eusèbe).

В 312 году Импер. Максентий (Максимин) казнил св. Екатерину.

В 313 году св. Константин Великий вступил на престол и издал указ о прекращении гонений на христиан.

250 лет тело св. Екатерины лежало на этой горе неподалеку от Синая и в 562 году монахи по боговдохновению нашли ее тело и перенесли в базилику Преображения Господня и назвали монастырь в ее честь, отдав его под ее покровительство.

Через некоторое время меня окликают:

— Мадам, не пропустите, время заката близко.

Из трех пиков-вершин горы св. Екатерины этот пик в два зубца. Я взбираюсь на зубец рядом в нескольких шагах, все выше и выше.

Гора эта самая высокая на Синайском полуострове; значит, я сейчас на самой высокой точке!

Вид еще шире, чем в Джабаль Мусса, которая вид-

на отсюда и очень близко. Кругом бесконечные волны гор. Выделяются из них особенно высокие.

На севере обширная возвышенность — плоскогорье. На востоке местами голубеет залив Акаба. На западе, где должен бы поблескивать Суэцкий залив — туман. Солнце касается уже краем не то тучи, не то затуманенного довольно высокого африканского берега. Начинает заходить. Слышу аханья... Зашло!.. Горизонт окрасился пурпуровым и нежным фисташковым цветом. Красиво — и только. Никакой феерии. Несколько дней тому назад в пустыне Каа солнце заходило несравненно красивее — роскошно, волшебно расцвечивая все за собой. Может быть, погода упростила сейчас так прославленную феерию?!

На другой вершине этой горы несколько небольших зданьиц. Раньше была тут американская радиостанция и еще недавно жил тут американец. Он изучал солнце. Делал снимки. Были при нем жена и двое детей. Говорят, что иногда около американских домиков видели рыскающих леопардов, почему и рекомендовалось после захода солнца не выходить и запираться.

Монахи сообщили мне, что часовня над камнем св. Екатерины начата была постройкой на пожертвование русского. Я уже раньше читала об этом в книге посетителей. Девяносто лет тому назад москвич — поклонник возымел эту благую мысль. А потом пристроили комнатки, провели дорожку.

На крохотной площадке, остающейся свободной перед часовней, расположились мы ужинать, одевшись потеплее. Холодно даже сейчас. а зимою тут бушуют бури и ураганы — потому-то и лежат на крыше часовни, крытой частью железом, частью черепицей, эти большие камни, чтобы не сорвало ее. Потому и вся постройка низенькая — не в высь, а в ширь.

Вдали засветился маяк. Не мигает, значит, Эль-Торский. Он почти прямо на запад. Умываемся — по стакану на человека: надо, чтобы хватило и на завтра умыться и на чай, и на арабов, и на верблюдов, и на обратную дорогу до монастыря Сорока Мучеников.

Рядом с часовней несколько крохотных комнаток: кухня, столовая, две спаленки. Все до крайности просто, но необходимое все есть. Мои спутники улеглись в комнатке рядом с часовней, я — напротив дверей часовни. Ночью выглядывала из узенького отверстия-оконца своей спаленки-пещерки: гор не видно, соседняя долина, залитая луной, кажется бездонной, и только наверху знакомое, близкое звездное небо.

Утром наблюдали восход солнца — тоже красиво! После чая помолились в часовне и стали спускаться. Я шла пешком легко, с удовольствием. А когда мой верблюд, шедший свободным, оступился на краю дорожки и камни посыпались в пропасть, и мои спутники убоялись и спешились.

До монастыря Сорока Мучеников спускались два часа. После краткого отдыха отправились дальше. Снова любовались на Моисееву скалу с десятью "ртами" и на Синайские надписи — кто их писал — иссекал и что тут написано?!

20 августа.

Солнце жжет изрядно! Устали! Подходим, наконец, к своему монастырю — ровно через сутки после отбытия. Увидев нас такими опаленными и усталыми, Владыка сказал:

— Да, это хотя и на верблюдах, но не туризм, а настоящее паломничество.

А тут сразу — приглашение! В монастырь прибыла маленькая ботаническая экскурсия: два профессора и два ассистента Университета имени Ибрагима Паши (уже с год, как существует в Каире второй Университет) — завтра поднимаются на Синай!

Меня ноги не держат, а хочется и в третий раз побывать на Божией Горе. Профессор говорит, что будем подниматься медленно, рассматривая и выкапывая растения, и я с ними не утомлюсь.

21 августа.

Чудное восхождение! Вместо обычных трех с половиной часов, поднимались четыре с половиной и,

действительно, не утомилась я. Ботаники сообщили мне, что на полуострове 532 вида растений — вот не ожидала при скудости здешней растительности! и 134 из них находятся только на Синае, почему и к названию этих последних прибавляется Синаитика.

До колодца на площадке Пророков успели выпить всю воду из фляжек, а тут нашли одно ведерко-банку, а веревку верно арабчата утащили. Нашлась у меня в сумочке длинная шпагатина, разыскали длинную камышину, соорудили нечто вроде удочки и так банкой и черпали воду на глубине более шести метров. Очень хорошая вода и мы пили ее без конца и умывались ею, а молодежь поливала себе головы.

Отец Иоаким дал мне ключи от часовни Св. Троицы на вершине. Отперли мы ее. Один из ассистентов христианин копт. Остальные члены экспедиции магометане. Они очень учтиво и внимательно осмотрели с нами часовню и роспись в ней, а потом оставили нас помолиться, сами уйдя в рядом стоящую магометанскую молельню.

Снимали мы часовню и снаружи и внутри, роспись, иконы. Двадцатисемилетний Жорж — ассистент-христианин, обещал принести мне домой снимки, как и те, которые он сделал раньше в базилике. Вот будут подарки моим друзьям!

Помолившись, чудесно закусили, расположившись на камнях и, конечно, опять снимались. Спустилась с Синая блаженно-усталая.

А о. диакон К., урвав минутку от своих многочисленных обязанностей, моментально приготовил чашку черного кофе, стакан воды с вареньем, ломтик хлеба и уже ждет меня в своем крохотном бюро-кладовочке.

Погоревали мы с ним, что я так и не побывала в некоторых часовенках, разбросанных по горам. В этом отношении мы с ним пара: будь мы с ним более свободны и самостоятельны, ничего бы не пропустили. У меня к нему какое-то материнское чувство: может быть и у него ко мне — сыновнее — собственной-то матери он не помнит!

Профессора через два дня уезжают. Они очень уговаривали своего шофера взять меня с ними. Один из профессоров живет недалеко от нас, и я с ними доехала бы до самого дома. Но шофер отказался наотрез: "я знаю свою машину, она выдерживает в этих местах только четырех пассажиров". Завтра монастырский караван идет в Эль-Тор — повезет почту, а обратно возьмет какие-то продукты. Идут все шесть верблюдов. Надо и мне присоединяться, а то потом, может быть, долго не будет случая уехать.

22 августа

После заутрени в базилике прощалась с монахами и гостями. Трогательным было прощание с монахами. Владыка, как всегда, добрый и благостный. Отец Феоклитос приготовил мне в дорогу коробку Синайского чая, пять мягких хлебцев.

От о. Иоакима получила две баночки манны и три простенькие бумажные иконки Великомученицы Екатерины (я поспешила возложить их на раку с мощами и на место Неопалимой Купины). О. Христофор — эконом идет в сопровождении араба, нагруженного матрацом для меня, одеялом, подушкой и белым шлемом, так как шляпу свою я уже выкинула.

Уже около верблюдов увидела я диакона К. — с оплетенной бутылкой воды — про-запас (знал, как она пригодится!) и тут же о. Пахомия, который никогда "так далеко" не выходит.

С некоторым опозданием, в 8 часов, двинулся наш караван: шесть верблюдов, два верблюженка, два вожатых и я, восседающая этот раз на целой горе. Долго еще со стен монастыря помахивали мне платками.

Потребовалась вся твердость, чтобы заставить арабов взять путь на долину Хебран, а не Ислю, которую я уже знала. Понимала я, что тут какой-то фокус: только приказание монахов воздействовало.

Оказалось, надо было им зайти за третьим братом с его собственным верблюдом. Мы и зашли к нему, но потом взяли путь все-таки на долину Хебран.

Прежде всего мы пересекли долину Отдыха — Раха. Со стен монастыря она кажется небольшой и уютной, а когда медленно проходили мы через нее, то легко можно было представить себе уместившееся здесь все многолюдство израильского стана.

С одной стороны вход суживается почти под самой горой Синаем, а с противоположной, ее зажимает трудный проход "Ветряной". Расположен он так, что ветер действительно, обуревает вас, пока бредете вы среди нагроможденных огромных камней.

А перед моими глазами живо рисуется картина, как "...стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, иди ко мне!.. пройдите по стану от ворот до ворот и убивайте..." — поклонников золотого тельца. И понятна пылкая молитва Моисея потом ко Господу о прощении народа, до предложения и своей жизни за общий грех.

Попадались и в "Ветряном" проходе Синайские надписи. Попадались и "скульптуры", которыми природа украсила Синайский полуостров. Забыла я раньше упомянуть о них.

В прошлом году, южнее Абу-Зенима мы любовались огромнейшей, хорошо "выточенной" из известняка лягушкой в небольшой долине, а неподалеку — таким же верблюдом, поднимающимся на передние ноги. Теперь, в проходе "Ветряном" подходим не то к голове лягушки, не то рыбы, нет! — определенно, голова дракона! Огромная пасть широко раскрыта. Резцом природы ясно очерчены зубы, глаз и даже ноздри. Другая сторона головы не отделана. Неподалеку опять Синайские надписи.

Спустились в долину Салаф — длинную, довольно ровную, монотонную, покрытую редким кустарником. Солнце палит немилосердно, верблюд укачивает, пот течет из-под шлема, затуманивая очки.

Верблюжата, которые всю дорогу бегали и прыгали вокруг каравана — и те притомились и бредут сзади паиньками — разомлели.

Когда мы идем цепью, караван имеет обычный вид. Но когда долина расширяется, три брата-бедуина сбиваются в кучу на своих верблюдах и о чем-то будто сговариваются — точь-в-точь братья-разбойники! И вид у них дикий, одеты, чуть не в лохмотья. Один — прифрантился: голова вся заплетена в мелкие косички, а у двух других длинные волосы развеваются космами. Сзади же на привязи (один к другому), следуют цепью остальные четыре нагруженных верблюда и на одном из них — я, в юбке-панталонах, белом шлеме, с дамской сумкой и фотографическим аппаратом по бокам, часами и компасом на руках, с грязными руками и лицом, обвешанная всем необходимым... Я-то братьев-разбойников ни капельки не боюсь, монастырские они, но, думаю, со стороны картина должна быть дикая...

Механна, мой вожатый, опять вынимает свою длинную дудочку и не без приятности наигрывает. Длинная нота тянется, а на ней нанизаны другие, но все монотонно... Дремлется... Не свергнуться бы только со своей высоты! А тут и дремота прошла — вступили в проход Ейави, а он весь покрыт науамисами — вся долина — сплошное кладбище, если только предположение ученых о науамисах правильно. Я стараюсь осмотреть их — к неудовольствию верблюда (не любят они становиться на колени) и недоумению арабов.

Проходим науамисы под вечер. Солнце склоняется за горою на запад и посылает свои лучи прямо в западные отверстия-двери, которые образуют два большие стоящие камня и третий, положенный сверху. Эти двери, повидимому, приваливались громадными плоскими камнями.

Попадались науамисы и с дверями на восток, (если это не проделанные позже отверстия). Материал, из которого сделаны эти могилы, другой, чем в долине Тарфа — из мелких плоских слоистых камней (гнейс?), и кладка иная.

Маленькая драма! Наша половина каравана, более нагруженная, оторвалась и шла далеко позади.

Один верблюженок весело шел со своим приятелем около матки этого последнего. Вдруг он поднимает голову и не видит своей матки. Он ринулся вперед и все-таки, ничего не видя, стал отчаянно и жалобно реветь своим скрипучим голоском.

Бросился назад к нам, вперед, и опять назад — к тем, кого он все-таки видит. Своим беспрестанным ревом он тревожит душу. Мне хотелось соскочить с своей высоты, накинуть на него свой пояс и бежать с ним вперед за его маткой. Но Механна сказал, что он не пойдет за мной от своего приятеля.

Когда обе половины каравана сблизились, он с ревом, вскачь побежал к матери. Я ждала трогательную предстоящую встречу детеныша с матерью: он будет тереться об ее бока, ноги; а она будет облизывать его...

Ничего подобного! Догнав, сейчас же стал сосать матку, а та одним глазом косила на него.

Насосавшись и чувствуя себя у хвоста матки в безопасности, верблюженок стал все чаще оглядываться на приятеля, отставать, снова бежать за маткой, наконец, так и шел посредине каравана.

Много ли надо для счастья верблюженка? — чтобы их матки шли одна за другой, а они с приятелем рядышком за ними.

От холмов с науамисами сейчас будем спускаться в Вади Хебран. Здесь тропа перед нами разветвляется: одна ветвь идет из Эль-Тора в оазис Фаран, — это верблюжья тропа.

А автомобилем дорога из Эль-Тора в Фаран — севернее. По другой надлежащей тропе спускаемся в долину Хебран. Здесь она довольно широка, но ничего ни красивого, ни величественного нет: дикая, монотонная, окруженная невысокими горами какой-то довольно мягкой породы — не гранит, во всяком случае.

Еще поворот долины, и перед нами уже другой вид: узкое глубокое ущелье, забитое огромными камнями. Мы идем по верху, краем этого ущелья, пешком. Впрочем, почти всю дорогу тут приходится итти пеш-

ком. На дне ущелья некоторая растительность и даже пальмы. Весь вид дикий — будто некогда было это ущелье вырыто бурным потоком, все смывающим на своем пути. Мягкие горы—то есть мягкие по сравнению с гранитом! — размыты кругом потоками дождей, изрезаны ими. Арабы говорят, что некогда, очень давно, здесь выпадали зимами проливные дожди; не так давно бывали еще большие дожди, а теперь — все меньше их. И в том месте, куда мы спешим на ночевку, едва ли найдем мы воду.

Трудный переход! Кажется уж сил нет. Но хорошее средство при переживании трудностей — вспоминать о трудностях, переживаемых другими.

Раньше меня в монастырь прибыли из Эль-Тора на верблюдах, через долину Хебран, две женщины — невестки: гречанка и коптка с тремя детьми, один грудной, двое — трех и пяти лет.

По обету, вероятно. С ними двое соседей по Эль-Тору, муж и жена, почти старики. Наняли четырех верблюдов и отправились. У одной невестки грудной младенец, у другой — двое, по одному на каждом колене (как же она держалась за колышек на кручах?!). Шли четыре дня, только в монастыре отдохнули.

Помолились и себя показали — не монахам, а посторонним: туфли модные, яркие разноцветные платья; обвешаны грошевыми драгоценностями... Впрочем, едва ли здесь было желание показать себя, скорее: быть одетыми "как надо" — во все свое лучшее!

Смотришь на них как они карабкаются по лесенкам и переходам монастыря на своих высочайших каблуках (дома-то привыкли шлепать в туземных туфлях!) — и едва удерживаешься от улыбки.

А вспомнишь, как они добирались до монастыря — и улыбка замрет!

Обратно их монахи устроили на грузовик, отправлявшийся в Эль-Тор.

Вот о них-то и приходилось вспоминать во время пути!

Вода на ночевке все же нашлась — правда, немного ее и зеленоватая. Арабы пили ее вместе

с верблюдами, а я допивала свой запас из монастыря. Достаточно того, что в дороге, не желая задерживать караван, чтобы достать другую бутылку из запаса, в палящий зной я все же выпила воды из общего козьего бурдюка...

Место для ночевки превосходное! Внизу ущелья, среди громадных скал и массы огромных камней, местами песчаные проталины. В одну из них был уложен мой матрац и прочее — и я, совершенно обессиленная, как была, одетая, повалилась спать.

Но как было жаль закрывать глаза! Прекрасное ущелье, прекрасное небо... У бедуинов уже пылает костер...

А с верблюжонком опять история! Как все дети — не желает он рано ложиться спать. Безуспешно нянчился с ним двадцатилетний крепкий парень Механна: так и не смог ни повалить этого пятимесячного детеныша, ни связать ему веревкой ноги. Верблюжонок отчаянно ревел, поднимался на дыбки, тряс связанными ноженками — и, наконец, разорвал-таки веревку.

Мать довольно спокойно наблюдала эту знакомую ей сцену. Уступить должен был измученный Механна — так и не сладил с детенышем. Просыпаясь от свежего ветерка, я не видела бродящего бэби — вероятно, усталый уснул и он.

Утром я вслух удивилась разнице характера верблюжат и Механна открыл простой секрет: один "мальчик", а другой — "девочка".

Между прочим, имеются, конечно, на Синайском полуострове и иные животные, помимо верблюдов, коз и собак. Есть и хищные, но мы не опасались их, — может быть, потому, что они не появляются там, где часто бывают люди, да еще с кострами.

А в прошлом году, перед нашим автомобилем пронеслась прелестная молодая газель, видимо отбившаяся от своего стада.

23 августа.

Утром, еще до восхода солнца, тронулись мы дальше, — так и не умывшись. Ущелье грандиозное, суро-

все, все взбаламученное. Я — опять пешком! Сначала ноги подкашивались — только-только не падала. Потом разошлась. А тут и солнце взошло и долина расширилась. То тут, то там — пальмы, тамариски, кусты. Миновали целый оазис с садами, огороженными каменными стенами. Мы — опять на верблюдах, до остановки для завтрака-обеда, где должна быть вода. Идем уже давно дорогой, выложенной солдатами Аббас-Паши от Эль-Тора до его дворца-санатория на вершине горы вблизи Синая.

Местами дорога размыта, загромождена громадными камнями и мы вынуждены бываем итти сбоку, верблюжьей тропой, а иногда и совсем без следа.

Близ зелени — обязательно палатка или шалаш, а то и каменные лачуги бедуинов. То тут, то там стада коз, пасомых обязательно девочками-подростками или совсем молодыми девушками. Механна еще не женат и проглядел все глаза — присматривает, может быть, и себе подругу жизни. Увидя стадо коз еще издали — расплывается в улыбку: точь-в-точь наш русский парень при виде хоровода! Как все здесь еще ветхозаветно, в этих местах. Ведь и во времена Моисея овец Мадиамского священника пасли его собственные дочери. Встретил их при своем бегстве из Египта Моисей у колодца, оказал им помощь, заступив от других пастухов и напоив их овец, познакомился с отцом их Иофором, а потом и женился на дочери его Сапфоре...

Подходим, наконец, к болотцу на камнях, оставшемуся от прошлогоднего дождя. Останавливаемся для отдыха и еды. Какая-то бедуиночка лет двенадцати поила своих овец, наши бедуины бесцеремонно отогнали ее: ты, мол, здешняя, всегда успеешь, а мы дальние, прохожие!

На пути почти из каждого, самого крохотного бедуинского поселка, выходили нам навстречу какой-нибудь старик или старуха с приветствием и, повидимому, с расспросами: что, мол, творится в большом мире, за горами до самого Эль-Тора?

Опять вспомнила я — на этот раз Авраама, хоть и не в этих горах жил он: как поспешил он выйти на-

встречу Трем Странникам — радостно приветствуя Их, чтобы потом угощать под дубом Мамврийским.

И нашим бедуинам то и дело выносили крохотные плетенки со спелыми финиками.

У арабов пустыни существует своя этика — этика пустыни. Остановились мы где-то, уже подходя к пустыне Каа, пообедать — на могиле шейха. Эта могила сооружена в форме... науамиса! Не знаю, насколько точно она скопирована и кем, по каким побуждениям именно этой формы...

Круглое, каменное здание, довольно просторное и высокое, с несколько покатой от центра крышей и на этот раз определенно с двумя входами: с запада и востока. Внутри посредине возвышение над могилой.

Цыновки, камни для костра и даже скамейка; две-три металлические посудины для стряпни и железный лист для печения лепешек.

Бедуины состряпали себе варево, быстро замесили и испекли лепешки; дали мне одну — пока горячая — ничего, вкусная.

Перед нашим отправлением дальше, они перечистили песком посуду; как ни дорога тут вода, перемыли ее; вымели костер — как нашли, так и оставляют для следующих путников. А я опустила мелочь в прорез специального ящика.

Но все же я больше не считаю бедуинов такими уж детьми природы. Они рассматривают себя, как хозяев местности и положения, и пускаются на всякие ухищрения, чтобы показать это. Хорошо, что чаек, кофеек, сахарок и тут делают свое дело: признак порядочного человека в этих местах, ими снискивать себе расположение.

У своего начала (с этой стороны, со стороны пустыни Каа), долина Хебран тоже имеет характер разорвавшегося хребта.

Недалеко от выхода из долины, т. е. прохода, попадаются опять надписи, а при самом выходе слева — огромный камень красного гранита весь в очень хоро-

що сохранившихся, аккуратно высеченных, надписях. Рисунок отчетлив: на спине у верблюда поклажа. Несколько небольших камней с короткими надписями. Направо — громада горы Сербаль. Она у самого выхода.

Вот и вышли. Оглянулась — и уже не увидела выхода — сплошная стена!

К концу моего второго паломничества, у меня уже сложилось твердое убеждение о характере надписей, попадающихся обязательно **"в самых интересных местах пути"**, как я бы сказала, рисунков, и надписей — алфавитных, вероятно, позднейших, чем внутри полуострова.

Но сначала в своих записках о Синае, я воздерживалась высказывать свое мнение о своих наблюдениях и умозаключениях об этом. Записки мои могут попасться на глаза специалиста, имеющего свое, научное мнение в этом вопросе — думала я...

Но... мое скромное мнение основано на опыте.

Все эти "афиши", отдельные камни, громадные скалы, изрезанные письменами "в особых пунктах" ведь это... выразиться по современному — распоряжения и советы Министерства Путей Сообщения! — пусть они и исходили от вождей отдельных племен, кочевавших в этих местах. Может быть, это были древние набатеяне, жившие вокруг своей "Петра" (села) и до самой головы Акабинского залива; вытесненные когда-то из своих мест, укрывшиеся в горах Синайского полуострова и прожившие здесь какое-то время...

Под конец второго паломничества, вступая в какую-нибудь часть пути и глядя на грубо иссеченные рисунки, я уже предполагала:

"А верблюд,.. груженый... — и мы пройдем!"

"Лошадь, без поклажи и всадника... не потому ли и мы берем в сторону?.."

"Фигура с копьем... дальше туда, жило воинственное племя?.. враги?.."

"А скорпионы с поднятыми хвостами на камнях науамиса... Не водилось ли там тогда множество смертоносных скорпионов? Даже может быть в связи с присутствием могил?.."

В очень многих местах иссечены на камнях очертания человеческой подошвы... — "в очень многих местах только на своих подошвах и пройти..."

Да простят мне такие мои умозаключения, если они ошибочны, но обстановка на местах и сопоставления настойчиво их подсказывают...

А в начале проходов и Исля и, сейчас, Хебран (если итти туда, готовясь углубиться в горы) — ведь это предупреждение, каков проход, и как его можно пройти.

Потянулась пустыня Каа — огромные пространства в крупных камнях, потом более мелкие; щебень, песок...

Спрашиваю у арабов: знают ли они расстояние вдоль гребня гор от прохода Исля до прохода Хебран?

— Лет двенадцать тому назад, когда Механна был еще мальчиком лет восьми, шел он с отцом и его верблюдами из Эль-Тора к проходу Исля. Сунулись в него, а там бурный поток после дождя в рост верблюда! Они — назад, да вдоль гор к проходу Хебран. Шли с раннего утра до темноты — часов десять надо считать...

Солнце палит немилосердно, жажда томит, пустыня тянется бесконечно. Уснула в седле от зноя, качки и музыки Механны.

Дорога Аббас Паши тянется и по пустыне. Еще с утра к нам присоединился бедуин, совершенно дикий по виду, на очень хорошем быстроходном верблюде. Теперь у нас целый караван.

У нового спутника на бедре кинжал метра в полтора в самодельных ножнах.

— Зачем? — спрашиваю.

— А как же? — от воров! Убивать, тут не убивают, а нападут и отнимут продукты.

Другой, из наших, — тоже вынимает из-под седла длинную шашку.

Теперь довольно тихо. А когда около Эль-Тора была каторжная тюрьма, много преступников убегало в пустыню, а порою в горы. Не зная местности и не умея отыскивать воду, умирали в горах.

Даже бедуины пришли в сентиментальность, рассказывая, как нашли в горах молодого беглеца, умершего от жажды. Руки раскинуты и одна на камне... под которым вода...

Дикий бедуин оказался бывалым и сообразительным, разговорились мы с ним. Сопровождал он однажды американку на вершину Сербаля.

— Тоже была такая, как ты — всем интересовалась.

У арабов только два обращения — "ты" и "Ваша милость". В монастыре, глядя на обращение ко мне монахов и Владыки, они произвели меня в "Вашу милость"; в пустыне я опять для них "ты".

Близка уже гора, называемая "Фараонова купальня", так как там минеральные источники, бывшие известными еще фараонам. Она совсем близко от Эль-Тора, но верблюды и люди так устали, что мы заночевали в песках в стороне от причудливых известковых холмов, которыми покрыта эта часть пустыни.

24 августа.

Тронулись в пять утра. Восход солнца был очень красив.

Подходим к Эль-Тору. Цивилизация дает себя знать! Два автомобиля уже обогнали нас. В заливе масса барок. А дома! есть и двухэтажные! А в городе? Электричество, водопровод! Поговаривают о том, чтобы завести конку, но, может быть, и не проведут — не нашего века это дело, когда еще только на днях прилетел сюда аэроплан из Каира за рыбой и спускался над естественным аэродромом — гладкой пустыней.

Когда подходишь к городу, первое, что видишь — это две линии телеграфных проводов.

Механна, завидев их еще издали, заволновался:

— Видишь, видишь столбы?! Ведь это что? На столбах натянута проволока: люди говорят в Суэце, а

слова бегут по проволоке до самого Эль-Тора — и здесь другие люди слышат их! Не веришь? Спроси у людей!

Еще издали увидела крест на церкви: она без купола, продолговатая, в форме базилики. Колокола сбоку стены, в ряд, на деревянной опоре.

В семь утра входим в Синайское подворье, а в девять я уже сажусь на грузовик, направляющийся на Суэц.

Очень тяжелая и неинтересная дорога вдоль пустынь Каа и Син, хотя и тянется она по большей части вдоль залива.

Если принять во внимание, что сейчас август месяц, самый жаркий во всем Египте, включая и Синай, и что грузовик расхлябанный, то легко понять, что путешествие было не из приятных.

Суэц еще больше переполнен, благодаря мусульманским пилигримам, направляющимся в Мекку, к Байраму. Ночь провожу на двух креслах в крохотном бюро крохотного отельчика.

25 августа сяду уже в поезд, идущий в Каир. Я почти дома!

Слава Тебе, Господи! Как все прекрасно!

II. КАИР И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

1. Древо Пресвятой Богородицы в Матарии.

"Вот Господь восседит на облаке легком и грядет в Египет и потрясутся от лица Его идолы Египетские"...

Исаия, гл. 19, ст. 1.

Второй день православной Пасхи — ежегодный праздник всего населения Египта без различия религий, национальностей, классов и цвета кожи.

Это "Шам-эль-Нассим", праздник цветов или, буквально — вдыхание свежего ветерка — имеющий за собой историческую традицию.

В этот день все устремляются к берегам Нила, в сады и парки, на поля и в пригороды, вообще, на воздух.

Этот праздник цветов ждут, от него считают свои домашние события, его праздновали отцы и деды.

Когда-то, очень давно, исключительно жаркие египетские летние дни — хамсин, обжигающий лица и перехватывающий дыхание, часто слепящий глаза мелкой пылью — особенно выдались в конце весны. Этот раз хамсин особенно неистовствовал в стране фараонов: люди сидели по домам, закрыв наглухо двери и окна, забивались в подвалы и умирали там в духоте, падали мертвыми на улицах, под палящими лучами солнца, ловя ртом недостающий воздух.

Падал скот, пожелтели и скорчились пажити.

Напрягая последние силы, взмолилось население Египта на разных языках, у разных алтарей. Молились католики. Собрались раввины со своими многочисленными колониями египетских городов.

Но вожделенного дождя все не было.

На второй день Православной Пасхи все население Египта вышло из домов, каждая народность за своим духовенством.

Молебствие возглавляло коптское и греческое духовенство со своими паствами. Вознесли Господу пламенные молитвы о прекращении **праведного** гнева Его.

И... собрались тучи, хлынул дождь, напоил землю, очистил воздух, оживил людей и животных, и растения.

Мы тоже отправились пешком в Матарию к древу Пресвятой Девы Марии, под которым Св. Семейство отдыхало при бегстве в Египет от руки убийцы Ирода.

Когда-то мы хаживали туда из своего Гелиополиса прямо через пустыню, а теперь мы шли уже хорошим шоссе, т. к. и эта часть пустыни застроена домами, сливая таким образом все предместья Каира в одно целое.

Там нашли уже несколько арабских и коптских семейств, расположившихся у источника, вблизи древа Пресвятой Богородицы, в тени других развесистых смоковниц.

Перед ними на скатертях и салфетках, всякая простая снедь и зелень, пористые прохлаждающие кувшины с водой из благословенного источника; на лицах довольство и умиротворение, и желание услужить и объяснить, хотя довольно неверно, но от всего сердца.

У древних авторов, местность, в которой находится древо Пресвятой Богородицы и источник при нем называется то Матарией (Мэрми), то Гелиополисом.

Принимая во внимание близость обелиска, Матария была одним из предместий древнего Мелиополиса.

Новый, современный Гелиополис построен более пятидесяти лет тому назад, на девственном песке пустыни. За все годы, что мы прожили здесь, при постройках домов, часто очень значительных, никогда ничего не обнаруживалось в земле. И только в прошлом году, рабочие, копаясь на ипподроме, недалеко от нашего дома, нашли в земле шесть лежащих золотых статуй, очевидно намеренно положенных и скрытых там в стороне от древнего Гелиополиса.

Древний Гелиополис (On древних египтян), как от центра расходился от Храма и обелисков при нем. Во времена пророка Иеремии он назывался Бет-Шемс (Beth-Schems) — дом солнца; а потом стал называться Айн-Шемс (Aïn-Schems) — источник солнца; другая

часть предместья в противоположную сторону от Матарии и теперь носит это название.

В книге пророка Исаии в пророчестве о Египте (гл. 19, ст. 1 и 18) говорится: "Вот Господь восседит на облаке легком и грядет в Египет и потрясутся от лица Его идолы Египетские"... " В тот день будет пять городов в земле Египетской... один назовется городом солнца"...

Древне-египетское название Гелиополиса было "Он" (колонна), а его священное имя было Пи-Ра (Pi-Ra) — обиталище солнца, жилище солнца, которому был посвящен огромный храм города. Отсюда греческое название — Гелиополис.

"Он" был центром древне-египетского знания и премудрости. Его школы вокруг храма были знамениты далеко за пределами Египта.

В жреческой премудрости не было знаний вне религии: все соприкасалось с религией, исходило из нее и приводило к ней.

На первом месте была астрономия; математика связывала и астрономию и архитектуру — науку, достигшую большого и глубокого расцвета, выразившуюся в постройках "вечных" жилищ богам и умершим: храмов и пирамид.

Медицина была тоже, может быть, не столько к услугам живых в их эфемерном и временном существовании, сколько для обработки жилища для души — мумии. С искусством бальзамирования связывалась химия.

В большом почете была философия и все эти отрасли наук и искусств, связывались между собой, исходили из одного корня и стремились к одной цели.

Узкой специальности не было, все жрецы и их последователи были всесторонне образованы, может быть, различаясь только в степени своих знаний.

Здесь обучались и воспитывались сыновья фараонов, подготовляясь к правлению.

Здесь Платон почерпал и дополнял свои обширные знания; Солон приготовлял свои законы.

Мы знаем, что Иосиф Прекрасный был женат на дочери главного жреца храма Гелиополиса.

Моисей, которого Священное Писание называет учеником Египта, получил свои высшие и сокровенные знания, повидимому, тоже в Гелиополисе. Он был "за сына" у дочери фараона и знания его были велики.

По словам Геродота в Гелиопольском храме на алтаре каждые пятьсот лет сжигала сама себя птица феникс, чтобы на третий день возродиться из своего пепла, так рассказывали Геродоту жрецы, подводя его к прообразу смерти и воскресения Христа: жреческие познания были глубоки и в их сокровенной религии приводили их к признанию единобожия и, может быть, знанию пророчеств о грядущем Христе.

В Мемфисе процветал культ быка Аписа, тогда как в Гелиополисе подобным же божеством был телец Мневис (Mnévis). И не выходцы ли из Гелиополиса, где в древности была огромная еврейская колония, понудили Аарона воздвигнуть им золотого тельца у подножия Синая?

Моисей, который прекрасно был знаком с этим культом, в гневе разбил и стер в порошок идола, ограждая свой жестоковыйный народ от возвращения к прошлому, заимствованному у хозяев страны.

Внутри громадного храма Гелиополиса располагались школы, обширные жилища жрецов, учеников.

Ныне стоящий обелиск — один, уцелевший из двух, стоявших у входа в храм, а дальше тянулись менее высокие обелиски, образуя великолепную аллею, продолженную дальше двумя рядами сфинксов до самых западных ворот города.

"Столбы его будут сокрушены"... говорит пророк о Египте.

Персидский царь Камбиз огнем и мечем прошелся по Гелиополису. Обелиски большей частью упали и разбились. Из уцелевших, четыре еще в древности были увезены в Рим; один в Константинополь; "иглы Клеопатры", увезенные позже один в Лондон, другой в Америку — тоже из Гелиополиса.

Обелиск Матарии единственный, который стоит в Нижнем и Среднем Египте; чтобы видеть другие три обелиска Египта, оставшиеся стоять, нужно подняться вверх по Нилу в Фивы (Люксор и Карнак).

И так будет жаль, если пожелания, давно уже поступающие в правительство Египта, будут приняты во внимание: перенести Матарийский обелиск в центр Каира, "как красуются наши обелиски в чужих столицах и... для удобства туристов".

Ведь сейчас единственно этим обелиском, с исторической точки зрения, обозначается местонахождение знаменитейших древних колледжей, а для нас, христиан, важно другое — Сама Пречистая взирала и может быть ориентировалась в новом месте, по этой игле, уходящей ввысь.

Матарийский, т. е. Гелиопольский обелиск — самый древний в Египте. Считается, что ему 5.000 лет. Он весь покрыт иероглифами, его четыре грани точно расположены по странам света (мы любили наблюдать, как в момент захода солнца резко освещена его западная грань); вершина обелиска свободна от иероглифов, так как она была покрыта блестящими отполированными листами меди (а может быть золота), чтобы собирать лучи Бога Ра в его жилище. Высотою он в 21 метр, причем, два метра ниже теперешнего уровня почвы, в углублении, наполненном подпочвенной нильской водой. Подземная часть — блок, на котором стоит обелиск, более двух метров высотой.

Араб, добровольный сторож места, за лишний пиастр бакшиша или папиросу, охотно увеличивает подземную часть обелиска до десяти метров.

Подземная часть обелиска и часть его, покрытая водой, дают драгоценные сведения о поднятии почвы Египта за истекшие тысячелетия.

Все окружено невысокой железной оградкой и для предохранения монумента и... посетителей, которые иначе легко могут свалиться в воду, которая переливается всеми цветами радуги от керосина, пущенного туда от комаров.

А кругом зеленые поля злаков и овощей, хатки феллахов и более приличные дома; развесистые смоковницы среди других деревьев и никаких других признаков древности, хотя в земле лежат, вероятно, богатые исторические документы, которые ждут своего времени.

В самом начале христианской эры, Гелиополис был, по свидетельству древних путешественников, полуразрушен; школы не существовали; жилища жрецов стояли пустыми; запустевший храм обслуживался одиночными и чуть ли не невежественными жрецами; кругом опустошение, где потом, под мотыкой феллаха исчезли последние признаки высокой и гордой культуры.

Живя в Египте, поневоле видишь массу памятников древности. При желании иногда посещаешь лекции и конференции по египтологии. Где-где, а здесь легче всего достать по этому вопросу книги и научно-популярные и достаточно научные с ясностью изложенные; всюду вокруг себя видишь подтверждения гипотез и раскрытых учеными тайн, извлеченных из папирусов, камней, остатков построек, статуй, украшений и прочего.

А дешевый романтический вздор, которым авторы, не зная Египта, расшивают по фантастической канве псевдо-египтологии, еще более фантастические узоры не имеют значения.

Но зато, если встретишь описание фантастической, но живой сценки, вроде той, как в высшей степени способный и волевой ученик жрецов, молодой Моисей, на берегу канала недалеко от храма и школы "Он", посвящается жрецом в умение владеть законами природы — умение, граничащее с совершением чудес, — не принимаешь такого описания за неправдоподобную фантазию.

Недалеко от обелиска и теперь протекает канал Измаилие. Он прорыт при Измаиле Паше феллахами (египетские крестьяне) в порядке государственной повинности и на собственных харчах, которые состояли из лука и чеснока — самые изобильные и дешевые продукты Египта во все времена.

Канал Измаилие идет от Нила к Суэцкому каналу, на берегу которого он разветвляется и идет вверх к Порт-Саиду и вниз к Суэцу параллельно и совсем рядом с Суэцким каналом.

Своей пресной нильской водой канал Измаилие снабжает и орошает большое пространство Египта и до сих пор является незаменимым путем сообщения между провинциями, особенно для перевозки грузов.

Древний Египет, который стоял не на более низкой степени искусства орошения, имел между другими каналами и канал фараона Sisostrisa, идущий приблизительно в том же направлении, как и канал Измаилие от Нила к... Суэцкому каналу, т. к. всем известно, что Фердинанд де Лессепс пришел к мысли о прорытии канала из Средиземного моря в Красное, исходя из факта существования такового при фараонах, который шел тоже приблизительно в том же направлении.

На закате истории страны и культуры фараонов и большой их морской канал был... разрушен? засыпан? врагами? самими? во всяком случае, природа деятельно помогала потом засыпать песком и сравнять с уровнем пустыни дело рук человеческих...

Но, "да сбудется реченное Господом через пророка", который говорит: "Из Египта воззвал Я Сына Моего" (Осия XI, 1).

И поэтому Иосиф "встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет. И был там до смерти Ирода..." (Матф. II, 14-15), после чего он возвратился с Младенцем и Матерью Его в землю Израильскую, так как добровольная миссия Сына Божия была предначертана от века.

В подтверждение пророчества Исаии существует древняя традиция, что идолы Гелиопольского храма попадали, при прибытии Младенца Христа в этот город.

Еврейский апокриф апостольских времен, переведенный Св. Иеремией на латинский язык, тоже упоминает о том, как 365 идолов при приближении Младенца Христа попадали лицом на землю и разбились.

Правитель города Гелиополиса Афродизий явился в храм с войском и офицерами. Когда он увидел повергнутые и разбитые статуи, лицом к земле, он приблизился к Пресвятой Деве и Младенцу и поклонился Ему, объявив своим солдатам, что если бы этот Младенец не был Богом, их боги не распростерлись бы перед Ним.

По словам древних авторов, Афродизий был юн, хотя и взыскан, когда Господь наш входил в Гелиополис. По смерти Христа он принял христианство и был рукоположен во епископы Сергием Павлом, бывшим римским проконсулом в Пафосе на острове Кипре, об обращении которого в христианство Апостолом Павлом мы знаем из Деяний Апостольских.

В католическом храме, стоящем вблизи древа Пресвятой Богородицы, на стенах шесть прекрасных фресок по три с каждой стороны.

Вот в Вифлееме избиваются младенцы. Один полуобнаженный воин, упитанный и мощный, но сам еще мальчишка, мечем рассекает дитя. Другой отнимает у матери.

Рядом фреска: довольно обширная комната; лежат плотничьи инструменты; в переднем покойном углу почивает Богоматерь с Младенцем. У двери, с скромного деревянного ложа встает Иосиф, разбуженный Ангелом, и выслушивает его приказание.

Ангел написан изумительно: где взял художник эти краски, похожие на свет и лучи? Очертания и фигура Ангела определенны и ясны, но через него, как через воздух, видна вся часть комнаты, находящаяся за ним.

Иосиф подчиняется приказанию Посланца и бежит во Египет.

На третьей фреске Св. Семейство приближается к полуразрушенному и опустевшему Гелиополису. Пречистая Дева с Младенцем в объятиях восседает на осляти, которого ведет за повод Иосиф Обручник. На некоторых русских иконах бывало добавление: Иосиф ведет и бычка на веревке, как объясняли нам батюшки

в детстве — чтобы продать в чужой стране и иметь на пропитание на первое время.

На второй стене первая фреска: Богоматерь с Младенцем сидит отдыхает на сфинксе; вокруг реют белые голуби; Иосиф хлопочет около.

Пятая фреска: Св. Семейство подходит к храму, который, повидимому сотрясается: колонны подламываются, падают; стены, двери рушатся; идолы повержены в прах: тут и сфинкс без головы; голова тельца на земле в куче других обломков...

На шестой фреске усталое Семейство, измученное переходами по пустыням и впечатлениями при входе в идолопоклоннический город, расположилось в укромном углу под смоковницей на отдых. Тут же на траве пасется довольный ослик.

Мы купили копии этих прекрасных фресок. Но... на фреске дерево изображено таким, каким оно было только пятьдесят лет тому назад во время постройки церкви: оно не развесистое и уже очень старое, с двойным мощным стволом и с очень небольшой зеленью наверху.

В настоящий момент дерево имеет почти тот же вид, только оно несравненно зеленее, хотя его кроне далеко до развесистых шатров близ растущих других смоковниц.

Уже со второго века христианской эры идет прочная всеобщая традиция, что под этим деревом отдыхало, а может быть, прожило некоторое время Святое Семейство, придя в Египет.

Одна из легенд говорит, что когда злоумышленники преследовали Св. Семейство, ствол дерева раскрылся, предоставив Им убежище и скрыв от преследователей.

Между прочим, в Старом Каире (часть Каира), в бойком месте, на берегу рукава Нила есть целая аллея громадных баобабов в расщепленных, заросших перевившимися лианами нижних частях стволов которых, находят себе убежище и ночевку бесприютные.

Младенец Христос, чтобы избавить Свою Мать от необходимости ходить далеко за водой, явил вблизи

дерева источник чистой и холодной воды, которая потом в века считалась освященной Христом, Которого купала там Мать, и даже целебной.

В первом веке, когда св. Евангелист Марк проповедывал в Египте Евангелие Христа, копты построили большую церковь вблизи дерева и источника, отмеченных традицией.

От древних пилигримов и писателей остались описания дерева и источника.

Многие пилигримы считали маршрут свой невыполненным, если они по дороге из Палестины или Синая не побывали в Матарии.

Сарацины и Египетские Калифы охраняли место, считая его благословенным и воду полезной. Вокруг дерева и на месте древней церкви был культивирован бальзамовый сад, которым арабские правители, падкие на ароматические курения и масла, очень дорожили.

Теперь от этого сада осталось воспоминание в виде названия одной из улиц, ведущих от вокзала Матарии к дереву — Бальзамовая улица; дальше видим улицу "Колодца Ситти Мариам" (Девы Марии).

Но главная улица от самого вокзала и до дерева — "Улица Древа Марии".

Я сиживала под этим деревом более четверти века тому назад. Тогда вокруг него была тишина и спокойствие и настоящий зеленый пустырь среди окружающих садов: поскрипывает где-то сакия, пасутся на траве ослики, наверху, наперебой, гомонит пернатое население.

Чувствовалось, что лучшего места отдохновения, чем под этим деревом Путникам и не надо было искать. На месте, освященном присутствием Св. Семейства, все располагало к размышлению и молитве.

Теперь дерево огорожено каменной стеной, не столько для предохранения, сколько от взглядов безбилетных. Место вокруг дерева усыпано песком, заставлено цветочными горшками — словом, приукрашено, чем нарушена его прежняя атмосфера естественности и укромности.

А если прибавить надоедливые крики и нелепые

объяснения, вручающих билеты, то приходится пожалеть о "цивилизации" места.

Дерево относится к породе сикомор — "Фикус Сикоморус", а по-арабски — Гимыз — дикая смоковница. Плоды ее отличаются видом и вкусом от обыкновенных смокв; они совсем круглые, даже несколько сдавленные, несколько полые внутри, розоватые, водянистые, но в жару очень освежающие.

Древо Богородицы еще и до сих пор приносит плоды, которые в сезон — летом и осенью можно купить.

Ствол дерева очень старый, раздвоенный, причем одна часть сильно пригнута к земле. Мы приобрели веточку с листьями и куски коры на память.

В нескольких метрах от дерева источник воды. Теперь он, однако, подземный и вода гонится из глубины моторной помпой, вместо наливного колеса, вращаемого быками (сакия), как было еще в недавние времена.

Вода прекрасная: чистая, холодная, прозрачная, вкусная — гонится в небольшой цементный водоем (прекрасного мраморного бассейна сарацин и в помине нет), а оттуда идет ручьем по саду.

Так хорошо напиться пригоршней из каменного водоема, обмыть обожженное солнцем лицо и верить, что в воде этого источника Богоматерь купала Своего Сына и все Они пили из него.

Между тем, как везде здесь в наших местах — частях бывшей пустыни, вода, если она не нильская, проведенная по трубам, то она жестка, насыщена и невкусна.

В церквах нашего Гелиополиса и окрестностей можно видеть среди росписи стен: Матарийское дерево, разделенное в виде удобного сиденья, на котором восседает Богоматерь с Младенцем; у ног Их разостлана салфетка с припасами еды; поблизости св. Иосиф набирает в кувшин воду из источника, в сторону которого Младенец Христос простирает Свою маленькую ручку.

И в этот день Sham-el-Nassim'а обстановка под другими развесистыми смоковницами вокруг ручья, с отдыхающими и празднующими вокруг своей снеди семействами, была поразительно похожа на то, что было здесь почти 2.000 лет тому назад и что запечатлено в церковной живописи.

Пасха 30.IV.1951 г. Гелиополис.

2. Церковь Владычицы в деревне Мостòрод.

В Египте имеется несколько пунктов, освященных пребыванием Св. Семейства, твердые традиции о которых идут от самых первых христиан на местах.

В конце лета 1945 года мы возвращались из первого своего паломничества в Св. Землю на автомобиле. Начиная от самого вы̀езда из Вифлеема, с его обильным источником при выезде на дорогу, мы, четверо взрослых людей, останавливались у каждой воды при дороге: напиться, освежить лицо и руки, облить водой перегревшиеся части машины, размять кости, купить арбуз у сторожа бахчи...

А когда едут на ослике, а Праведный Иосиф идет пешком, медленно и с Младенцем, да еще с необходимостью укрываться, то естественно было останавливаться во всяком подходящем месте при источнике.

Наш путь не совсем совпадал с путем Св. Семейства. Они вошли в Египет севернее, мы же мчались местами, где блуждали пустыней евреи, ведомые Моисеем.

Гораздо позже побывали мы на другой, по маршруту Св. Семейства более ранней, остановке Их, — в церкви В л а д ы ч и ц ы — Адра*) — самое любимое наименование Пресвятой Богородицы у коптов, в деревне Мостòрод.

Это от Матарии и древа Богородицы по шоссе, ведущему к Порт-Саиду, потом направо по каналу Измаилие — всего от Матарии четыре километра, которые мы легко и с удовольствием прошли пешком.

---

*) HADRA, произносится Адра — Владычица.

Успели к началу обедни. Было воскресенье. Молодой священник-копт, в алтаре перед престолом исповедывал (только мужчин) перед самым причастием; старых довольно быстро, а молодых долго и, повидимому, основательно, задавая вопросы.

Причащались отдельно Тела Христова, а потом Крови, по три раза, обходя каждый раз вокруг престола. Потом запивали теплотой.

А в Старом Каире, в старинных коптских церквах я видела, как причащали и женщин — из боковых дверей алтаря.

После обедни осматривали церковь. Старинный тысячелетний большой образ Богоматери с Младенцем. И самой церкви тысяча лет. Образ уже попорчен временем, но различим.

Внизу, как погреб — место пещеры, где скрывалось и отдыхало Св. Семейство, и здесь же колодезь, из которого Они брали воду, чтобы пить, купать Младенца, и Пречистая Дева здесь стирала Его пеленки.

В прежние времена летний праздник Владычицы копты Мостброда начинали у себя накануне, проводили ночь в этой церкви, и утром после обедни все шли к дереву Пресвятой Богородицы в Матарию, где в веселии и радости заканчивали праздник.

23 мая 1954 г.

3. Убежище Св. Семейства в Старом Каире.

Отдохнувшие Путники продолжали свой путь до тогдашней столицы Египта и в современном "Старом Каире", в старинных его кварталах находится первая христианская церковь в Египте св. Сергия, построенная над жилищем Св. Семейства.

Дорога к этой церкви замечательная по своим впечатлениям. С трамвая приходится пробираться узенькой грязной улочкой, куда не проникает солнце, где нужно остерегаться грязных луж и выплескиваемых помоев; где отвратительные запахи из раскрытых дверей душат и дурманят вас.

И вдруг, в конце улочки, за полотном железной дороги, как вожделенный конец пути, вы видите прекрасный греческий собор св. Вмч. Георгия Победоносца, возвышающийся своим византийским куполом, увенчанным крестом, над всей окружающей местностью, находясь выше современной улицы.

И рядом, гораздо ниже этой улицы, проходящий в десятке шагов от железной дороги и всего остального города с его обширными предместьями — другой мир.

Вы можете ходить около него, искать и не видеть его под ногами, пока вас не подведут к лестнице в начале улочки, ведущей в обширный старый квартал, обнесенный стенами времен римлян.

На ночь улочка запирается от всего остального мира тяжелой, обитой железом дверью тоже Римской эпохи и весь большой квартал, нагроможденный многоэтажными домишками, живет своей жизнью, которая мало изменилась за 2.000 лет.

Днем, с шоссе современной верхней улицы вы спускаетесь по десяти ступеням каменной лестницы в старую улочку-траншею, которая дальше, в свою очередь, разветвляется на меньшие улочки — проходы и тупички.

Столетняя привратница с огромным деревянным "ключем" в руках, которым запирается дверь улочки на ночь, бежит за вами требуя "бакшиш" — глаз у нее наметан, она сразу отличает посторонних посетителей от постоянных богомольцев храма св. Сергия и нескольких маленьких церковок здесь.

Чтобы попасть в церковь св. Сергия, находящуюся в конце улочки, надо спуститься еще несколько ступенек. Священник ее — копт, с удовольствием рассказывает о своей церкви.

Здесь интересное явление, что сан священника наследственный в его семье: с незапамятных времен его предки были здесь священниками и он передаст свой приход своему сыну.

Святое Семейство, укрывшись в Египте, поселилось здесь у своих родственников.

Внизу под алтарем находится пещера, в которую надо спуститься по ступенькам — это место самого жилища — две комнатки; в одной устроена как бы часовенка; в другой — цеметный водоем, где Пресвятая Матерь купала Младенца Христа *). Нужно постараться остаться одним в этом святом уголке, чтобы сосредоточиться на своих чувствах.

Во время поднятия воды в Ниле все нижнее помещение заливается подпочвенной водой (ведь Нил отсюда — рукой подать) и ходить приходится по настилу из досок, но бывает, и совсем невозможно спуститься вниз.

Наверху церковь продолговатой формы (стиля базилики, как все коптские церкви), с деревянным потолком, скрепы которого не имеют ни одного гвоздя; с колоннами, одиннадцать из которых мраморные и на них написаны образа одиннадцати апостолов, а двенадцатая — гранитная, представляет Иуду и без всякого образа.

По словам священника — это первая христианская церковь в Египте. Древние христиане собирались сюда для молитвы и даже сам Евангелист Марк, который проповедывал христианство в Египте в первом веке, совершал здесь литургию. А потом была воздвигнута эта церковь, которой не менее 1.500 лет.

Упомянет священник и о Русском Императоре Николае II, посетившем эту церковь и благодушно посоветует посмотреть историческую еврейскую синагогу, которая совсем почти рядом.

Не только во времена Христа, но еще во времена Моисея эти места были еврейскими кварталами.

Роскошная синагога Бен-Езры, обновленная еврейским миллионером, вся изукрашена художественными арабесками и артистической резьбой по дереву.

Посредине синагоги под мраморным укрытием находится плита, на которой молился Моисей перед исходом.

---

*) Не надо забывать, что в этой стране с жарким климатом, по возможности ежедневное купанье и взрослых, и детей необходимо во всех слоях населения.

Любезный и очень сведущий смотритель синагоги показал нам свитки Писания чуть ли не от Аарона.

Объяснил, что в противоположность принятому мнению, с Моисеем покинули Египет далеко не все евреи. Кто был побогаче и хорошо устроен, остались.

В таком случае Моисею, действительно надо было слезно молиться перед исходом.

Не мог не знать он, что не только очень многие из избранного народа не оставят насиженных мест ради идеи своего отечества и религии, но и вышедшие с ним будут попрекать его, вспоминая "котлы полные мяса и хлеб, который они ели досыта в Египте". (Исход XVI, 3).

Описывая места, освященные пребыванием Св. Семейства, я придерживаюсь хронологии так, как узнавала в данных местах.

4. "Висящая церковь" в Египетском Вавилоне.

В Старом Каире, бывшем столицей Египта под римлянами, находится сосредоточение коптских церквей, начавших воздвигаться после объявления христианской религии государственной, хотя многие из них были перестроены или обращены в мечети при арабском владычестве.

По внешнему устройству и отделке, самая замечательная из них — церковь Эль-Моалляка.

Несмотря на то, что многое из нее взято в Коптский музей, находящийся рядом, она и теперь представляет собою своего рода драгоценный музей древности, который следовало бы весь прикрыть стеклянным колпаком для сохранения и любования.

Но в ней, слава Богу, происходят регулярные церковные службы.

Церковь Эль-Моалляка (по-арабски) — "Висящая" церковь, или вернее, "подвешенная" церковь, так как построена она между двумя бастионами крепости кампа Вавилонских солдат, бывшего в этом месте во времена римского владычества, и возвышается на двенадцать метров над уровнем земли.

Время ее постройки относят к IV веку. Коптское искусство здесь проявилось полнее, чем в других церквах: стены, перегородки, двери, ширмы из резного кедра с инкрустацией из слоновой кости, перламутра и черного дерева; древние иконы хорошо написаны, и, конечно, прекрасные, хотя и очень старинные иконы своего апостола — Евангелиста Марка. Есть икона Иисуса Христа с некоторыми Его учениками, относящаяся к IV или V веку.

Икона Пресвятой Богородицы с Младенцем, где лики египетского типа с миндалевидными очами, а на головах Их Византийские короны.

И здесь, как вообще в коптских церквах, на стенах иконы с изображениями святых, умученных в Египте при Римских императорах-гонителях.

Статуи в коптских церквах не допускаются. Все в этой церкви замечательно и художественно: колонны, кафедра тонкой работы тоже на колоннах.

Интересны и характерны для коптского искусства уже самые ворота, выходящие на улицу; внутренний дворик; лестница наверх в церковь; вестибюль; кое-какие следы крепости и остатки двух бастионов.

Внутри церкви, в одной из часовенок, стоящей на фундаменте римского бастиона, находится некоторого рода анахронизм: большая цилиндрическая крестильная купель V века, сделанная из целого куска мрамора, внешняя сторона которой покрыта рисунком, заимствованным из иероглифов и обозначающим воду — значение волнообразных линий, покрывающих купель сразу бросается в глаза человеку, несколько знакомому с этими символами.

Мне посчастливилось быть в "Висящей церкви" и вне церковной службы, когда для меня освещали церковь и по частям, и всю, и я могла видеть замечательный и совершенно оригинальный эффект света, пронизывающего эти ажурные художественные цветные перегородки и ширмы, отделяющие части церкви.

Когда мы читаем Соборное послание Ап. Петра в Малую Азию и ближайшие к ним области:

"Приветствует вас... церковь в Вавилоне и Марк

сын мой“ (1 Петра, гл. V, ст. 13), то это и надо понимать, что кроме Евангелиста Марка, проповедывавшего в Египте, здесь недолго был и Ап. Петр, именно, вот здесь, на месте ”Висящей церкви“, где он и написал это послание, так как Вавилон Месопотамии в то время уже не существовал, а пал, сокрушенный несколько веков до того.

В наших паломничествах к святыням Египта, все образованные священники-копты, узнавая, что мы русские, становились особеано внимательны к нам, уверяя, что их литургия почти совершенно сходится по порядку и значению с нашей и греческой.

И это правда, как мы могли наблюдать. А о своем монофизитстве они так учено и деликатно объясняют, что как будто и они верят так же, как и мы во Христа и **вочеловечшегося.**

А долгие наблюдения о том, как религиозные коптские семьи проводят Страстную Пятницу (конечно, всегда совпадающую с нашей) — день физической смерти Господа Иисуса Христа, не вкушая ничего или что-нибудь, приготовленное на воде, а вечером все в церквах, то не вникая в противоречия чувств верующих и их теологов, мы можем сказать — слава Богу, что мы — православные!

(Довольно частые посещения до 1954 г).

5. Группа коптских церквей в Старом Каире.

В старом же Каире, но несколько в стороне от описанных церквей, есть целый квартал, обнесенный стенами, на подобие крепости, и заключающий в себе три коптских церкви. Этот квартал, населенный и теперь исключительно коптами, существует еще с тех времен, когда египетским христианам приходилось за стенами укрываться от завоевателей арабов и защищать свои святыни.

Одна из этих церквей Абу-Сайфане, умученного при Юлиане Отступнике, в которую нужно спускаться по лестнице, т. к. она ниже уровня двора крепости, по-

строена в VI веке, но претерпела поправки и подновления, хотя внутренний вид ее остался прежним: форма базилики, деревянный потолок (может быть, из кедра), с деревянными же стропилами; колонны есть первоначальные, но есть и более поздние, тоже очень старые; очень старые иконы на стенах; всюду резная работа по дереву.

К одной из колонн прикреплена старая, несколько изъеденная доска с надписью начала XI века.

Другая церковь, стоящая рядом, но ближе к выходу за стену, несколько моложе, но подобна первой по форме, резной работе по кедру, обилию украшений из слоновой кости.

Но церкви эти имеют вид несколько запущенный, может быть, потому, что уж очень стары они.

Дальше вглубь этого оригинального закрытого квартала, между домами, сплошь населенными коптскими семействами, третья церковка, небольшая и совсем молодая — ей только 800 лет, во имя Пресвятой Владычицы Богородицы. Она чище, уютнее; иконы тоже старинные, но главный образ — Пресвятая Богородица с Младенцем, повидимому, довольно новый — очень хорошо написан, но лик Богоматери — идеальный тип коптской женщины.

Сколько мне приходилось видеть икон в церквах многих христианских исповеданий, и я всегда бывала рада убедиться, что лики на наших русских иконах и византийских — выше национальности и вне земных идеалов.

Помимо этих упомянутых церквей, есть здесь еще несколько коптских церквей и между ними почитаемая св. Вчм. Варвары с частицей ее мощей.

А по всему Каиру и окрестностям, между стройными минаретами мечетей, высятся характерные куполки и колоколенки коптских церквей; византийские купола греческих, готические иглы, и множество церквей других христианских исповеданий.

Только теперь, сравнивая, я особенно ясно вижу действительную современную терпимость Египетского ислама к другим исповеданиям. 1955 г.

6. Монастырь св. Великомученика Георгия Победоносца в Старом Каире.

Самый чтимый из греческих храмов Каира — собор св. В-мчка Георгия Победоносца в Старом Каире при монастыре того же имени.

На праздник св. Георгия, 23 апреля, сюда стекаются богомольцы не только Каира-Александрии, но и из провинций.

Идут и католики, идут и мусульмане. 23 апреля старого стиля богомольцы не многочисленны, но тоже идут и едут поклониться Великомученику и Победоносцу.

Храм св. Георгия, доминирующий над всей, прилегающей к нему окрестностью, очень интересный: как и несколько других ближайших к нему церквей, он возник на месте древней римской крепости, стоявшей здесь.

Здание собора вмещает в себе четыре этажа. В глубине земли — основание бастиона римской крепости: круглой формы, с глубоким колодцем в центре; часть колонн в стенах бастиона старинных, а часть новых, для поддержки и укрепления старины; здесь же много предметов старины, извлеченных из земли при раскопках для постройки.

Кругом центра другие комнаты — считается, что это бывшие тюрьмы (с кольцами для цепей в стенах).

В одной из этих темных комнат сейчас часовня Рождества Христова.

Часть стен в этих местах новая, а часть — подновленная; местами же старая, очень старая стена, в которой небольшие камни как бы спеклись между собою.

Весь этот нижний, подземный этаж лежит на четырнадцать метров ниже обычного уровня Нила.

Во время поднятия Нила нижний этаж — бастион, тюрьмы, часовенка — наполняются подземной водой; (из часовни еще заранее все выносят).

Держится там вода месяца три и более, в зависимости от продолжительности половодия Нила; август, сентябрь, октябрь, а иногда и до января.

Потом вода уходит, все просыхает.

Когда основание собора было частью крепости, то в тюрьмах-камерах дверей не было, а пленных и "преступников" (может быть, христиан) спускали сверху через потолок и во время разлития Нила, так их там и оставляли... И благословенна идея Игумена монастыря Архимандрита Агафангела соорудить среди этих камер часовню, и над ними, в следующем, втором этаже, несколько часовенок. Их много там, этих часовенок с хорошими иконами, уютных, чистых, стараниями отца Агафангела (с русским образованием и говорящего по-русски) оборудованных.

Третий этаж — музей: комната патриарших облачений и митр; несколько часовенок с старинными иконами, собранными отовсюду в Египте; одна комната — усыпальница Александрийских патриархов: на полках небольшие мраморные ящики с надписями имен и годов.

Сначала патриархов погребают обычно, а по прошествии известного срока, останки переносят сюда. Всего десять мраморных ящиков, из которых семь с останками, а три пустых, приготовленных.

Помолилась перед останками Патриарха Фотия, который был так добр и приветлив с русскими беженцами, когда мы, раненые и больные, появились в Александрии.

Это был последний Патриарх Александрийский, который любил и хорошо знал Россию и русский народ. Разговаривал он с нами на руссифицированном славянском языке, который изучил в пу́стыни по параллельной греческой и церковно-славянской Библии.

С печалью постояла перед ящичком Патриарха Мелетия, позволившего себя убедить принять новый стиль для церкви Александрийской (для Египта). И что от его убеждений и вожделений осталось? — мраморный ящичек с костями.

Четвертый этаж собора — храм во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия. В нем, при входе,

под особой сенью святыня храма — большой, очень чтимый серебряный образ Великомученика.

Храм обширный, со многими хорошими иконами — почти вся история греческой церкви проходит здесь в образах. И все это совсем новое: и сам собор, и его оборудование — смысл и цель жизни о. Агафангела.

В центре храма, под стеклянной покрышкой начало воздушного колодца, идущего через все этажи до центра бастиона крепости в земле, где упомянутый древний колодец с водой.

А невдалеке, напротив собора св. Георгия Победоносца, на другом берегу рукава Нила, находится знаменитый Нилометр, который и по сие время занимает то самое место, где он был и во времена Моисея и где, по преданию, Моисей был спасен из воды дочерью фараона.

Там и теперь производятся измерения уровня воды в Ниле, которые бывают особенно животрепещущи и важны во время поднятия воды.

А по легенде, на месте между собором св. Великомученика Георгия Победоносца и Вавилонской "Висящей" церкви (между которыми небольшое расстояние), в виду берегов Нила произошло побоище, в котором бог светлого начала древних египтян Горус сокрушил своего врага Сета, — олицетворение темных сил и зла.

На праздник Великомученика стекаются тысячи богомольцев, крепко верующих в помощь Победоносца и по вере притекающих, и до сих пор бывают поразительные исцеления.

Конечно, восточная толпа и здесь проявляет себя и происходит много тяжелого и соблазнительного, но никого это не пугает и не останавливает.

А несколько лет тому назад (в правление короля Фарука), в самый разгар политической пропаганды, волнений и взрывов в Каире, под праздник Георгия Победоносца, была подложена бомба в одном из нижних этажей собора. Стечение богомольцев было колоссальное, катастрофа могла быть страшная.

Но накануне, в один из караколов города (полицейский участок), явился молодой человек и предупредил о бомбе, прося пойти проверить и вынести ее.

"Как тебя зовут?" — спросили в участке предупредившего.

"Гиргис" (Георгий).

Был ли это пришедший в чувство, один из участников предполагавшегося террористического акта?

Был ли он вразумлен своим, проснувшимся в душе человеческим чувством? или своим Покровителем святым Георгием?

Когда в караколе хотели обратиться к нему еще с расспросами о подробностях, он исчез на глазах допрашивающих и присутствующих.

Однако, власти встревожились, бросились проверять предупреждение, нашли бомбу и вынесли ее.

Случай был описан в газетах; подчеркивалось странное исчезновение Гиргиса.

Ускользнул ли он от полицейской процедуры? Но народная молва всего города была свято уверена: — "Сам Мара Гиргис (Святой Георгий) приходил предупредить и спасти от гибели и святой храм, покровителем которого он является, и, может быть, тысячи и тысячи невинных людей".

Празднование дня св. Георгия в том году было особенно торжественно.

При этом монастыре, почти без монахов, находится обширное и богатое греческое кладбище, единственное на весь Каир и его окрестности. И там, в склепе, под русской часовней сложили свои кости многие русские, не дождавшиеся родной земли.

А когда русские бездомные беженцы только появились в Каире, на стене монастыря еще была надпись о посещении его Русским Императором Николаем II, (если не ошибаюсь, в бытность Его Наследником престола).

И это не удивительно, раз Он был в церкви-убежище Св. Семейства, находящейся снизу, под стеной монастыря Св. Георгия.

III. СЛЕДЫ ДРЕВНЕГО ХРИСТИАНСТВА В АЛЕКСАНДРИИ

Июнь 1951 г.

1. Дорога.

Пути от Каира в Александрию напрямик автобусом через пустыню — 4 часа.

Кто предпочитает поездку поездом — более быструю и менее монотонную, а кто находит прелесть и в поездка по пустыне.

При выезде из Каира промелькнули пирамиды Гизы. Большая пирамида, как всегда, производит то же, неожиданное впечатление — будто больше не выдерживает своих сорока веков и осела на одно ребро — определенно кажется покривившейся. Но это трюк неровной местности, поднимающейся в одну сторону.

Вдали мерещат Саккарские пирамиды (а не Сахарские, как их ошибочно часто называют). Они на обширном, ровном каменном плато и сами кажутся такими же серыми и поношенными, как окружающие их пески.

Если Гизехские пирамиды — древность, то Саккарские — еще более седая древность.

Пустыня между Каиром и Александрией типична: пески, сухой воздух и . . . ветерок. А в Каире, по газете, сегодня опять будет 40° — дома, среди каменных громад, совсем нечем будет дышать.

По сторонам дороги довольно часто попадаются "Memento more!" (помни о смерти!) в виде разбитых поржавевших, а иногда еще и свежих автомобильных каркасов.

Вдали на асфальте дороги и по сторонам ее начинают голубеть и поблескивать под солнцем болотца и целые озерки; при приближении они исчезают — мираж.

А там, в стороне, на обширной низине тоже что-то мерещится. Песчаные дюны? Холмики? Крепости?

Нет, из серых песков пустыни поднимаются такие же серые стены и над ними даже темные точки — зелень!

Это Вади Натрун — Нитрийская долина — пустыня великих подвижников христианства. Селитровая, Соляная долина, откуда со времен фараонов и до сего дня добывается наша столовая соль и селитра, может быть, еще какие привходящие продукты.

Долина, скорее, низина — дно бывшего озера, пожалуй, моря, доходившего сюда от Александрии. И теперь здесь соляные озерки и болота, а в начале христианской эры эта часть пустыни была отрезана топями и защищена ими от всего остального мира.

Здесь возникли монастыри, укрывавшиеся от преследований, кипела духовная жизнь и возникали, трудами рук монашеских, настоящие живые оазисы.

И теперь, здесь еще теплится эта духовная жизнь. Уже с дороги можно заметить все четыре монастыря, оставшиеся в этой пустыне: св. Ефрема Сирина, рядом — св. Бишуя и в двух противоположных углах пустыни — св. Макария Великого и монастырь Барамус.

Ни от кого не могла добиться перевода с коптского имен: Бишуи и Барамус.

Быть может, это Псой и Парамон? В произношении коптов все искажается (с нашей, русской точки зрения). Так, Петр и Павел — Бутрос и Булос.

В еще более глухой пустыне, ближе к Суэцкому заливу, лежит монастырь преподобного Антония Великого (с учеником его Павлом Препростым), и другой — преподобного Павла Фивейского.

Монастырь св. Пахомия Великого — основоположника монашества в Египте, лежит выше по Нилу, около Люксора.

Что такое!? Еще не доехали до Rest-hous'a, который стоит как раз на полпути Каир-Александрия, а уже виднеется Средиземное море? — вон оно, вдали широко голубеет, блестит и даже волнуется под лучами солнца. Но откуда в нем все эти, возвышающиеся из воды, островки, которых я не видела в Александрии раньше?

При приближении море тает, островки оказываются дюнами и холмиками . . . Мираж, все мираж!

Вскоре подул свежий ветерок, — приближаемся к настоящему морю. Сплошные пески, которые мы видели до сих пор, здесь покрыты редкими шарообразными кустиками жесткой травы, на которой, то здесь, то там, пасутся небольшие стада одногорбых верблюдов, под наблюдением неподвижной фигуры бедуина. Почему-то много верблюжат и они очаровательны.

2. О Нитрийской пустыне по "Книге Мертвых".

"Книга Мертвых" представляет собою собрание гимнов и религиозных текстов, которые древние египтяне писали на стенах могил, на саркофагах, гробах и надгробных камнях, папирусах и амулетах, чтобы обеспечить благоденствие своих мертвых за гробом.

Некоторые из этих текстов относятся к династии фараонов за 3.500 лет до нашей эры; многие уже существовали в пре-династический период жизни древнего Египта и отражают религиозные взгляды северо-восточной Африканской расы, вошедшей в состав династического Египта.

Египетские скрибы делали свои копии с некоторых текстов "Книги Мертвых"*), которым приписывают по крайней мере 5.000-летнюю давность.

Иероглифические надписи, которыми покрыты внутренние стены комнат и проходов Саккарских пирамид — это только копии отдельных текстов "Книги Мервых", существовавших еще раньше, начало которых теряется, таким образом, во тьме времен.

Между прочим, Саккарские ступенчатые пирамиды, менее посещаемые путешественниками, чем Большие пирамиды Гизы, с научной точки зрения, гораздо содержательнее и важнее последних.

Что нас интересует в данном случае из этих записей "Книги Мертвых", это указание на начало происхождения Нитрийской пустыни.

---

*) "Книга Мертвых", как отдельная книга, конечно, не существовала в древние времена и только в наше время все эти отдельные тексты собраны вместе.

Многие части "Книги Мертвых" были составлены в Фивах (современный Люксор), другие — жрецами Гелиополиса.

Последними упоминается о Большом Зеленом Озере, как жилище главного божества — солнца, под рукой которого были и озеро natron (сода), и озеро — nitrite (селитра).

В начале христианской эры от Большого Зеленого Озера остались уже только труднопроходимые болота, за которыми, как за натуральной преградой, основалась целая сеть первых христианских монастырей, это — Нитрийская пустыня, известная нам по целому ряду великих подвижников.

В нашу эпоху эта Wadi-Natrun (Нитрийская долина) заграждается от проходящей теперь мимо шоссейной дороги Каир-Александрия целым рядом озерков и болот, между которыми нужно пробираться к монастырям осторожно и зная дорогу.

От современного Гелиополиса всего два часа автомобилем до окраины Нитрийской пустыни, где и теперь находится завод общества Salt and Soda, и где предпочтительно нанимать автомобиль с специальными шинами и опытным шофером.

Я три раза побывала в Нитрийской пустыне во всех ее четырех монастырях.

Два раза мы шли через пустыню пешком: первый раз с проводником и с некоторой предосторожностью между болотами; в другой раз — одни, стороной от болот.

В третий раз я была с большой экскурсией на автомобилях простых и специальных, с маленькими приключениями, с оставлением автомобилей в песках, к которым возвратились поздно вечером, и пр.

Даже в наше время дно Большого Зеленого Озера не очень гостеприимно, довольно трудно проходимо и не без опасностей.

Но если итти хотя бы вдвоем, с некоторыми предосторожностями и молитвой, то трудности преодолеваются легче и вознаграждаются и ласковым приемом в обителях святых подвижников, молитвой там, отды-

хом, подкреплением и добрым напутствием и ценными указаниями на обратный путь.

А по поводу Большого Зеленого Озера с его божеством, и Нитрийской пустыни с ее подвижниками, мне все время приходила мысль из Писания:

"Идеже бо умножися грех, преизбыточествует благодать".

---

6 марта 1955 г.

Сегодня приобщалась Св. Таинств. На сердце более мирно. Благодарение Господу, что сподобил. Читаю Лавсаик — издание типографии "Монастырская печать", Град Святого Павла в Бразилии, 1954 г.

Палладий, Епископ Еленопольский описывает все знакомые места: об Александрийских подвижниках; Фиваидских, Нитрийских.

Сколько знакомых имен святых и сколько знакомых мест, в которых мы были!

Но все время говорится о Нитрийской **горе.** Где же там, в этой низине, с небольшими дюнами, гора? Упоминается и о существовавшем там озере.

Хорошо... озеро усохло, стало болотом, но горы нигде нет. При чтении Лавсаика я недоумевала: достопочтенный автор статьи пишет о том, что **сам видел** или слышал в конце IV века. Меня сподобил Господь побывать во многих из тех мест: что изменилось, — то изменилось за пятнадцать с половиной веков. Но, в общем, я, читая Лавсаик, с радостью узнавала знакомые места. Но где же Нитрийская **гора, в которой селились отшельники?**

Раздумалась... Свв. Антоний Великий, Макарий Великий, Пахомий Великий говорили на древне-египетском языке позднейшей эпохи — периода упадка древне-египетской культуры. Кроний, пресвитер Нитрийский, рассказывая автору Лавсаика о св. Антонии Великом, говорил, как ему случилось однажды быть переводчиком у св. Антония с греческого (которого великий Авва не знал) на египетский и обратно.

Как произносились слова **гора** и **пустыня** на древ-

них языках египетском и греческом, я не знаю. Но теперь на арабском языке, т. е. и на языке кочевников-бедуинов, обитающих в тех пустынях, понятия **гора и пустыня,** обозначаются одним и тем же словом — джàбаль (djabal).

В строгом смысле пустыня — песчаная, безводная, обозначается словом — сахарà; а джàбаль — пустынное место, вероятно, вроде наших Астраханских степей; а еще лучший пример — При-Иорданская пустыня.

И еще соображение... В Верхней Фиваиде есть монастырь Мохàррек (в пределах древнего Гермополиса), возникший над пещерой, в которой обитало Св. Семейство во время бегства в Египет.

Архимандрит монастыря о. Филимон рассказывал нам по-арабски историю бегства в Египет, как оно описано в древних коптских книгах. — "Святое Семейство перешло первый рукав Нила в устье его, **в пустынной местности** Ферма"...

В Лавсаике в житии подвижника Павла Фермийского говорится: "Есть в Египте гора... она называется Фермою..."*) опять: пустыня — гора...

Не было ли в древних языках ононима для понятия гора и пустыня?

Да простят меня люди, более сведущие, за мою попытку как-то разъяснить недоумение себе, а может быть и другим, кому придется читать описания древних и сравнивать с более поздними сведениями об одних и тех же местах.

3. Александрийская Патриаршая Библиотека.

Александрия — свежая, нарядная — совсем европейский город. Сейчас трудно представить себе Александрию ушедших веков, с ее шумной красочной толпой, с своеобразной жизнью, бьющей ключем.

Почти с дороги я отправилась в Александрийскую Патриаршую Библиотеку.

---

*) Ферма или Фарма — город, существовавший еще в VII веке по Р. Х., вблизи нынешнего Порт-Саида. Он часто упоминается и в Святцах, и в церковных календарях.

Директор Библиотеки, пригласивший меня полюбоваться их сокровищами еще на Синае, поджидал меня со своим помощником.

Они сейчас деятельно готовятся к скорому тысячелетнему юбилею своей Библиотеки.

На втором этаже большая зала, полная света и воздуха, вся разделенная на отделы; чистота и порядок. Два отделения заполнены огромными старинными книгами. Это — старинные манускрипты и первые печатные книги на многих языках. Таких редких экземпляров здесь 518. "Только всего, — с сожалением заявляет директор, — между тем, как Вы знаете, в Синайской Библиотеке редкостных экземпляров более 2.000!"

Под стеклом разложены письма; ордена бывших патриархов и между ними — два русских ордена святой Анны. Стоят небольшие бюсты и статуэтки патриархов.

По стенам большие "фирманы" (грамоты) турецких султанов, как цветистые коврики. Коллекции греческих и римских монет. Большое отделение современных изданий Александрийского греческого патриархата и несколько полок Сборников Русского Православного Общества в Палестине, председателем которого был Вел. Кн. Сергей Александрович, а потом Супруга его Вел. Кн. Елизавета Феодоровна.

Картины, карты, схемы. Под потолком печатная копия старинной мозаичной карты Палестины, находящейся в Мадеба (в Иордании, около Аммана, скорее, у Мертвого моря), но в Назарете я видела лучшую копию этой карты — рельефную и раскрашенную.

Для меня были намечены специальные сюрпризы. Вот огромная книга в солидном кожаном переплете, 2 четверти вышиной, 1 ½ четверти шириной и столько же в толщину. Написана она от руки на церковнославянском языке в 968 году, т. е. когда вся толща русского народа пребывала еще во тьме язычества.

Это — записи проповедей св. Иоанна Златоуста и посланий Апостола Павла. В каждой проповеди заглавие красными чернилами: "Слово" на такой-то цер-

ковный день и название предмета проповеди: об исцелении "слепача"; о жене кровоточивой и пр.

Я могла читать легко и быстро, все понимая.

Автор, т. е. переписчик или переписчики неизвестны. На иностранном языке, на котором мы разговаривали в библиотеке, это звучит неподходяще "анонимная книга", а ведь и летописи, и, как я теперь знаю, старинные иконы, старинные духовные книги — суть, по слову Пушкина, — "труд усердный, безымянный"; все — дар Богу.

"История русского народа" на церковнославянском языке Александрийского Патриарха Паисия, закончена в Москве в царствование благочестивейшего царя Алексея Михайловича.

1669 года на церк.-слав. яз. Антиохийского Патриарха Макария: О соборе в Москве для выборов Патриарха Никона.

Вот небольшая, но очень толстая книга на старогреческом языке. Ей только 300 лет и написана она в Каире. Это все литургии (Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Двоеслова).

Другая такого же возраста, тоже на старогреческом языке — Четвероевангелие.

Бережно достает Директор из папки папирус — 2 листа, заделанные между стеклами. Это, так называемый, "пурпуровый папирус" (он — и в самом деле не то пурпурового, не то сиреневого цвета). — Листки из Евангелия св. Марка, написано на старогреческом языке при Импер. Феодосии Втором. Евангелие это было в Турции, но теперь листы его развеяны по всему свету. Были они и в России.

Толстая книга писем Святейшим Патриархам Александрийскому и Антиохийскому из России XVII века на церк.-слав. языке; но писаны эти книги от руки или

напечатаны — сразу не разберешь, т. к. писали тогда крупно, разборчиво, хорошо, а печатали в те времена не лучше, если не менее аккуратно. Видела я в печатных книгах, — когда надо уместить строку в пределах линии, оставляя ровные поля, последнюю букву слова запросто печатают **наверху** в конце слова — "миром" и прочие упрощения.

Толстая книга 1664 года, напечатанная в Киево-Печерской Лавре при Царе Алексее Михайловиче:

"Мир с Богом человеку".

или "Покаяние Святое".

На первой странице миниатюрные рисунки пером.

Книга 1669 года, напечатанная в Киеве, из Иоанна Златоуста и Св. Отцов. Очень легко читается.

"Меч духовный, еже есть глагол Божий". Напечатана в Киево-Печерской Лавре при Царе Алексее Михайловиче. 1666 г. Проповеди на Евангельские темы. В начале книги посвящение Царю Алексею Михайловичу и Его семье в стихотворной форме, легко читается и красивый ритм.

Книга Архимандрита (?) Анастасия. Даже при беглом осмотре производит впечатление серьезнейшего труда, автор — противник осуждения Патриарха Никона и уехал из России с греческим духовенством, а потом был местоблюстителем Александрийского Патриаршего Престола.

С улыбкой подает мне Директор громадную книгу. Издана в 1886 г. в Лейпциге о греческой революции 1821 года (в которой принимал участие поэт Байрон со стороны греков; эта революция, как мы знаем, была национальная и религиозная против тирании турок).

Капитальный труд: прекрасные карты, схемы, наброски. И все по-гречески. Составлено, написано... Иваном Петровым!

Целая папка интересных писем-документов и между ними:

а) Импер. Александр III жалует орден св. Александра Невского блаженнейшему Софронию Патриарху Александрийскому.

б) Большая грамота, вся подклеенная с оборота, написана красивым, легко читающимся почерком полу-церк.-слав., полу-русским языком, данная при Императрице Анне Иоанновне в 1736 году "Божией Милостью Святейшим Правительствующим Синодом Патриарху Александрийскому" о разрешении греческому духовенству приезжать в Россию для сбора денег.

Внизу документа множество подписей членов Синода; тут кроме подписей епископов центральной России и Епископ Пермский и Епископ Симбирский и пр., и проч.

В шкафчике под стеклом, письмо с Афона в Александрийский Патриархат по-гречески с 19-тью печатями монастырей вокруг письма (всего греческих монастырей там было 20).

Печати: Георгий Победоносец, Николай Чудотворец, Целитель Пантелеймон, Апп. Петр и Павел и др.

Рядом письмо по-французски от Эфиопского Императора Хайле Селлясе I — "Льва Победителя из колена Иудина" — ответ Митрополиту Гермополиса Арсению на Поздравление с Пасхой 10 апреля 1937 г. — из изгнания!

Гермополис — древнегреческое название провинции в Среднем Египте. Городок Ашмунин — ни более, ни менее, как древний Гермополис Магна. Значит, в титуле коптского митрополита сохранено древнее наименование.

Видела книги Архимандрита Порфирия Успенского, изданные в конце XIX века в России Академией Наук.

Вот — уникум! — коронование Императора Николая II Александровича и Императрицы Александры

Феодоровны. Большая тонкая книга в хорошем переплете и прекрасного издания — печать в красках различных нежных тонов.

Чин действия каким образом совершается
Священное Коронование.

Все, все по порядку: возгласы духовенства; ответы Императора, Императрицы; действия Их.

Заканчивается тем, что Их Величества следуют в Грановитую Палату.

Второй мой визит в библиотеку был посвящен изданиям, напечатанным в Москве:

1666 г. "Жезл" — объемистый молитвенник в старинном кожаном переплете, на церк.-слав. языке. На переплете тисненая миниатюра Распятия.

"История Александрии" Архимандрита Констандиуса, который стал потом патриархом Константинопольским. 1803 года, Москва. Посвящается Имп. Александру Павловичу.

На двух языках параллельно: греческом и русском. Замечательные старинные рисунки, схемы, карты — исчезнувшая Александрия.

Зон Каплани — грек, живший в России; умер в 1809 году и похоронен в Донском монастыре. В 1809 году напечатана его книга о благодетельной жизни человека, на русском и на греческом языках параллельно. Книга, повидимому, любопытная по содержанию и очень интересная по внешности.

1811 год. Греко-русско-французский лексикон. Составил иеромонах Досифей Камос. Посвящается Имп. Александру I. Напечатана в типографии Всеволжского в Москве, с одобрения цензурного комитета Императорского Московского Университета.

Есть описание Св. Града Иерусалима и Палестины Хрисанта. Напечатано в университетской типографии в Москве по-гречески, но названия к рисункам, очень

хорошим, по-русски. Тут все церкви и монастыри Иерусалима и других мест Палестины, которых я, в своих паломничествах туда, по большей части уже и не видела.

В одной из старинных книг, но когда уже появилась манера подписываться, на последней странице трогательная просьба автора к читателю — помянуть перед Богом его имя.

На полках, узнаю по формату, виденные уже мною на Синае четыре тома фотографических копий "Кодекса Синаитикус". Рядом тоже четыре почти таких же (фотограф. копии) "Кодекса Александринус".

По моей просьбе разложили на столе рядом по тому — для наглядного сравнения.

"Кодекс Синаитикус" издан в 1862 году в Петрополисе (в Петербурге). Он в четыре колонки на каждой странице.

"Кодекс Александринус" издан в 1879 году — в Лондоне. Он в две колонки на странице.

Как известно, оба кодекса в оригиналах находятся в Британском музее в Лондоне.

Показали мне в библиотеке и их гордость: целую серию литографий Кондакова, изданных в Праге. Иконы Суздальской школы. Исполнение особенное; краски поразительные: то нежные, то горят ярким пламенем на вратах какого-то собора.

Не так давно в библиотеке была даже устроена выставка этих литографий, чтобы дать возможность и широкой публике ознакомиться с такими шедеврами.

Блаватская, в своем капитальном сочинении, заменившем теософам Евангелие Христа, говорит, что древняя Александрийская Библиотека, вопреки распространенному мнению, вовсе не была до тла уничтожена Калифом Омаром, а еще до него была спасена и перевезена в Тибет.

Блаватская может и это написать.

А в Александрийской Патриаршей Библиотеке мне с горечью подтвердили, что миф об уничтожении зна-

менитой древней Александрийской Библиотеки Калифом Омаром не верен. По крайней мере не было полного уничтожения.

Но что уже после Калифа Омара сами христианские хранители Библиотеки были очень щедры в раздаче на память и на прочтение без возврата разным высокопоставленным лицам драгоценных остатков Библиотеки, так что сейчас в ней ничего нет из той, прежней библиотеки.

4. Церкви Александрии.

Другой целью моей настоящей поездки в Александрию было поклониться христианским святыням здесь. Но мало осталось в Александрии первоначальных следов зари христианства.

Самые авторитетные и сведущие лица с недоумением отмечают это, подчеркивая, что здесь гораздо больше следов и памятников древней языческой эпохи.

Александрия основана знаменитым завоевателем Александром Македонским в 332 г. до Р. Х., а в 60-62 году по Р. Х. здесь проповедано было Слово Евангелия св. Ап. Евангелистом Марком, который и был первым епископом Александрии, а у коптов он считается первым патриархом.

Была Александрия великим центром древней культуры и премудрости и здесь же сияли величайшие светила Церкви Христовой.

Посетила я коптский монастырь во имя св. Апостола Марка, на месте, где он принял мученический венец и был погребен. Св. мощи его были перевезены в Венецию, а глава находится в храме.

В настоящий момент в Соборе производится капитальная перестройка: все, кроме стен, переделывается; он весь разобран и весь в лесах.

Наместник коптского патриарха, живущего в Каире, был любезен дать нам некоторые объяснения.

— Это первый христианский храм в Египте, построен уже в 69 году.

— А как же церковь св. Сергия в Старом Каире

на месте желища Св. Семейства? тоже считается первой христианской церковью в Египте?

— Да, мадам, но это не противоречит одно другому. Здесь естественно первые христиане имели церковь для проповеди своего епископа и воздвигли храм на месте его погребения. Там, первым местом молитвенных собраний христиан было бывшее жилище Св. Семейства.

Спускались мы в подземную часть при храме. Там, за замурованной стеной покоится глава св. Марка и погребены 94 коптских патриарха.

Наместник патриарха очень приглашал приехать через шесть месяцев: храм будет готов, все приведено в порядок и можно будет приложиться к святой главе Евангелиста.

Здесь же узнала подробность, неизвестную мне раньше: под мечетью Неби Даниель (пророка Даниила), по улице того же названия, (которую мы давно знали), покоятся мощи пророка Елисея, ученика пророка Илии, но христиан туда не пускают.

13 июня 1951 г.

Была в греческом соборе Благовещения Пресвятой Богородицы. Удивительно богатый, большой и красивый. Есть громадный серебряный образ Казанския Божия Матери. Основан в 1847 году и, как я встречала указания в русской книге, в алтаре надпись гласит: ..."сооружен греками при пособии благочестивых россиян". Сегодня мне сказали в соборе, что такой надписи в алтаре ни по-русски, ни по-гречески не имеется, а может быть есть в "Золотой Книге" храма.

Повели меня к большому административному лицу (светскому), но тот мои вопросы выслушал с недоумением. Может быть, и не было такой надписи, но, скорее — забылось.

В храме св. Саввы Освященного, при греческом патриархате (очень хорошая, обширная, богатая церковь), под большой серебряной иконой св. Вмчцы. Екатерины стоит зацелованная невысокая четырехуголь-

ная мраморная колонна, в которой наглухо заделана плаха (может быть, тоже кусок мраморной колонны), на которой была усечена глава Александрийской Великомученицы.

По житию св. В-мчцы Екатерины, она еще при жизни удалилась с несколькими спутницами на св. гору Синай, чтобы избежать притязаний импер. Максимина II, но была насильно возвращена в Александрию, где подверглась мученической кончине, после которой тело ее чудесным образом было перенесено Ангелами на вершину высокой горы, рядом с Синаем, где и было гораздо позже обретено Синайскими монахами.

Если входишь боковой дверью в притвор храма Саввы Освященного, видишь громадную русскую икону: Благословляющий Христос со скипетром и державой, по бокам Божия Матерь и Иоанн Предтеча. В левой руке Богоматери развернутый свиток: "Царю Небесный, приими всякого человека" — по-русски.

Почти на самом берегу моря есть замечательно красивая, совсем новая, богатая греческая церковь во имя св. Архангела Михаила. Очень красивы стильные росписи стен и какие иконы! Есть и здесь (и в Каире) копия Васнецовской Пресвятой Богородицы Софийского Киевского собора.

И если старинные церкви и монастыри дороги нам и известным образом действуют на душу, то и такая новая церковь влечет к себе и я приходила в нее опять и опять.

В морском предместье Александрии — Абукире, — древнем Канопе, известном всем нам по житиям святых, есть церковка свв. бессребренников Кира и Иоанна (31 янв. ст. ст.): барак из волнистого железа, но такая уютная и какая-то намоленная церковка. В Канопе подвизались, исцеляли и обращали язычников эти нестяжатели-чудотворцы и в Александрии же впоследствии они приняли мученическую кончину.

Мы любили бывать в этой церковке и потом, уезжая, в ней же отстояли свою последнюю литургию в Египте. 1951-54 г. г.

IV. ПО МОНАСТЫРЯМ ЕГИПЕТСКОЙ ФИВАИДЫ

1. Верхняя Фиваида.

А. Немножко древнеегипетской истории.

Мистический Египет фараонов и Птоломеев... Высокая, может быть, во многом и теперь еще непревзойденная культура... Религия, из которой выходила вся культура и все науки...

Из каких Божественных Откровений, сохранившихся в памяти человечества, почерпал древний Египет те Истины, записанные на его папирусах и начертанные на памятниках, которые так странно близко подводят его к христианской Истине и христианской морали?

Не звучат ли для нас христиан, очень знакомо некоторые выписки из древнейших папирусов:

Я Тэм, Единый, причина жизни и единственный источник самого существования".

"Я Единый, до времен бывший. Прежде чем солнце взошло первый раз, чтобы осветить мир — Я существовал.

"Я Единый от века веков. Единый вечно Сущий и жизнь Моя — Вечность".

(Из Египетских папирусов).

Жрецы в глубине своих храмов, верили в Единого Истинного Бога, но дикое население Египта постепенно приводили к своему культу, сначала приспособляясь к их верованиям, допуская многое множество местных богов, различных в каждой провинции, затем сокращая это множество божеств и приводя население к нескольким центральным, общим для всех, божествам.

Но не жрецы со всею их мудростью и знаниями привели население Египта к познанию Истинного Бога.

Много, много сокровенного в древней культуре Египта...

О строителях трех больших пирамид Гизы, о времени их сооружения знают все. Но никогда, ни в каком учебнике не упоминается, ни один ученый не риск-

нул объяснить, кем и когда воздвигнута Каменная Загадка — Сфинкс?

На внутренних стенах очень древних Саккарских пирамид, иссечены в иероглифах цитаты-**копии** из "Книги Мертвых", — древность которой уходит еще глубже в тьму времен.

На потолке храма в Дендерах (потолок давно увезен в Париж, а на месте оставили имитацию), изображен небесный свод с созвездиями Зодиака в таком положении, в каком они могли быть многие тысячелетия тому назад.

Рассматривая храмы и могилы, которые во многих случаях являются обширными и сложными помещениями, каждый может задать себе вопрос: а как освещались они в свое время? Нигде, никаких признаков какой бы то ни было установки освещения; небольших отверстий в крышах храмов, для воздуха и солнечных лучей, совершенно недостоточно, чтобы ясно видеть.

Нам, на наши неожиданные вопросы этого рода, отвечали: "Мистерии происходили днем (?!), а не ночью и масляных светильников было достаточно". Совершенно неудовлетворительный ответ для нас, бродящих днем с фонарем по огромным темным отделениям и залам.

А если принять во внимание и работы при гравировках тонких и точных рисунков по стенам, их деликатную цветную раскраску... Мы далеко еще не все знаем о достижениях древних в разных областях...

Есть храмы, всецело выдолбленные в скалах горы, украшенные той же художественной работой внутри, которая попорчена только факелами и другими упрощенными способами освещения современных проводников.

А те, которые эту работу производили?

На нашей памяти, 30 лет тому назад было самое начало раскопок могилы Тут-анх-Амона в Долине Могил Фараонов в Люксоре, которая (могила) и была открыта в ноябре 1923 года.

Какой шум подняла тогда последовавшая гибель одного за другим почти всех членов археологической

экспедиции Картера, работавшего для лорда Карнарвона...

Затем, по понятным соображениям, об их смертях, якобы, вследствие заклинаний и магических формул для разорителей могил, замолчали и старались объяснять их естественными причинами для каждого случая.

И теперь, много лет спустя, вспомнили и подвели итоги: симптомы, предшествующие смертям членов археологической экспедиции, были совершенно те же, что и у жертв атомной бомбы Хирошимы и Нагасаки! Но в данном случае радиоизлучения происходили от цементной облицовки могилы. Умели, значит, делать и соответствующие препараты!

Собираясь в настоящее паломничество по монастырям древней Фиваиды, намереваясь осматривать и все, оставшееся от религии и культуры языческой, чтобы, если возможно, хоть краем мысли и чувства проникнуть во тьму веков и понять что-то, мы с мужем еще дома условились, что мы не будем спускаться в знаменитую могилу Тут-анх-Амона.

Не то, что мы боялись смертоносных излучений, которые, выражаясь языком профанов, имели время повыветриться; не то, что мы боялись сакраментальных формул, которые уже разрядили свое действие — для жрецов, проникавших в глубины мироздания, разграничение материи и духа и переход одного в другое, были такой же точной наукой, как астрономия, архитектура и пр.

Нет! — для нас блестящий юный Тут-анх-Амон, был не более, как неустоявшим Юлианом Отступником!

Знаменитый "еретический" фараон XVIII династии, известный под именем Ахнатона, сделавший своей столицей Тель-эль-Амарну, хотел порвать с традициями предков и культом многобожия и ввести культ единобожия в виде почитания солнечного диска, как творца всего живого и подателя жизни.

Жрецы восстали против революционного нововведения. Боялись ли они, что неподготовленные массы народные, оторванные от своих богов, будут ввер-

Вход в долину Исля.
Снято А. М. Гавриловой
с седла верблюда.

А. М. Гаврилова у "науамис'а" в долине Тарфа

Вход в долину Исля.
Наши верблюды.

Древо Пресвятой Богородицы в Матарии (близ Гелиополиса). Снимок с одной из шести фресок на стенах Католического Храма рядом.

Дерево (сикомора, смоковница) и до сих пор с одной стороны такое же, только все оно теперь более зеленое. Такой вид, как на фотографии, оно имело в начале XX века, в период постройки храма. Теперь, в 1951 году, оно окружено стеной — не для предохранения, а от взглядов бесплатных туристов. Оно и до сих пор дает плоды. (Пасха 1951 год).

Фотография с одной из шести фресок на стене того же католического храма, близ Древа Пресвятой Богородицы. Идолы в храмах Гелиополиса попадали при приближении Младенца Иисуса

Во дворе Белого Монастыря около языческого "амвона"

Монастырь Паленого на месте жилища Св. Семейства в Верхней Фиваиде

Белый Монастырь (Амбы Шенуда) в Верхней Фиваиде

Развалины храмов Карнака и его два обелиска

Монастырь Св. Пахомия Вел. в Луксоре (Фивы) — Монастырь Старца

А. М. Гаврилова

в Карнаке

жены в хаос безбожия? Боялись ли они за привилегии своей многочисленной и могущественной жреческой касты?

Учение Ахнатона было объявлено еретическим, сам он, после жестокой борьбы, был сокрушен и после его смерти, его постигло самое страшное наказание той эпохи — самое имя его старались уничтожить со всех монументов, чтобы вычеркнуть его из Книги Жизни (вечности).

Между прочим, в Каирском Античном Музее есть все-таки статуи Ахнатона. Не зная его истории — взглянешь и... пройдешь. Но вспомнив об его миросозерцании и религиозных идеалах, остановишься и замечаешь больше: аскетическое лицо, — считается, что он был туберкулезным, как и его любимая жена Нефертити; совершенно необыкновенной формы голова; а на статуе позднейшего периода — горькие складки вокруг рта. Лицо побежденного.

Прелестная Нефертити, известная всему миру, благодаря своему бюсту, находящемуся в Берлинском музее, была женой, единомышленницей и помощницей Ахнатона.

Юный Тут-анх-Амон, исповедывавший культ единобожия Эль-Амарны, несмотря на постоянную деятельную поддержку родственницы-вдовы—Нефертити, не выдержал давления жрецов, переменил свои убеждедения, возвратился в прежнюю столицу Фивы и стал воздвигать кумиры множеству богов.

Но кто знает, как развился бы дальше языческий культ единобожия Амарны?

Не могущественные фараоны, обладавшие наравне с жрецами, глубокими знаниями, привели население Египта к познанию Единого Истинного Бога.

Сам Тут-анх-Амон умер почти мальчиком (18-ти лет, как обнаружено по его мумии), не успев насладиться божеской властью и почестями, которыми пользовались фараоны.

Кстати, по поводу бюста Нефертити, нам пришлось услышать на местах от лиц, близко стоящих к обслуживанию древностей, интересные подробности.

В Египте был закон, что все интересные, важные, хорошо сохранившиеся или красивые, находимые древности остаются собственностью Египта.

Менее важные, попорченные или некрасивые могут продаваться, увозиться или выбрасываться.

Немецкие эксперты, нашедшие в руинах Тель эль-Амарны бюст Нефертити (в натуральную величину из раскрашенного известняка), пленились его красотой и артистичностью исполнения.

Один из них облепил бюст какой-то пастой, или пластичной мешаниной, обмазал грязью и представил инспектору англичанину. Нетрезвый инспектор, взглянув на безобразную голову, отмахнулся — "выбросить!"

А немцы "негодный" экспонат переправили к себе. Сейчас в прессе и, кажется, в дипломатии давно ведутся переговоры по поводу возвращения домой знаменитого бюста, но все они пока тщетны и Каирскому музею приходится довольствоваться хорошей копией.

Говоря о цивилизации, культуре и глубоких знаниях древних, хочется упомянуть о замечательном историческом лице, перешедшем в легенду.

Это придворный фараона III династии Зозера — Имхотеп — действительный прототип бога медицины; он же математик, астроном, архитектор и пр., и пр., так как в древности образованный человек обладал всеми отраслями знаний, дополняющих одна другую. Имхотеп, (переделанный греками в Эскулапа) был строителем Саккарских ступенчатых пирамид и он же первый за 3.000 лет до Р. X. открыл причину ежегодных наводнений Нила.

Итак, древнеегипетская культура и религия (вернее сказать: культура-религия) со всеми своими знаниями и могуществом, блуждая во тьме языческого многобожия, пришла к неизбежному упадку.

В начале христианской эры в городах по Нилу процветало язычество в самых его низменных и раз-

нузданных формах. В великолепные капища Ассиута, Фив, Эдфу каждый год на продолжительные празднества стекались язычники не только из ближайших окрестностей, но и со всего Египта.

Празднества сопровождались оргиями, пьянством и развратом.

Лучшая, чистая часть молодежи и зрелых мужей, с ужасом и омерзением наблюдала эти празднества и бежала от них; с энтузиазмом прислушивалась к проповеди чистого христианства, принимала его и в громадном количестве покидала грешный мир, удаляясь чаще всего, в одиночку, в пустыню.

Верхняя Фиваида, опаляемая солнцем и отпугивающая всех, наполнилась отшельниками, спасающимися, каждый по своему разумению, но почти всегда обязательно с великими лишениями и умерщвлением плоти не только в подражание Христу, но и как бы в противовес миру, из которого они бежали.

Но вот появился среди них св. Пахомий Великий (род. в 292 году), который им дал общий устав и заводил общежительные монастыри, где при всей строгости и духовности жизни, не требовалось умерщвления плоти.

А в Нижней Фиваиде почти в то же время подвизался св. Антоний Великий (род. в 251 г.) сын знатных и богатых родителей, который еще в ранней молодости оставил все и удалился в пустыню.

Были христиане, которые, оставив все, бежали в пустыню от преследований римлян на время, пока не утихнет, но плененные жизнью во Христе, не захотели больше вернуться в мир. (Св. Павел Фиванский).

Итак, ветхий языческий мир изжил себя, погибая в своих тенетах, а те крупицы Вечной Истины, которые разбросаны в языческих религиях, заставляли людей, ищущих Бога, задумываться о существовании Единого Истинного Бога.

Семя христианского учения находило в Египте добрую почву.

Б. Убежище Св. Семейства в Верхней Фиваиде.

Запасшись рекомендациями от Коптского Патриархата и знающего нас духовенства, мы двинулись по железной дороге вверх по Нилу.

Первый монастырь, в который мы прибыли 30 августа 1953 г. был Дейр эль-Мохаррек — монастырь Жженого или Паленого.

От станции железной дороги пришлось, наняв автомобиль, углубиться в сторону пустыни. Дело было под вечер и нанять автомобиль удалось с трудом, так как в высоких зарослях кукурузы по сторонам проселочной дороги, часто скрываются вооруженные грабители, но добрались мы до монастыря благополучно.

Этот монастырь египетских христиан-коптов, построен на месте жилища Св. Семейства в Верхней Фиваиде и до вторжения арабов в Египет назывался монастырем Владычицы.

При одном игумене святой жизни и прославленного своими чудесами, мусульманский владыка хотел заставить этого игумена и христиан округа отречься от своей веры и обратить их в мусульманство.

В тюрьме их пытали и палили огнем. Но этот мусульманский тиран внезапно умер и игумена с христианами отпустили на свободу. А монастырь, с тех пор и доныне, стал называться монастырем Паленого.

Вечером викарий монастыря Архимандрит Филимон Саид рассказал нам историю бегства Св. Семейства в Египет, читая ее по-арабски из своей, еще не напечатанной книги, как он записал все из старинных коптских источников.

У нас, в Нижнем Египте, широко знают только Матарийское дерево Пресвятой Богородицы и древнюю церковь св. Сергия в Старом Каире, как пункты остановок Св. Семейства. А Четьи-Минеи упоминают пункты и в Верхней Египте, в пределах Фиваиды.

Как хорошо объяснил нам о. Филимон, у Ирода руки были длинные, надо было бежать дальше от границы и Они бежали не по знанию географии, а как вел Их Сам Бог.

Св. Семейство пришло в Египет через Синайскую пустыню. Перешло границу в пустынной местности Ферма (это уже за Аришем) и пришло в Басту. Потом пошли на запад и перешли восточный рукав Нила в Самануде. Потом перешли следующий рукав и пришли в Вади-Натрун (Нитрийская долина), а оттуда на юг до Ашмунина (древний Гермополис) в Верхнем Египте. Потом пришли в местность Мер, недалеко от теперешнего монастыря Мохаррек, прошли деревню Куссию, (которую мы только что проехали на автомобиле), углубились в пустыню и прожили в этом месте 6 месяцев и 10 дней.

"Вот Господь восседет на облаке легком и придет в Египет. И идолы египетские будут трепетать перед Ним..." (Исаия XIX, 1).

Ради меня о. Филимон говорил медленно, подбирая слова попроще. Но Евангельские тексты, произносимые им как надо, мы оба понимали сразу.

"Здесь опять явился во сне Иосифу Ангел Господен и повелел возвратиться в землю Израилеву, "ибо умерли, искавшие души Младенца" (Матф. II, 20).

Из Фиваиды Св. Семейство пришло в Вавилон (не Мессопотамский, а в Старом Каире), и жили на месте храма Св. Сергия.

Оттуда в Айн-Шамс — теперешняя Матария около Гелиополиса, где и доселе сохранилось древо Богородицы — дикая смоковница и чудесный источник Младенца Христа.

И после через Загазиг, ушли в свою землю.

Да сбудется реченное пророком: "От Египта воззвал Я Сына Моего". Вообще же у христиан считается, что Св. Семейство прожило в Египте около двух лет.

Я была очень успокоена чтением о. Филимоном этих сведений из ранних христианских источников — они вполне совпадали с нашими каноническими сведениями, хотя и идут вразрез с нашим "логическим" и географическим" путем.

А хронологические несовпадения (т .е. в порядке следования) я оставляю так, как узнавала на местах.

— Когда в 62 г. по Р. Х., — продолжал о. Архимандрит, — ап. Марк пришел в Египет и египтяне познали Христа, первая церковь была основана в Александрии, на месте убиения ап. Марка, а вторая здесь, в Фиваиде. И свет просветил землю Египетскую.

Церковь во имя Владычицы существовала здесь до монастыря 300 лет, затем началось монашество. Ученики св. Пахомия основались и здесь. Теперь этот монастырь — Мохаррек, в некотором смысле религиозный центр всего Египта от Каира до Ассиута. Это единственный монастырь из множества, основанных св. Пахомием и его учениками, с монахами до сих пор. Дейр эль-Мохаррек населился монахами в 350 году и, имея церковь во имя Пресвятыя Владычицы Богородицы, монастырь так и назывался до конца IX века, когда мусульмане очень прижали христиан и наложили большие налоги на монастыри.

В это время 55-летний Александрийский Патриарх Амба Санитиус отправил двух послов в Багдад к калифу, чтобы просить защиты от египетского наместника.

В эти-то дни игумена монастыря Владычицы схватили, пытали, изожгли все тело и бросили в темницу.

И в эти дни пришел приказ от Багдадского калифа освободить игумена и ослабить отношение к христианам.

Игумен с большой славой возвратился в монастырь, который с этого времени назван Мохаррек, каковое название и до сих пор сохранилось.

Сейчас в монастыре 100 монахов; у них громадное образцовое хозяйство, 2.700 федданов земли, которую они и обрабатывают, и сдают в аренду.

Новое правительство не тронуло эту землю.

Монастырь богатый, современный: имеет много и дает вокруг себя много.

У них свое электричество, водопровод, грузовики, автомобили.

Монастырь открывает в окрестностях школы: имеются 4 первой ступени и 1 средняя школа; они построены и открыты монастырем и переданы правительству, а расходы — за счет монастыря.

Помогает монастырь и Ассиутскому сиротскому дому и коптскому госпиталю в Каире. Каирская средняя школа — Тефекия, так же, как и многие другие школы в Египте, получает субсидии этого монастыря.

300 ардебов зерна раздается нуждающимся коптам и мусульманам.

Очень высокие, солидные стены, довольно новые, защищают собственность монастыря.

А внутри стен — прекрасный сад, огород, епископские палаты, собственно монастырь, большая хорошая новая церковь и маленькая старая — над жилищем Св. Семейства; а отдельно, тоже внутри стен, школа для монахов, гостиницы для приезжающих и прочие хозяйственные постройки.

Летом, на праздник Владычицы и в другие праздники, стекаются богомольцы со всей окрестности.

А у монахов общие молитвы вечером и ночью (из-за работы днем).

Старой церковке 1800 лет, и в ее алтаре крохотное, подновляемое время от времени, помещеньице — жилище Св. Семейства в течение 6 месяцев и 10 дней. Туда входили мы, сняв обувь, по примеру о. Филимона. В церковке много старинных коптских икон. Давно, когда-то находилась в монастыре икона, писанная Ев. Лукой, но не знают, где она обретается теперь.

Рядом со старой церковью убежище для монахов от набегов арабов. Ему 1000 лет; оно высокое, каменное и теперь очень солидное и прочное с настоящим подъемным мостом и старинной машиной — валом для него.

В убежище тоже есть колодезь, который наполняется водой по желанию и много потайных комнаток и часовенок, но все они солиднее, чем такое же убежище в монастыре св. Ефрема Сирина в Нитрийской пустыне, так как камня здесь сколько угодно — невдалеке на западе проходит сплошная гряда невысоких беловатых холмов Ливийской цепи, доходящей вниз по Нилу до древнего белостенного Мемфиса (теперь деревня Бадрашин).

А не так далеко от монастыря, иссеченные в глубине Аравийской цепи холмов, на востоке (здесь те и другие называются горами, а я их называю холмами — на русские мерки), находятся замечательно интересные остатки древних храмов — знаменитая Амарна, известная по попытке фараона Ахнатона ввести культ единобожия.

Переночевав в монастыре, мы отправились на автобусе и по железной дороге до города Сохаг, а там на автомобиле через всю неширокую Нильскую долину на самый край пустыни, к подошве Ливийской горной цепи в монастыри Белый и Красный.

В. Белый и Красный монастыри.

31 августа.

Белый монастырь получил свое название от прекрасно сохранившихся, очень высоких древних стен, сложенных из громадных блоков песчанника.

Это был храм в честь бога солнца и богини луны — Озириса и Изиды. Не надо забывать, что на протяжении тысячелетий в культе египтян были различные изменения в функциях богов, их атрибутах, и именах.

Это святилище, как нам объяснили, от времени первых фараоновских династий в Египте, и, в самом деле, храм по своему плану и конструкции отличается от всех, после виденных нами, по Египту.

В замурованном древнем входе, в стене сделана крохотная толстенная деревянная дверь с громадным деревянным засовом и деревянным же замком.

Мы прошли, прежде всего, в церковь.

Внизу большого древнего храма сейчас небольшая коптская церковь с деревянным ажурным иконостасом, со скромными мраморными колонками типично коптского стиля; с полом, устланным старыми коврами и рядном; с отделением для женщин за ажурной же перегородкой; со скамейками для прихожан.

У Царских Врат старинное изображение Амбы (епископ, игумен) Шенуда-игумен, основатель христианского монастыря здесь.

Это внизу, а наверху... подняв глаза видишь, что это великолепный древний языческий храм, со всеми его особенностями. Три полусвода над алтарем и в стороны по кругу украшены рядами небольших ниш для статуй с грациозными мраморными колонками по сторонам. Следов этих статуэток, стоявших в нишах, может быть нет и в музеях; изображения святых, написанных потом в нишах, тоже давно стерлись и только коегде можно различить очертания.

Но от всего ансамбля наверху впечатление легкости, изящества, художественности; легко представляется бывшая белизна и блеск мраморных ниш, колонок и статуэток.

Действительно ли, как тут объясняют, римляне в последующую, свою эпоху, только приспособили этот храм к своему культу, а не построили эту часть заново?

Я твердо склоняюсь к мысли, что да, — заново! — слишком различны и характерны стили и линии для этих разных эпох и разных наций.

Большой двор перед церковью (в ограждении стен), с еще стоящими в два ряда колоннами и множеством поверженных, очень интересен.

Вот эта часть фараоновского храма, опустошенная, разобранная, видоизмененная, остается сама собой. Большие гранитные блоки, испещренные иероглифами и гравированными рисунками, гранитные колонны — это реликвии фараонов.

Между тем, как часть колонн на древних гранитных пьедесталах — кирпичные, облицованные известняком и с римскими капителями.

Во дворе же стоит ниша-алтарь из черного мрамора; в ней стояли статуи бога солнца и богини луны, которые теперь находятся в музее соседнего городка Сохага. На этой нише на фронте выгравированы прекрасные тонкие изображения этих богов (очень художественные для отдаленной эпохи первых династий фараонов) и по бокам вертикальные линии иероглифов.

В другом конце двора стоит род амвона, может быть, тоже вынесенного из капища, — иссеченное из одного блока возвышение в несколько ступеней, на верху

которого стояла статуя. Во время Амбы Шенуда отсюда, с верхних ступеней произносились христианские проповеди.

Когда Египтом овладели римляне, они фараоновский храм обратили в свой храм; сняли часть иероглифических надписей и изображений, но не все, и сделали свои украшения: рельефные изображения кистей винограда и листьев, открытые раковины и пр.

Можно проследить, как уничтожалось на стенах прежнее: или сбивалось, или снималось посредством нагревания камня (чернота, растрескивание).

Когда, в начале христианской эры, в этот заброшенный храм пришел Амба Шенуда, он не из учеников св. Пахомия, а самостоятельно подвизался и проповедывал учение Христа, центром своей деятельности и проповеди он сделал этот Белый монастырь на другом берегу своего родного Ахмина.

Амба Шенуда родился в IV веке около Ахмина; он был горячим патриотом и ревностным христианином. Всю деятельную жизнь свою он посвятил проповеди христианства, борьбе с остатками языческих верований и нарождающимися ересями. Он сопровождал св. Кирилла Патриарха Александрийского на Эфесский Вселенский Собор в 431 году. (Патриарх для коптов!).

Амба Шенуда с возрастающей братией своей вычистил часть украшений и символов фараонов и римлян; сложил кирпичные стены между колоннами (теперешнего "двора" перед церковью); часть этих стен держится и поныне; покрыл сооружение крышей (которой теперь нет и весь "двор" со всеми древностями теперь под открытым небом).

Так и молились в этом импровизированном храме, пока позже не переделали древний языческий храм (римский) в церковь.

Этой христианской церкви теперь 1027 лет — вид этой нижней части — типично коптской, я уже описала. В ней везде изображения крестов; в полусводе над алтарем и доселе заметно изображение Господа Вседержителя, а в полусводе над женским отделением — изо-

бражение Креста Господня и разбойника благоразумного.

Над крышею храма сооружены христианские купола — типично коптские: небольшие, плосковатые, еле возвышающиеся из-за стен.

Под одной крышей рядом с церковью наверху находится пустая теперь келия, Амбы Шенуда, а рядом его рабочий "кабинет".

За стенами монастыря находятся развалины монашеской школы, основанной тем же первым игуменом монастыря, при котором число монахов достигало 2.700 человек.

Но через пятьдесят лет после его смерти, монахи вымерли и с тех пор монастырь стоит без монахов. (А ко Второму пришествию Христа, останется ли малое стадо?).

В нем, в двух современных незначительных корпусах живут — берегут монастырь — три священника с семьями, занимаются тут же под стенами полевыми работами со своими соседями-прихожанами из окрестных деревень и совершают по праздникам службы. Вокруг население христианское, также, как и в Сохаге.

Монастырь стоит как раз на границе песков пустыни и орошаемой долины Нила: от одной стены начинается подъем по пескам к горам; от противоположной — спуск к зеленым полям.

И с внешней стороны этот белый монастырь-крепость интереснейший. Он имеет приблизительно 70 метров на 37. Углами своего удлиненного прямоугольника он расположен в точности по странам света.

То там, то здесь, стены подправлены громадными гранитными плитами или блоками песчаника или мрамора, на которых древнеязыческая гравировка фигур или иероглифов.

Но эти блоки или рассечены или положены так, чтобы языческие изображения непременно оказались вверх ногами или видны были бы одни ноги.

В стенах этого храма-крепости семь входов с пилонами, капителями, иероглифическими надписями. Три

входа были в северо-западной стене, где еще лежат у основания громадные гранитные блоки — остатки "паперти" и ступеней главного входа; в двух других стенах по два входа, а северо-восточная стена — сплошная.

Шесть фараоно - римских входов замуровано, а седьмой превращен в узенькую дверь.

Почти под стеной с главным (замурованным) входом в храм ютится коптская деревушка, носящая имя Амбы Шенуда; она из необожженного кирпича, каждое зданьице фараоновского прямоугольного стиля, но непременно с крестом над входом.

А на выгоне этой деревушки, при подходе к храму, прямо на улице, лежит наполовину ушедший в песок и мусор, громадный, отполированный блок красного гранита, весь покрытый иероглифами и рисунками.

На нем может быть рассказаны целые страницы истории или культа; им мог бы гордиться любой музей, но по распоряжению Археологического Отдела, его не должны трогать.

На верху древних стен идут в два ряда окна. На две ночи, которые мы провели в монастыре, нам отвели лучшую комнату в квартире священника во втором этаже. Из комнаты виды, которые не часто видишь в нашей обычной жизни; масса чудного сухого пустынного воздуха; в тиши ночи слышишь, как прохладный чистый воздух с гор проникает в комнату через глубокие ниши сбоку кровати.

Что это за ниши метра в полтора или более глубиною, куда я кладу свое Евангелие и кое-какие мелочи?

А почему эта стена с нишей такая, когда остальные обыкновенные, кирпичные? Ах,да! — ведь это старинная стена фараонова храма: из больших блоков песчанника, вся потемневшая, местами выщербленная, но хорошо сохранившаяся. И эти окна-ниши — окна нижнего ряда наверху стены.

В противоположной от церкви части, за современными корпусами, так разбивающими общий ансамбль и воображение, есть длинная, узкая, еще покрытая, темная зала.

По стенам украшения, ниши; впереди — совсем как алтарная часть, а высоко над ней темное отверстие в крыше.

Почти у входа в эту залу, глубокий колодезь старинной кладки. Вода прекрасная. Около колодца происходят всякие домашние работы, стирка. Постирали и наше белье; а потом вода, прямо по древним ступеням, может быть и мраморным под грязью, стекает в эту залу, уже не имеющую полов.

Я все старалась, когда могла, ускользнуть туда одна и все рассматривала, старясь что-то понять.

Накануне отъезда, при заходе солнца, обошла еще раз теперь знакомый монастырь, рассматривая и запоминая. Зашла и в эту "залу" и... замерла. — Над бывшим алтарем, через отверстие в крыше, из которого еще вчера я вспугнула птиц, проникал как бы пук или шар света заходящего солнца, который книзу спускался уже как бы лучами. Не святилище ли это заходящего солнца?

А с крыши церкви и из-под стен монастыря, видишь в недалекой Ливийской гряде, темнеющий вход в пещеру Амбы Шенуда, который под старость удалился сюда из монастыря.

Рано поутру мы отправились туда.

Подход к пещере тяжелый: из двух шагов — один скользишь назад; палка уходит в песок чуть ли не до ручки; поднимались, конечно, босыми; но вознаграждение — сама пещера; обширная, в рост человека; высеченная игуменом и его учениками для него в известняковых холмах. Ровный, обширный потолок; по стенам подобие колонн; а с полу окрестное население добывает себе известку — все изрыто. В пещере очень жарко, но зато, зимой, вероятно, тепло.

Вид отсюда на всю ширину Нильской долины: у подножия этой цепи песчаная пустыня, древний монастырь; дальше зеленеющие поля, пальмовые рощи, деревни, ленты каналов и там, и сям, блестящими кусками, полноводный в этот сезон Нил, за которым идет тоже параллельная Нилу (как и Ливийская) Аравийская цепь. Весь Египет в миниатюре.

Зато возвращение из пещеры было очень легкое: на собственных подошвах скользили по песку, как на лыжах, еле удерживая бег своими палками.

На другой день, — 1 сентября, — ходили в соседний Красный монастырь (высоченная стена его — из обожженного кирпича).

Дорога — час ходу туда и час обратно.

Отрадное впечатление от населения — копты и мусульмане — всюду занятого полевыми работами. Движение на ослах, верблюдах и, изредка, на лошадях. А молотят они или на коровах, или ручным способом: цеп наших мужиков лучше; здесь одна длинная палка. Но, как редкость, имеются уже и молотилки.

По узким, замусоренным улочкам деревушки добрались до монастыря в средине ее.

Как нам объяснили на месте — это был обширный, блестящий дворец римской императрицы Галяны, как ее здесь называют. И при дворце был воздвигнут этот храм — чудо римского искусства.

Напрягая всю свою память относительно истории, мы никак не могли догадаться, чье это имя так искажено на местный лад.

Только позже я справилась в администрации Каирского Античного Музея и оказалось... Елена! Святая Царица Елена, воздвигавшая христианские храмы по всему Востоку и всегда в форме базилики, имела дворец на краю египетской пустыни и при нем великолепный языческий по стилю храм!? В какой период ее жизни могло это быть?

Но традиция эта так сильна, что и в Белом монастыре ее нам повторили, приписывая такое блестящее прошлое, не своему монастырю, а соседнему.

Я знаю, как надо осторожно относиться к сведениям, даваемым на местах и записываю эти, с большой оговоркой, и надеясь, что более компетентные лица разберутся, есть ли историческое основание из жизни св. Елены к этой традиции?

В начале христианской эры этот храм св. аввой Псоем был приспособлен к христианской церкви.

Весь храм, хотя и похож на предыдущий, но производит впечатление более запущенного и заброшенного, чем в Белом монастыре и тем более поражает вся его художественность и утонченность и весь он более типичен и определенен.

Над алтарем, где был и языческий алтарь, полукругом те же художественные детали: ниши и колоннада. Какое это было великолепие в римские времена!

В опустевших нишах была потом роспись — изображения святых, но теперь все это почти незаметно, так же, как роспись в больших полусводах. Всюду хорошо сохранившиеся гранитные и мраморные колонны с совершенно целыми капителями и пьедесталами.

И здесь то же: сейчас внизу — старинная коптская церковь, а наверху — это величественный, хотя и запущенный и закопченный временем и дымом римский храм!

Купол был сооружен св. Псоем и сверху имеет приплюснутый вид, как и полагается в древних коптских церквах.

На крышу храма ведет древняя каменная лестница; там находилась часовня для мистерий в честь какого-то языческого божества и там же рядом потом жил авва Псой.

Показывали нам на крыше церкви незаметный вход в убежище, которое находится в пространстве между двумя сводами; настоящим и фальшивым — ведь вся страна пережила натиск ислама.

В помещении при церкви (кто знает, какое это было святилище у римлян), выложенный камнем в глубину бассейн, в котором крестили первых христиан. В последующую эпоху, в праздник Крещения Господня, бассейн этот наполнялся водой и больные, чающие исцеления, погружались в него и исцелялись.

А обширный двор весь усеян поверженными, огромными колоннами, капителями, пьедесталами. В этом монастыре с первого взгляда видишь — все создание римской эпохи.

Дорогой между двумя монастырями видели, как отметкой на меже поля между соседями, лежит то ос-

нование колонны, то громадный, обтесанный и отполированный блок.

Почти напротив Белого и Красного монастырей через Нил лежит замечательный по христианским воспоминаниям городок Ахмин. (Ахмим, как теперь произносят). Монастыри по его сторону и в некотором отдалении от него уже давно заглохли, а в городке четыре старинных церкви в память казни 5.000 христиан-мучеников при Диоклетиане. Когда воины донесли наместнику Цезаря (одряхлевший Египет стал провинцией могущественного Рима), что мечи уже притупились о шеи христиан, он повелел доканчивать христиан чем попало — топорами, мотыками.

Г. Нил — кормилец Египта.

2 сентября.

Поднимаясь вверх по течению Нила, видим все способы орошения: от Нила идут широкие, как речки, каналы и более малые; от них маленькие канальчики, из которых черпают воду уже в частные канальчики на собственные поля или наливным колесом (сакия — обыкновенное громадное колесо, с подвешенными к нему ведрами); или накручивая воду к себе Архимедовым винтом; или просто русским деревянным "журавлем" с подвесом.

Половодье Нила начинается помаленьку с мая; держится 50 дней наиболее высоким уровнем; в августе вода выше всего, а потом начинает спадать до октября и даже до ноября.

Дни наиболее высокого уровня воды, имеют прямое влияние на погоду. Египетские "хамсины" (значит, пятьдесят) с чрезвычайной жарой, горячим ветром, несущим мельчайшую пыль, и другими пертурбациями атмосферы, происходят в эти периоды поднятия воды; таких дней в сезон разлития — пятьдесят, хотя и не подряд.

По официальным известиям Нил уже третий день спадает, а он местами разлился, как широкое море; подходит к железной дороге, залил все рисовые поля и

рощицы пальм; некоторые каналы — одно с ним — беспредельная желтоватая вода, несущая благодатный, плодородный ил.

До плотины Наг-Хамади, Нил разлился совсем беспредельным морем, прорвал каналы, покрыл все окрестности, где островками торчат над водой деревни и отдельные дома; вода подходит к самым вагонам и мы из окон наблюдаем, как местами железнодорожную насыпь, очень невысокую, укрепляют землей.

Поезд идет медленнее нормального по узкой полосе среди воды, а водный горизонт с обеих сторон закрывается цепями холмов. Вот и вся узкая, благодатная долина Нила перед нами!

Но, удивительное дело! Мы так страдаем и выматываемся от жары в Каире и, главное, от влажности воздуха, в особенности в месяцы поднятия Нила, а тут, спускаясь все ближе к югу, где сегодня 41°, и окруженные водой, мы дышим легко-легко и не замечаем и признаков влажности на себе. Это сухость климата Верхнего Египта.

Опять едем по узкой ленте среди воды, но с некоторых участков вода уже спала и даже пробивается зелень.

Нильская вода... это жизненный сок Египта. Сейчас ее много, даже несколько нежелательно много. Излишек остается в резервуарах баражей, из которых потом, по мере надобности, открывают добавочную воду. А воды на поля Египта нужно много. Дожди-то у нас хоть и бывают весной и осенью, но какие это дожди?

И поэтому, сколько распрей, даже преступлений и настоящих походов клан на клан, бывает у арабов, особенно в Верхнем Египте, за то, что какая-нибудь семья пустила себе на поля воды больше, чем ей полагалось. (Воду пускают по часам).

В сезон газеты пестрят сообщениями такого рода.

И эта история не новая.

В знаменитом папирусе Ню, находящемся в Британском Музее, умерший, представший на страшное судилище, исповедуется:

"Я не запирал воду, когда ей было время течь". (на чужие поля? А. Г.)

"Я не прокапывал отвода из канала текущей воды". (к себе? А. Г.).

Теперь их прокапывают, но, так сказать, открыто, по правилам.

В этом путешествии вдоль Нила невольно опять и опять приходит на память великолепная громадная, бронзовая статуя-группа, находящаяся в Агрикультурном Музее Каира — олицетворение Кормильца-Нила. Подарок Римского папы Египту.

Мощная, благостная лежащая фигура человека, окруженная изобилием плодов земных; и по этой фигуре карабкаются, ходят, работают и покоятся крохотные человечки — дети Нила.

Предчувствую, что, благодаря тому, что едем не в туристический сезон, встретим много затруднений: горячий сезон, все заняты своими делами; но зато увидим и испытаем то, что недоступно обыкновенным туристам. Туристический сезон в Египте начинается с ноября, когда на смену жаркому, влажному лету, приходит теплая, сухая "зима".

А как крепко держится в расе древний тип. На станциях толпы феллахов (крестьян). Вот молодой парень, настоящий Ахнатон: вытянутый вверх, почти острый череп, сильно развитые губы, плоские щеки, узкие, длинные щели-глаза.

А тот совсем как базальтовый идол из музея: черный, могучий, с раскосыми, уходящими кверху разрезами глаз, характерным подбородком.

Едем опять среди воды. Мы с мужем восторгаемся, радуемся, не отходим от окна, а остальная публика, видящая из года в год эту картину, удивляется нашему удивлению.

Остался только час пути до Люксора. Опять едем медленно-медленно — укрепляют железнодорожную насыпь. Хорошо, что хлопок — пушистое, белое золото Египта, уже снят; местами работают целыми семьями

— торопятся снять остальное; но бывает, что и заливается водой и пропадает. Здесь жарче, хлопок созревает раньше, чем у нас в дельте Нила.

А черные мальчишки барахтаются в воде, как крокодилы. Настоящим-то крокодилам сюда не продраться: как от гигантской Ассуанской плотины ниже по Нилу имеется несколько меньших плотин, так и за Ассуаном, еще в Судане, имеются свои плотины и еще там, если какая мелочь из крокодилов проскочит, их легко вылавливают.

Да еще буйволы, по ноздри в мутной воде, чувствуют себя самыми счастливыми на свете.

На этом же перегоне в поезде могла случиться серьезная драма: в третьем классе поймали продавца опиума и фунтов десять этого наркотика на нем.

Налетевшая на него полиция и в форме, и в обычной арабской одежде, во-время обезоружила его и предотвратила могущее случиться убийство.

Порядочно помятого, окровавленного пропагандиста волшебных снов, сдали отряду полиции следующей станции, а поезд с запозданием пошел дальше.

Д. Стовратные Фивы: Люксор — Карнак.

3 сентября.

На месте древних великолепных стовратных Фив, на правом восточном берегу Нила, лежат Люксор и Карнак и разбросано несколько жалких деревушек, которые и незаметны среди грандиозных руин древности.

В самом Люксоре на берегу Нила стоят величественные остатки храма бога Амона.

Какая колоннада, какие перспективы, какие статуи... ворота ко входу в храм — что-то невероятно величественное; грандиозное сооружение само по себе. И все это откопано из земли и находится ниже настоящего уровня города.

У входа в храм откопанный конец аллеи сфинксов, соединявшей более значительные храмы Карнака с этим храмом. Дальнейшая часть аллеи сфинксов еще под землей.

У входа же в храм, среди непрезентабельных арабских лачуг, громоздящихся на холме, нанесенном веками (и покрывающем продолжение аллеи сфинксов), стоит обелиск розового гранита. Такие обелиски всегда стояли по два у дверей храмов.

Вспомнила документальную книжечку Шамполиона Младшего (издан. 1833 г.) о том, как **"сплавляли"** другой из этих обелисков во Францию, тот, что стоит сейчас на площади Конкорд.

Теперь я видела этот последний. Специально отправилась на площадь Конкорд, проведать Люксорского "брата". Чуждый климат не выдерживает даже гранит. Подействовало, может быть, и его временное потопление. Он довольно попорчен, и даже цвет его стал... серым.

Люксорский величественно высится между хибарками и великолепными руинами.

Парижский одиноко торчит на громадной исторической площади.

Есть египетские обелиски и в других городах Франции; также в Риме, Константинополе, Лондоне, Петербурге.

Вообще, хищничество в Египте было распространенным: и древностей и всякого рода, так как у власти стояли чужаки.

Мы еще придем сюда, к этим великолепным развалинам на берегу Нила, лучше рассмотреть и пораздумать. А сейчас в голове у меня слова Писания — реченные пророком Исаией о судьбе Египта:

"Столбы его будут сокрушены"; и завет Божий еще в Исходе, чтобы не поклонялись ложным богам, "но сокруши их, и разрушь столбы их". (гл.XIII, 24).

Эти "столбы" — не колонны, которые являются только архитектурной деталью, а именно, обелиски, как предметы культа. Это символ Ра — бога солнца и самая суживающаяся вершина обелиска в древности была покрыта листами золота, концентрировала в себе и отражала солнечные лучи, являясь символом и олицетворением самого бога.

После нашего Гелиопольского, вернее, Матарийского обелиска, недалеко от дерева Пресвятой Богородицы, это второй обелиск в Египте, который мы видим стоящим. Немного.

Развалины Карнака, на том же правом берегу Нила в 2-х километрах от Люксора — нечто такое грандиозное, что я, в качестве простой любительницы, не решаюсь об этом писать.

Это целая группа храмов, сооруженных фараонами разных эпох.

Много храмов хорошо сохранившихся, с крышами, в которых отверстия для воздуха.

Стены из огромных блоков песчаника, соединенных без цемента, идеально отесанных и подогнанных. Импозантные высочайшие и широкие ворота храмов. Стены храмов внутри и снаружи сплошь покрыты иероглифами и художественной тонкой гравировкой религиозного и исторического характера; внутри храмов часть этих гравированных рисунков еще сохранила краски деликатных оттенков.

А снаружи стены покрыты историями правления того или другого фараона в выразительных рисунках: войны, походы на судах по воде, победа (расправа с пленными).

Изящная колоннада, изображающая своими капителями эмблемы Верхнего Египта (распустившийся лотос) и Нижнего (не распустившийся бутон лотоса, так как климат холоднее).

В храме Амона Ра, для которого Люксорский храм тому же божеству был только как бы часовней, 134 колонны в 24 метра высотой.

При храме одной мощной фараонши-вдовы, громадная зала-сокровищница и на внешних стенах залы перечислены все сокровища владелицы, лежавшие там.

Среди этих капищ, с их запустевшей мерзостью, лишний раз вспомнишь учение Христа о том, что не нужно собирать земные сокровища; вернее, древние забыли те соответствующие моральные требования, которые присущи и их религии; а здесь, повидимому,

религия предписывала или покровительствовала противоположному.

Среди храмов и их развалин стоят два очень хороших обелиска. Эти два Карнакские самые лучшие, высочайшие, великолепно сохранившиеся, из сайенского (Ассуанского) розового гранита, с прекрасной отчетливой гравировкой на них.

Еще не так давно, считая египетским темпом времени, в Карнаке их стояло четыре, но от одного осталось только основание и еще один лежит поверженный.

Наш Матарийский самый скромный. Итак, пророчество Исаии исполнилось пунктуально; обелисков в Египте было многое множество, как эмблем самого распространенного культа.

Наконец, в стороне от этих руин и уцелевших храмов находится огромный четырехугольный пруд, сооруженный как бы по последнему слову техники. Сейчас, во время поднятия Нила, он несколько наполнен подпочвенной водой, а как и откуда наполнялся тогда, можно только предполагать. В расцвете языческого культа на этом пруде совершались религиозные мистерии и омовения народа.

Мы обратили внимание на испорченные изображения фараонов и фараонш, когда вся фигура тщательно выбита и выколуплена и даже имя стерто — страшное древнее наказание.

А в одной "зале" на колоннах почти стертые, но распознаваемые изображения в красках Иисуса Христа и Девы Марии — это уже в римский период — христиане.

В Карнаке раскопана теперь и с этого конца аллея сфинксов, соединяющая храмы Люксора и Карнака, т. е. разные части древних стовратных Фив.

Египетские иероглифы написаны и читаются в трех смыслах: показательном, символическом и сокровенном. Два последние смысла всегда были доступны только посвященным.

А я ходила и видела все, как представлено в фигурах и сценах и как понимал их простой народ в свое

время, которому тоже доступно было только это показательное обозначение.

И все-таки я видела, что языческая религия, которая доходила до высокого нравственного уровня, под влиянием видоизменений в культах, по воле могущественных фараонов, постепенно приходила к упадку.

В другой исповеди скриба Ибсени (тоже находящейся в Британском Музее), умерший защищает себя: "Я не совершил никакого греха против нравственности".

А к началу христианской эры именно нечистота нравов и подготовила многочисленный сонм подвижников, устрашенных греховностью языческого мира. Культ Изиды, например, выродился так, что не имел ничего общего с прежними требованиями морали.

Помимо Божественного откровения, данного Самим Богом человеку и неясно светившего из тьмы веков, у древних египтян не было ни еврейских пророков, будивших народ свой и старавшихся привести его к Истинному Богу, ни простого и определенного учения Христа, одного для всех, ни заветов Единой Апостольской Соборной Церкви, данных один раз навсегда: "стойте и держите предания, им же научистеся или словом, или посланием нашим..."

Медленно вез нас извозчик обратно берегом Нила, который опять второй день поднимается, значит, в истоках опять прошли дожди.

Здесь Нил особенно величествен и как-то "серьезен" и только мальчишки и буйволы, не считаясь ни с чем, запросто, с удовольствием барахтаются у берега.

Даже глинобитные голубятни в деревнях вокруг Карнака и Люксора в фараоновом стиле, стоят, как небольшие древние храмы, облепленные голубями.

Жара стоит невыносимая. Вода в кранах горячая.

Е. Монастырь Старца (св. Пахомия Великого).

Географически и исторически Египет всегда разделялся на Верхний и Нижний. Верхняя Фиваида в верхнем Египте вокруг Фив, а Нижняя Фиваида соответствует некоторой средней части Египта, не доходя до дельты.

Коптский Архиерей в Люксоре очень радушно нас принял и оказался очень добрым. Он назначил священника о. Георгия, сопровождать нас завтра в монастырь св. Пахомия. Это достаточно далеко за Люксором и автомобиль туда стоит дорого, особенно теперь, во время разлития Нила, когда могут быть всякие неожиданности.

Мы, как всегда в этой поездке, урезываем себя во всем, но берем, когда нужно, автомобиль. Сколько здесь монастырей заглохших, стоящих в отдалении от путей; сколько уже разрушенных.

Большинство монастырских священников, которых мы встречали в этом путешествии, довольно образованы или хорошо образованы.

А раньше, при едва грамотных священниках, коптов соблазняли со всех сторон: и католики, и протестанты — паства меняла веру за незначительные блага жизни.

Но здесь, в Верхней Фиваиде копты более у себя, крепче держатся своей веры и чувствуют неразрывную связь с великими подвижниками первых веков христианства.

Св. Пахомий Великий был уроженцем этих мест. Родители его были ярые язычники, которые посещая все капища округа, брали с собой и мальчика. В этих-то местах как раз и процветал разнузданный к тому времени культ богини Хатор с продолжительными карнавалами и бесстыдными мистериями.

Чистый, честный, скромный и умный отрок, сопровождая родителей, наблюдал все вокруг него и душа его переполнялась недоумением и отвращением. Рассказывают, что однажды старый жрец, при виде отрока Пахомия, пришел в ярость и предсказал, что он будет непримиримым врагом их богов.

Египет стал к тому времени провинцией Рима и в императорские войска набирались солдаты и отсюда.

В 20 лет Пахомий стал солдатом. Всех солдат провинции, погрузив на баржи, сплавили в Эсну и там... голодных и усталых разместили по тюрьмам. Вечером многие из жителей явились с утешением, накормили

и напоили их. Это был христиане. Умный и честный отрок по поступкам их делал свои заключения об их религии.

В армии его уважали и солдаты-христиане. А после демобилизации он принял крещение. А монахом его сделал авва Палемон, анахорет Фивейской пустыни.

В то время Фиваида заселялась тысячами отшельников христиан, но каждый из них, живя близко друг от друга, спасался по своему разумению.

Св. Пахомий, как и все великие аскеты испытал ужаснейшие искушения нечистой силы и только выйдя победителем из этой борьбы Божественным Промыслом и моральной поддержкой некоторых Фивейских старцев, предвидевших в нем орудие Господа, он почувствовал себя способным взять на себя заботу об их объединении и установлении правил их жизни.

В основываемых им монастырях, каждый, вместо истощения постом своей плоти, мог есть согласно своим силам. Но не запрещалось налагать на себя и исключительные посты. Однако, каждый должен был работать. Работа была такая, материала для которой было кругом много: плетение на продажу циновок и корзин из пальмовых листьев, ветвей и камыша.

Лукошки, циновки и корзинки — существеннейшая часть в обиходе населения Египта и до сих пор. Предписывалась одинаковая одежда, общие молитвы и молитвы в кельях.

Так как монахов было тысячи, то введена была иерархия, с распределением на группы, с людьми подходящими к каждой группе, так как во вступлении в монастырь никому не отказывалось.

Для больных отделена была больница; для странников — странноприимница.

Посылались монахи и для сбора, чтобы отчасти помогать монастырям.

Сам св. Пахомий, помимо своих административных забот, находил силы прислуживать братии за трапезой, сам же приготовлял и овощи.

При разнообразном составе монашества, когда большинство были вчерашние идолопоклонники с гру-

бейшими нравами, св. Пахомию приходилось и увещевать, исправлять и даже наказывать. И особенно уберегал и предостерегал он братию от еретиков.

Бедность и бессребренность в монастырях доходила до того, что многие, вступившие в монастырь в ранней юности, не знали цвета серебра и золота.

4 сентября.

Можно себе представить, с каким трепетом душевным, приближались мы к первому в нашем паломничестве, монастырю св. Пахомия или, как здесь его называют: Дейр-эль-Шаиб — монастырь Старца; и притом в самом сердце Фиваиды. Св. Пахомий и жил здесь, но потом ушел в Эдфу, где также основал монастырь.

Монастырь старый-старый из кирпича, а стены вокруг из необожженного кирпича.Кирпичные купола, как опрокинутые плоские чаши.

Перед церковью старые деревья из породы мимоз с длинными стручками.

Церковь внутри длинная, но не в форме базилики, а алтари-пределы расположены по длинной боковой стороне на восток.

Приделы во имя Владычицы (Адра, как здесь называют всегда Пресвятую Богородицу), св. Пахомия, св. Антония Великого и св. Макария Великого.

Отдельно придел св. Георгия Победоносца.

Семья настоятеля этого монастыря о. Георгия, который нас сопровождает, триста лет ведает этим монастырем и он 28-ой священник из этой семьи.

Церковь старинная, простая, с древними низкими сводами, выбелена внутри. Икон почти нет, может быть привозятся к праздникам.

Каменная купель и другая, найденная в другом разрушенном монастыре, как большие каменные чаши.

Всюду старинные деревянные, огромные, замысловатые замки, пожалуй, не уступающие теперешним Йель (Yale), даже запираются автоматически. Общее впечатление от монастыря: старинный, запущенный, бедный и настоящий.

К празднику св. Пахомия Великого 14-го башанс по коптскому календарю (22 мая) — день смерти святого Пахомия, и к службам по праздникам постов стекается масса народу со всей окрестности. Тогда монастырь приукрашивается (по простому коптскому понятию); люди побогаче везут хлеб и прочую еду и всех угощают — общие трапезы.

Расписались в книге посетителей. Там и норвежец, и англичанин; немцы и австрийцы; и свои копты, и даже арабы.

Один англичанин во время последней войны, три года не знал о своем брате и нашел его подпись здесь в книге.

При монастыре школа для коптских детей. Учат читать, писать и говорить по-коптски и по-арабски; арифметике и Закону Божию. Сидят в классе на циновках, поджав под себя ноги. Девочки и мальчики. Сейчас "класс" под стеной церкви на циновках в тени акаций. И малыши были очень довольны перерыву урока ради нас — гостей и фотографированию.

Михаил (у них это имя так и произносится) босоногий "моаллем" (учитель, мастер, как бывали у нас "мастерицы" грамоты в старообрядческих школах при "скитах"), в простой галабии, с головой, замотанной белым, но с умным, культурным лицом, показывал нам свои книги: толстые тома, переписанные им от руки в красках —священные тексты, молитвы, псалмы и пр., параллельно на трех языках: коптском, арабском и греческом. Повидимому, жизнь в пустыне и теперь располагает к такому роду работ.

Около монастыря большое кладбище для всего христианского Люксора, хотя в сезон разлития Нила похороны очень затрудняются.

На кладбище находится усыпальница Вильяма, привлекающая много народа.

У коптов, кроме общих христианских имен, которые чаще всего почти так и произносятся, как у других христиан и даже у русских и арабизированных имен, есть очень странные имена, как Китчнер, Цепеллин — это значит, на родителей сильное впечатление

произвели эти лица и они так записали детей вторым именем (а не фамилией). Без первого христианского имени не крестят.

Лет двадцать тому назад в Каире умер очень благонравный мальчик 13 лет Вильям (имя тоже заимствованное).

Около него были его врачи, многочисленные родственники и другие семьи. Через некоторое время покойник открыл глаза, сказал, что он видел Христа, дал наставление для жизни родителям, благословил окружающих, прибавив, что перед ним сейчас миллионы людей и он не может все говорить и умер, на этот раз совсем.

Тело перевезли сюда, на родину родителей. На стенах усыпальницы записаны свидетельства присутствовавших при кончине его и врачей.

Во времена св. Пахомия этот монастырь был в пустыне, а сейчас около него деревушки и кругом посевы.

По дороге мы видели затопленные разливом хлеба. Население привозило чиновников и было освобождено от налогов.

Опять осматривали Люксорский храм. Он обширный. В нем множество хорошо сохранившихся колонн и столпов — простые каменные столбы, не колонны и не обелиски; те и другие из песчаника.

Если колонны — эмблемы Нижнего Египта — с бутоном лотоса на верху, огромны, то колонны — эмблемы Верхнего Египта — с распустившимся лотосом, в шесть мужских обхватов.

Колоссальные статуи из красного и черного гранита, черного базальта, белого мрамора, многие из них сильно попорчены, но гравировка на их огромных пьедесталах великолепна.

Я снята у одного такого пьедестала; моя голова пришлась на уровне мизинца ноги колосса и . . . голова и мизинец почти одинаковой величины. Вход в

храм, его ворота — колоссальное сооружение само по себе, производящее большое впечатление.

Но... сколько картушей (имя, обозначенное иероглифами и заключенное в овале) на самом верху высоченных колонн основательно выщерблены и уничтожены — изъяли имя врага из Книги Жизни (загробной — вечной) — расправились!

Если я осматривала храм больше с мистической стороны, то муж обращал мое внимание на техническую сторону: знание законов статики, сопротивления материалов и пр. Никакие их знания не уберегли их от того, чтобы быть почти стертыми с лица земли.

Есть любители посещать этот храм в лунные ночи, я бы не хотела.

Говорят также, что под спокойными яркими звездами красота этого храма совершенно другого мира. Верю.

От этого храма и начинается аллея сфинксов, окончание которой мы видели вчера у храмов Карнака. Раскопки этой аллеи здесь резко обрываются у холма, на котором стоит обелиск, старинная коптская церковь и мечеть.

Мы вышли из этого леса колонн и столпов с его древним каменным населением, совсем подавленными. И какой отрадой показался нам голос муэдзина, призывающего с верха минарета на холме, к полуденной молитве Единому Богу.

Не преминули мы подняться и в христианскую церковку и рады были узнать, что она во имя св. Антония Великого, неослабно ратовавшего со всякою нечестью.

Ж. Некрополь Фив — Долина Могил Фараонов.

5 сентября.

Переправились на левый, западный, берег Нила для осмотра колоссальных некрополя и древностей Люксора в горах.

Насмотревшись на Нил в его настоящем состоянии, я думала, что у меня поджилки будут трястись

при переправе, но все оказалось спокойнее: все такие опытные, выросшие на реке и знающие все ее особенности. А так как нас сопровождал инспектор Археологического Отдела Обслуживания Древностей, то все были особенно аккуратны.

Поднялись своим берегом гораздо выше того места, куда нам надо, так как фелюку все время относило течением назад и пристали точно у места, перебравшись по доске на берег.

На противоположном Люксору берегу на канале стоит красивая деревня-модель Гурна: дома, как виллочки, мечеть — произведение искусства; входишь в деревню тенистой аллеей, пересекающей ее.

Это правительство постаралось, чтобы выселить обитателей прежних домов в горах, прямо на древних могилах; а бедные жили прямо в могилах, хотя и не фараонов, до которых им было не добраться, а в могилах поменьше и попроще, где они закапчивали и портили тоже исторические драгоценные рисунки и надписи.

Рассказывал нам любезный инспектор: "Правительство все устроило, переселило, но опять беда: этих могильных жуков нужно было приучать ко всему новому, начиная с необходимости пользоваться уборной; купаться в душах, а не ходить для этого на канал и вообще, как надо жить в настоящей квартире. Но населению эти новшества кажутся сложными и не совсем нравятся".

Между прочим, в старой Гурне, у подножия Либийской цепи, в домишках на могилах и в самих могилах, когда-то выбитых в скалах, среди ее 9.000-го населения, ютилась не только просто беднота. Здесь же ютились грабители возможных, уцелевших и еще не расхищенных могил, причем тащили они, что могли сбыть незаметно, иногда уничтожая или портя настоящие сокровища.

Есть могила, где у всех изображений на стенах выколоты глаза — это прием сторожа места, "чтобы отбить охоту у воров".

Здесь же жили прекрасные ваятели-ремесленники, фабрикуя в своих "ателье", может быть, тоже в могилах, фальшивые древности, которые наполняют магазины Люксора. (Настоящие древности, разрешенные к продаже, имеют каждая свой "паспорт").

Как-то в Каире распространились слухи, что все города египетские наводняются небольшими статуэтками, древность которых не подлежит сомнению: артистическое исполнение, небольшие следы времени, материал, идентичный материалу известных статуй. Пресса возмущалась новым хищничеством национальных сокровищ, продающихся почти открыто и еще не вызвавшем попыток правительства раскрыть банду, грабящую новооткрытые источники.

Потом толки заглохли; может быть убедились, что это процветает ателье артистов-скульпторов уже не в древней могиле, а в деревне-модель, которая построена настолько рационально, но не отступая от традиций населения, что была, наконец, "принята" ее жителями.

Идентичный материал для "древностей" там вокруг, под ногами, тот же, что был тысячелетия назад. А манера продавать из-под полы имитацию даже с надписью: Made in Germany, в Египте обычна.

От берегов Нила ехали на казенном автомобиле — кроме осликов, здесь средств передвижения нет, по крайней мере в этот сезон — вдоль канала к некрополю Фив — знаменитой Долине Могил Фараонов. Раньше здесь проходил естественный рукав Нила и у его берегов были воздвигнуты грандиозные художественные в архитектурном отношении погребальные храмы, некоторые из них еще в очень хорошем состоянии.

Сообщение из Фив в эти храмы по воде, было удобным для торжественных погребальных процессий. В одном из храмов сопровождавшие нас обратили наше внимание на узкую длинную комнату, откуда мумия фараона давно была взята, но странный запах остался до сих пор на тысячелетия — запах благовоний при бальзамировании.

Замечательно красив Дейр эль-Бахри — погребальный храм, воздвигнутый для себя той самой мощ-

ной и богатой Фивейской фараоншей-вдовой. Это была выдающаяся правительница, замечательная строительница и передовая законодательница, но коварная женщина и жена.

Выделяясь своей белой колоннадой у подножия диких и величественных красноватых гор, обожженных солнцем, раскинувшись несколькими крылами, Дейр эль-Бахри отчасти напоминает древнегреческие сооружения.

Этот белый, легкий храм, чудо-храм явился даром любви и вдохновения женщине-фараону от ее гениального архитектора и Первого Министра.

После смерти фараонши ее младший брат уничтожил здесь все, что только мог, мстя за старшего брата — мужа фараонши, чтобы изгладить ее имя и ее дела из памяти. (Но и то, и другое сохранилось).

Разбитые колонны, отполированные глыбы мрамора и гранита, какие-то части, с тех пор так и валяются в беспорядке перед храмом, напоминая о неистовстве разрушения.

Известно, что в древнем Египте в семьях фараонов практиковались браки между сестрами и братьями; потомство от этих браков было, чаще всего, рафинированное в интеллектуальном отношении и дегенерированное в физическом.

Как нечто, выходящее из ряда вон, известен брак фараона с девушкой из народа: здоровой, красивой, умной и доброй. Народ обожал эту супругу своего властителя не по требованию и положению, а по чувству и любви.

В христианскую эпоху в Дейр эль-Бахри поселились монахи, но теперь от монастыря осталось только название.

Были и другие христианские монастыри по этому рукаву Нила, но потом, с устройством плотины по Нилу, русло его, по крайней мере его рукавов, изменилось и монастыри исчезли.

Собственно могилы фараонов все, более или менее, на один лад.

Это обширнейшие помещения, прорытые в толще гор, с широкими и длинными покатыми коридорами с прихожими, со многими залами, с боковыми комнатами "для запасов" и для предметов утвари (для жизни вечной по образцу земной), с главной комнатой в глубине, для саркофага с мумией, причем бывало и еще по одной или нескольких фальшивых главных комнат, чтобы ввести в заблуждение будущих грабителей могил (а ограбление могил было "национальной индустрией" древнего Египта).

И все-таки одна из всех могил Долины Фараонов Тут-анх-Амона дошла до наших времен неограбленной. И недаром: даже теперь, проходя по верху мимо солидной железной двери внизу, можно и не обратить на нее внимания, если бы не указание, сопровождающих нас. Но сейчас эта могила оказалась запечатанной до сезона (туристического), чтобы от жары и воздуха внутренность не подверглась изменениям, как объяснил нам чиновник.

Очень кстати; чтобы у нас не было соблазна спуститься в эту могилу.

Нечего и говорить, что все стены могил фараонов, виденных нами, сплошь, всюду, начиная с коридоров, покрыты иероглафами и раскрашенными рисунками о жизни, деяниях и "заслугах" фараонов, а потолки часто представляют звездное небо.

Затем были в могилах древнеегипетской знати и придворных. Эти гораздо скромнее по размерам, но в одной, недавно открытой могиле, подробности о которой еще не опубликованы, как и самая могила еще не открыта для посетителей, мы видели такие высокохудожественные рисунки по стенам, каких в могилах более ранних эпох, (хотя и эта не очень поздней — на средине "отрытой" истории древнего Египта), когда все искусство было священно и замкнуто в определенные священные рамки, мы и не видывали.

Рисунки настолько выразительны, что кажется в вечной абсолютной тишине можно услышать и этих му-

зыкантов на стене и эти танцы, скорее — грациозный современный балет, запечатленный с натуры.

Музыка и пение сопровождали жизнь древних на всем протяжении: в религиозных мистериях, в военных походах, в похоронных процессиях и в домашнем обиходе.

Среди рисунков мелькают флейта, кларнет, арфа, лира, лютня, колокольчики, барабан и прочее.

Чтобы закончить о представлении древних египтян о будущей жизни — идеальном продолжении земной, упомяну о рисунках, виденных в других местах Египта. Рай — это место, окруженное со всех сторон водою и всюду пересеченное каналами, по которым можно плавать в лодке, когда захочешь. Тут же по берегам каналов, усопший занимается земледелием и другими своими земными работами.

Обходили другие храмы, иногда на значительном расстоянии друг от друга, иногда близко стоящими. Дворы храмов, с рядами колонн и статуями, всегда были открытыми, а на самых храмах здесь во многих местах еще сохранились потолки — громадные каменные плиты с отверстиями в них для воздуха.

В одном храме, на очень хорошо сохранившемся потолке — сплошь великолепные рисунки, разных оттенков голубого цвета — все, тоже: на религиозные и исторические темы.

Между храмами — дворы с колоннадами, каменными лестницами, комнатами — каждая часть — шедевр своего рода.

Все заботы древних были направлены на увековечение своего имени и обеспечение своего бессмертия... по образцу земной жизни. И самая скоропроходящая земная жизнь была подготовкой к вечной, жилища которой — могилы и храмы. Дворцов почти не сохранилось, но и по тем остаткам, которые мы видели, и которые гораздо скромнее храмов, можно судить о жизни древних.

Видели мы даже "ванную" комнату одной фараонши, причем, подача воды в нее была, вероятно, не ме-

нее практична, чем в наши дни, а сток и теперь виден.

Эта сторона личной и частной жизни фараонов — обычная человеческая жизнь, приближающаяся к современной.

А в сооружении храмов и "жилищ вечности" достижения их удивительны.

Если остатки ободранных храмов великолепны, то можно себе представить, каковы они были в своих свежих красках; со стенами, выложенными, где оставалось место от иероглифов и рисунков, золотом, серебром, алебастром и мрамором; даже ворота были выложены золотыми листами, а полы серебром.

Гомер, описывая Фивы, говорит, что только песок земной превосходит количеством богатства, заключенные за его ста вратами.

Торговля и война создавали сказочные богатства, которые потом смешались с зернами песка пустыни Фиваидской, из которого до сих пор еще откапывают его остатки.

И все эти колоссальные сооружения могли быть произведены только даровым трудом бесконечного количества рабов.

И среди всего этого великолепия и устремленности к вечности, на каждом шагу отвратительные доказательства страстей, зависти, ненависти, злобы.

Вот девять наций, подвластных фараону: все связаны, как одна, и лежат под сандалиями фараона; из Египта всесветно распространенное выражение — быть у кого-нибудь под башмаком; вот связанный пленный под его ногами; жертвоприношения военно-пленных; уничтожение рисунков, имени и статуй ненавистных предшественников — всюду злоба и проклятия.

Бродя иногда одна между огромными колоннами, по темным внутренним залам, между чудовищно-больших статуй и забираясь на надтреснутые крыши, я крепче прижимала к груди сумку, в которой у меня неизменно находятся образки Святителя Николая — покровителя путешествующих, образок с Синая; преп. Серафима Саровского — молитвенника за людей рус-

ских, образок с мощей Преподобного и крохотный образок св. Антония Великого.

Ходила я, смотрела и... жалела древних. — При всей своей культуре и знаниях они не знали (забыли!) единого на потребу человеку.

За некрополем, дворцом и храмом на краю пустыни стоят в сакраментальной позе, с руками на коленях Колоссы Мемнона — две статуи — близнецы высотою в многоэтажный дом. Сидят и смотрят на Нил и чего-то ждут.

Раньше, на восходе солнца они издавали поющие звуки. Теперь молчат. Попорчены. Но объяснения причин их прежнего звучания и теперешней попорченности, как-то смутны и неопределенны.

Сейчас они окружены нильской водой и возвышаются, как из озера. Мы не рискнули плыть к ним в фелюке. Сфотографировала издали. Вышли крохотными статуэтками.

Весь Верхний Египет, как музей на открытом воздухе. И при некотором знании древнеегипетской истории и личном воображении восстанавливается вся неслыханная роскошь этих храмов и необыкновенная и все-таки человеческая жизнь фараонов, возведенных в боги.

Но... у туристов бывают разные вкусы: я видела даму, сидящую в тени тысячелетних статуй, поджидающую свою группу, тоже торопящуюся в Отель к завтраку, и спокойно вязавшую пуловер или... чулок.

Вспоминается слышанный в каирском трамвае разговор двух феллахов, по выговору, из Верхнего Египта. Молодой в восхищении: "Какое движение, сколько автомобилей, какое освещение, какие здания!.." А старый в ответ :"Мало ты видел у нас в Саиде (Верхний Египет) харабы?! (рухлядь, лом), а ведь тоже, какие были здания! Ты лучше посмотри на эту крышу без столбов, построенную Аллахом (указывает на небо) — сколько стояла и, может быть, сколько еще будет стоять!"

3. Монастырь св. Пахомия Великого в Эдфу.

6 сентября. Воскресенье.

С какой радостью мы были сегодня на архиерейском служении в коптском соборе Люксора Владычицы-Богородицы. Стряхнуть с себя какой-то налет под взорами Честнейшей Херувим.

Их обедня как-то более приближается к общению первых христиан. Ипподиаконы и причетники в алтаре босые. Много поют всей церковью, но есть мужской хор и много музыки, хотя их пение и музыка странны для нашего слуха.

Не от древних ли времен эта их музыка? Тарелки, треугольники, колокольчики и даже что-то вроде систрума?

В Каире очень много церквей разных христианских исповеданий. Когда заходишь в церковь, не зная чья она, сразу можно догадаться: святые на иконах или греческого типа (если не старинные Византийские); армянского; характерно коптского, саксонского и пр., а здесь весь иконостас со святыми, почему-то чисто русского типа.

Как хрошо, что у нас в русских православных храмах лики святых не земного характера.

Единственное неудобство при посещении нами коптских церквей здесь всюду — это почет и внимание к нам, "своим единоверцам": как ни стараешься оставаться сзади незаметными, настойчиво приглашают вперед, на средину храма, поближе к архиерею, или, в других церквах, к священнику.

В Люксоре, в недорогом, удобном и спокойном отеле мы так хорошо устроились, что решили сделать его своей точкой опоры и отсюда побывать в каких возможно монастырях.

---

7 сентября.

Отправились в Эсну самым ранним поездом. Это час езды. Здесь небольшой древнеегипетский храм

(по сравнению с теми громадными храмами, которые мы видели); в форме продолговатого прямоугольника, очень хорошо сохранившийся и весь покрытый крышей; он, вырытый из земли, так и стоит ниже настоящего уровня, а наверху окружен современными улочками.

Ведь в Эсну был доставлен с другими солдатами, двадцатилетний Пахомий; здесь он увидел в настоящем свете свое новое военное положение; здесь познакомился с милосердными христианами. Тут же он, в будущем тоже основал монастырь, который называется по имени одного мученика, монастырем Фахура. Когда-то, во времена римских гонений там было страшное избиение монахов. Окрестное христианское население, услышав об этом, сбегалось толпами в монастырь заявить и себя христианами и принять венец мученический.

С трудом достигли мы со станции железной дороги городка, но там оказалось, что до монастыря нужно еще ехать четыре часа на ослах, так как такси не могут двигаться по глубоким, тонким пескам. А ослики все в полях на работах, до вечера. К тому же и священник, который живет обыкновенно в Эсне, куда-то уехал — что еще затрудняло дело. Очень огорченные, мы должны были отказаться от этого паломничества и автобусом двинулись в Эдфу.

Путешествие с толпой крикливых феллахов и феллашек оказалось утомительным, но интересным, так как мы видели страну так, как ее с железной дороги не увидишь.

Ехали по узкой Нильской долине, приближаясь то к одной ее границе — восточной цепи, то к другой — западной и заезжали в какие возможно деревушки, ссаживая пассажиров и забирая других.

Опять величественный Нил разливался перед глазами, то обширным озером, то совсем беспредельным морем — почти от одной цепи до другой. Опять по-

чти затопленные деревни среди воды, затопленные рощицы пальм.

Утомительное, хотя и интересное путешествие, зато в Эдфу были вознаграждены во всех отношениях.

Монастырь св. Пахомия, первый основанный им, как уверяют здесь копты, лежит далеко за городом у подножия Ливийской цепи. В этом монастыре св. Пахомий и умер, здесь же и похоронен.

Из Эдфу к монастырю мы ехали на извозчике по узкой дорожке вдоль канала, причем, местами извозчик-мальчишка и муж помогали лошадям вывозить из песка.

Это основной монастырь св. Пахомия, а в Люксоре, как бы его отделение; план и устройство то же: по длинной боковой стене церкви приделы с престолами св. Пахомия, Архангела Гавриила, Георгия Победоносца и Амбы Шенуда.

В углу церкви каменная детская крестильная купель, а напротив нее, в другом углу под стеной, могила св. Пахомия, отмечена небольшим, незаметным бесформенным камнем (булыжником), выступающим в углу из-под стены. Свои святыни монахи ограждали в тревожные времена всеми способами. Камень, как и стена, побелен, но видно, что он почти отполирован лобзаниями.

При входе в церковь — каменный крест еще со времени преп. Пахомия, а при входе в монастырь — большой, выдолбленный из одного камня бассейн, как чаша, для крещения взрослых, приходящих к Авве. По близости колодезь, тоже от тех времен.

Монастырь обнесен стеной из необожженного кирпича; в нем большой двор для богомольцев и много небольших отдельных дворов для животных, на которых приезжают.

Великим постом каждый день бывают службы, собирается народ со всей окрестности, приезжают и из Судана, здесь живут, едят и спят.

Абиссинцы (по-русски сказать, эфиопы), идут пешком из Абиссинии, заходят во все эти монастыри и идут дальше в Иерусалим.

Перед Великим постом все в монастыре вычищается, дворы поливаются водой, все кувшины наливаются — приготовляются.

Поднялись на горы Ливийские, которые сейчас же за стеной монастыря. В них множество пещер, большая часть которых — могилы времен фараонов. Залезли в одну, ползком на животах, отгребая песок руками; внутри она обширная и в ней три грубых каменных статуи — одно со стеной; стены в иероглифах и рисунках; то и другое неважного исполнения: или они ранней эпохи, или могилы эти незначительных персонажей.

В других могилах, служивших тоже жилищами отшельников-христиан, тоже иероглифы; но некоторые пещеры, повидимому, выдолблены позже, специально: есть большие, высокие, низкие; с удобным входом, с узким входом-лазом и много пещер таких узких и низких, что только поместиться лежащему телу человека.

Очень большое пространство горы испещрено этими пещерами: подряд, отдельно, ниже, выше — в несколько этажей.

Отшельники жили хотя и в одном месте, но отдельно, каждый спасаясь по-своему. И в это-то место пришел Авва Пахомий — орудие Бога, сосуд Божий, который объединил всех в общежительное монашество, уча их, и предписывая общие правила.

Слава Тебе, Господи! Благодарение Авве Пахомию — это место, хотя мы и не знали, именно о нем — цель нашего паломничества.

После того, языческого, что мы видели и, наверно, еще увидим, так естественно было бежать в эти пещеры!

И. Храм Горуса в Эдфу.

По дороге на станцию мы осмотрели храм Горуса, который стоит на окраине городка Эдфу. Это храм Птоломеевской эпохи. Ему только 2.200 лет (две тысячи двести) и он очень хорошо сохранился, а своими

грандиознейшими воротами виден и с Нила, и с железной дороги, и со всех окрестностей Эдфу.

Во дворе при входе в храм стоит каменная статуя Горуса — божество восходящего солнца в виде ястреба в двойной короне Верхнего и Нижнего Египта. Остатки другой такой же статуи по другую сторону входа, валяются на земле.

Красивые колонны во дворе и храме заканчиваются наверху цветами лотуса (бутонами и распустившимися), цветами пальм, папируса, бананого дерева и цветами других фруктовых деревьев Египта.

Сохранились краски на колоннах двора и храма — голубые и красные.

Многие рисунки фараонов и богов попорчены, как нам объяснили — самими римлянами, когда им пришлось уступать натиску арабов.

При входе в храм большая зала для простого народа, дальше — для более важного, потом для знати и приближенных фараона, затем для жрецов и фараона.

В самой глубине храма — громадная ниша — алтарь для статуи Горуса, пустая теперь. Ниша из цельного куска гранита и своей полировкой блестит, как серебрянная.

Перед нишей — алтарь для лодки Горуса (для его путешествий по небесному своду); оригинал лодки находится в Каирском музее, а здесь ее точная копия.

Двери из залы в зал, от ниши-алтаря до входа в храм, расширяются, образуя своего рода рупор — чтобы присутствующие во всех частях храма все слышали.

В боковом помещении храма находится Нилометр в хорошем состоянии, но сейчас в нем вода только подпочвенная, которая выступает при поднятии Нила.

По хорошо сохранившейся каменной лестнице в восточной стене храма, мы поднялись на плоскую обширную крышу и по лестнице в западной стене, спустились вниз — по солнцу, совершающему круг свой и уходящему на покой.

Так, века тому назад по этим самым ступеням поднимались и спускались в торжественной мистической процессии вслед за жрецами с священной баркой и Горусом в ней, громадные толпы экзальтированных язычников. По стенам лестницы прекрасная гравировка божественных персонажей и целых сцен: по восточной, восходящей лестнице все головы рисунков повернуты вверх — тоже поднимаются; на противоположной — все позы рисунков, спускающиеся вниз.

Свеча в фонаре в руках проводника то почти потухает, то снова разгорается и кажется, что фигуры по бокам лестницы оживают и тоже движутся с нами.

У меня в груди сильное неспокойное чувство: не враждебности, не неприязни, а какой-то нашей неуместности здесь. То я, то муж, вдруг начинаем читать вслух: "Да воскреснет Бог..." или "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф..."

Как щит к груди я прижимаю сумку с иконами, ощупываю на шее крест и образок с Иверской и Святителем Николаем и вспоминаю, что очень может быть, и даже наверное, по этим лестницам, с толпами живых поклонников ложных богов, восходил и отрок Пахомий со своими родителями, так как это недалеко от его родины.

Следовал отрок со своими родителями, смотрел, наблюдал, переживал и сравнивал.

Великолепный храм, пышные торжества, прославляющие всемогущего бога; затем оргии, объядение, пьянство, распущенность нравов, отсутствие любви и жалости между людьми.

"А где настоящий Истинный Бог, Который смог бы научить людей настоящей жизни с любовью и милосердием? А Он наверно должен существовать, так как кто-то ведь сотворил и этот великолепный закат и это прекрасное, покрывающееся близкими звездами небо?.."

Наш проводник араб, сторож храма отлично все объясняет. На мой комплимент, он ответил:

"Еще бы М-сье, Мадам, мне не знать всего. За 25 лет, что я здесь служу, сколько ученых приезжало,

сколько студенческих групп со своими профессорами; а я все около, следом; наслушался, выучился . . ."

Мой правительственный пропуск ко всем древностям Верхнего Египта ему очень импонирует и он хочет все, все показать.

Мы идем к воротам храма, занимающим всю переднюю сторону огромного прямоугольника двора храма. За стенами этого двора поверху тоже идут улицы, а храм с его двором и стенами отрыт в земле.

Эти именно ворота храма в Эдфу вошли в многие словари (и Ларусса) иллюстрацией для слова пилон (pylône).

Они высотой в 36 метров и внутри их каменная лестница в 242 ступени (и с другой стороны тоже; справа и слева). В воротах девять этажей, в которых комнаты для жрецов; наверху площадка, а затем — спуск внутри другой половины. И по лестнице, и в комнатах жрецов — летучие мыши тучей; покружатся при свете фонаря и опять где-то повиснут наверху. Ходишь по их помету, как по толстому мягкому ковру с сильным характерным запахом.

С верхней площадки ворот древние смотрели на прибывающих.

Вид оттуда на всю благодатную долину с ее державным Нилом. Полюбовались и мы великолепной картиной, расстилающейся внизу.

Почти под стенами храма широкий канал, с мостами, как через реку; дальше сверкает полноводный Нил и сколько кругом зелени, какое плодородие от цепи гор и до цепи.

Солнце огромным оранжево-красным диском почти касается гребня Ливийских холмов, расцвечивая весь запад неописуемыми нежными красками. Надо торопиться спускаться, скоро появятся звезды.

Откуда-то вспоминаются, или сами собой складываются в голове, слова:

. . ."И когда Великий Ра, совершив свой дневной путь уходит на покой, благостная Нут покрывает небо своим звездным покровом . . ."

Но взгляд, окидывая горизонт, схватывает знакомую узкую тропу, по которой мы перед этим пробирались к монастырю Великого Аввы и вспомнились пещеры, как соты в горах, куда бежали все лучшие и чистые, нашедшие Истинного Бога, от великолепия культа своих предков.

Мои взбудораженные мысли улеглись; как бы отголосок молитв подвижников долетел до меня; вздох покаяния вырвался из груди и весь пройденный нами "языческий путь" нашел какое-то оправдание.

Чтобы добраться до станции железной дороги, надо переплыть на общем пароме-барке через Нил, который все поднимается. Мы любовались рекой, послезакатной роскошью неба; наблюдали за борьбой света и теней вокруг, видели появление первых ярких звезд и не чуяли опасности напора воды, так как не знали о ней. Только позже узнали мы, насколько серьезным шагом была эта наша переправа.

А св. Пахомий как раз в этих местах, посещая свои монастыри, когда ему надо было переплыть Нил, садился на крокодила и указывал ему пальцем, куда плыть.

К. Ассуанская плотина.

Опять поездом к югу. Вокруг Люксора глинобитные или из необожженного кирпича деревни, тоже в фараоновском стиле. Часто склоны гор испещрены пещерами, видно, что здесь спасались тысячи отшельников. Опять "Венецианские деревни", как я их называю, которые сообщаются с сушей или на лодках, или по узким, высоким земляным насыпям, которые ведут из деревни в другие места. Становится еще жарче.

А вот и Ассуан, картинный городок! С одной стороны это город модерн, а местами он — уже настоящая экзотическая Африка; здесь уже Нубия и черного населения обыкновенно почти столько же, сколько и белого.

9 сентября.

Мы стоим на Ассуанской плотине. Вот оно, сердце Египта, регулирующее и гоняющее кровь организма, то есть жизненные соки — воду и плодоносный ил по всей стране через ее каналы и канальчики.

Построена плотина около 50-ти лет тому назад. Сооружение мощное в 2 километра длиною и высота ее 38 метров над нормальным уровнем воды. Сейчас открыта половина шлюзов, вода бурлит и пенится, как тонкое грязное кружево, образуя облака брызг наверху.

Благодаря этому гигантскому сооружению — достойной реплике современного Египта памятникам античных времен, население Египта избавлено от опасности времен Иосифа Прекрасного, когда после семи лет тучных, могли наступить семь лет тощих — делаются большие запасы воды и она потом пускается по мере надобности.

У древних не было плотины, были только резервуары-хранилища лишней запасной воды далеко недостаточные.

Новая добавочная плотина будет построена на 6 ½ километров выше по Нилу и высотой в 80 метров, и она позволит сделать плодородными новые огромные пространства Египта.

Одна существенная разница между грандиозными сооружениями древнего Египта и современного — тогда пользовались даровым рабским трудом, оплачивавшимся, может быть, только скудным питанием. А теперь, когда начинаются только предварительные работы для нового сооружения, Ассуан уже наводнен нанятыми и ищущими заработка людьми.

Только... уж так ли отставали древние в технике орошения земель Египта? Мы знаем, что у древних год делился на три сезона: 1) период наводнения — когда **вся** земля покрывалась водой; 2) посевы и 3) время жатвы.

В некоторых случаях встречаются указания, что такое-то сооружение стояло **выше** всякого возможного уровня воды, а все остальное — наводнялось, оставляя

всюду в полной мере свой плодоносный ил. И результаты же были!..

На стенах храмов, на памятниках, на виньетках папирусов очень часто повторяются сцены приношений даров богам или фараонам и, если это блюдо фруктов, то чего там только нет! и какие фрукты! — "Утешение сердца" ("радость сердца"), по выражению папируса.

Сейчас мы имеем в Египте только простые фрукты страны, произрастающие почти в диком состоянии; все другие — только привозные и недоступны для небогатого класса. Земледельцы жалуются — все время надо выписывать вспомогательное удобрение — земля истощается.

Да простят мне специалисты, но при сооружении новой, невиданно-мощной плотины и новых резервуаров воды, нельзя ли сделать так, чтобы добавочная вода расходилась потом по стране тоже мутной и желтой — с драгоценным илом, вместо недоступных феллахам выписных удобрений? И, после естественного благодатного наводнения, последующие месяцы вода в Ниле (и каналах) красивого зеленовато-прозрачного цвета (откуда у модниц и выражение — "платье цвета Нильской воды"), так как ил-то, остается на дне резервуаров.

Впрочем, это только голос размышляющей обывательницы, очень любящей фрукты... платонически.

В Ассуане начинается первая гряда Нильских порогов. И у самого города посреди рукавов Нила, которые тут широко раскинулись, из воды возвышаются причудливые группы скал, отдельные фантастические камни, большие острова; у плотины, даже теперь, при высоком уровне, торчат из-под воды островки; а за плотиной, с которой уже виднеется остров Филе со своим храмом, возвышаются другие, более значительные и очень значительные каменистые острова — видно, как Нил, сжатый в этом месте с двух берегов грядами гранитных холмов, пробивал себе русла среди них.

Выше Ассуана, в Вади-Хальфа находится второй Нильский порог, а потом еще четыре почти до самого Хармута в Судане.

Л. Храм Изиды и Озириса на острове Филе.

9 сентября.

Осматривали храм Изиды и Озириса на острове Филе. Из жития отшельников, святых и монахов Синайского полуострова и Фиваиды, мы знаем, что они жестоко страдали от налетов кочевников сарацин (арабов) и каких-то фантастических черных гигантов (блевисы?), которые грабили, разоряли и убивали христиан.

Эти выходцы из Эфиопии, когда-то наводнили Нубию, засели на островах вокруг острова Филе; сами приняли немилосердный культ Изиды и отсюда расправлялись с христианами.

Через пару дней мы встретились с потомками этих легендарных свирепых идолопоклонников — черными, красивыми, как женщины, так и мужчины, спокойными и порядочными обитателями-мусульманами другого острова, уже в самом Ассуане — Элефантина.

Неисповедимы пути Твои, Господи! Как Ты меняешь сердце отдельного человека, и как можешь изменить целый народ!

Храм острова Филе сооружался, дополнялся и достраивался с IV века до Р. Х. по II век по Р. Х. Строителями и поклонниками были и Египетские фараоны, и потом, Птоломеи и Римляне.

Он виден с Ассуанской плотины — сейчас же, выше по течению, в одном из рукавов.

Но сейчас Нил высокий и неспокойный, на лодке опасно и вчера лодочник у плотины, отказался нас везти. Сегодня мы доехали на поезде до конечной станции Шеллал и там перебрались на о. Филе. Тут-то я пережила порядочный страх.

Напротив о. Филе пристают к берегу пароходы Суданской железной дороги. Эту часть пути от Шеллала до Вади-Хальфа всем нужно плыть по Нилу, так как

горы сжимают берега Нила и продолжать железную дорогу по берегу было бы трудно и дорого.

Сегодня пристало подряд три парохода. Они подняли волны на этом рукаве Нила, наша старая скрипучая фелюка стала протекать и качалась на волнах, как скорлупа. Я закусила губу и сделала вид, что ничего не замечаю.

Но все-таки благополучно пристали у о. Филе.

К этому храму вели широкие каменные пристани, значительные остатки которых дают правильное представление. На одной высятся каменные ворота — вход, которые в другое время бывают под водой.

Римляне в свое время тоже попортили храм (уходя?), но все-таки он величественен; конечно, весь сплошь в иероглифах; с совершенно целой крышей из огромных каменных плит на всех частях и отделениях храма; с удобными лестницами на крышу. Вид с крыши храма на окружающие высокие каменные химеры — острова̀ — незабываем.

Величественные ворота самого храма прекрасно сохранились.

В это время года нам удалось видеть то, чего туристы никогда не видят, так как десять месяцев в году остров и храм до верху залиты водой (сам остров плоский) — виден только верх ворот и лотосы на капителях колонн.

В июле месяце, когда из-за напора прибывшей с верховьев воды, шлюзы постепенно открываются, вода с острова начинает спадать и храм выходит из воды и только несколько дней тому назад полы храма просохли, а почва острова влажноватая, растрескавшаяся, уже покрылась зеленью. Так мы и ходим по этой хрустящей под ногами тине, проваливаясь иногда туфлями в непросохших местах.

Когда шлюзы закроют, вода здесь подымается и уже не походишь.

А в те далекие века и до тех пор, пока плотин по Нилу не было, храм Изиды всегда возвышался надо всем.

Теперь, когда сооружение новой Ассуанской плоти-

ны стало проблемой, в некотором роде, международной, обострился и общий интерес, и, в особенности, интерес египтологов к судьбе прилегающих древностей и, главным образом, храма Изиды и Озириса. Еще во время нашего путешествия по этим местам, подавались проекты в Египетское правительство о переселении этого храма в другое, более надежное место.

Прокты очень поверхностных суждений. — Воспользоваться американскими методами разборки и восстановления древних камней в другом каком-нибудь месте, оставив всю историческую основу и многое связанное с этим под водою, — это способ мышления преуспевающей техники.

М. Монастырь св. Симеона Горшечника.

Главной целью нашей поездки в Ассуан, был монастырь св. Симеона Горшечника.

Настоятель этого монастыря о. Булос (Павел) рассказал нам житие его основателя; оно извлечено из древних коптских источников.

Св. Симеон был Ассуанским Епископом приблизительно 1.500 лет тому назад. Умер он 12-го кияхк (по коптскому календарю) — 21-го декабря.

Рожден христианином в богобоязненной семье и дома получил христианское воспитание.

В 18 лет хотели его женить, но он отказался под предлогом слабого здоровья.

На другой день после предложения ушел в церковь и просил Бога послать ему монашеский подвиг. Выйдя из церкви увидел похороны и пошел с ними на кладбище, где жили отшельники и монахи. После похорон остался на кладбище с монахами. Родители хотели взять его обратно, но он не пошел.

Св. Пимен Епископ Ассуанский и наставник отшельников, увидел его постничество и молитвенные подвиги и сделал его своим учеником. Через восемь лет св. Симеон отпросился уйти в пустыню и, получив разрешение, ушел и поселился в пустыне.

Он взял с собой книгу св. Антония Великого, наставления, как бороться с нечистой силою. Нечистые

одолевали его. Пришел к нему бес с мечом и хотел отрубить ему руки; св. Симеон возопил ко Господу и бес отошел.

Раз вышел поесть травы и зелени; вернувшись, нашел в пещере громадного змея, который хотел пожрать его. Он воззвал ко Господу и змей развалился на три куска.

Пошла о нем слава, и он стал исцелять приходящих. Из Сирии пришли к нему монахи для наставления.

Перед своей смертью св. Пимен назначил его своим преемником. Он поехал (поплыл) в Александрию к Патриарху Феофилу, который и утвердил его Ассуанским Епископом.

Во дни своего епископства построил этот монастырь, который жил и питался выделкой горшечной посуды.

Во всех первохристианских монастырях Фиваиды, процветало плетение корзин и циновок, так как материалу для этого: пальмовых листьев, ветвей и камыша, кругом было в изобилии, нужно было только собирать. И этот сорт работы располагал к молитве и размышлениям.

В монастыре же Симеона Горшечника, Нил, в те времена, проходил под стенами монастыря. Это было удобно для горшечной индустрии и для сбыта. А прекрасной глины кругом в изобилии.

Весь монастырь построен из обожженных кирпичей и, конечно, в стиле, который здесь всегда был знаком и удобен — фараоновском.

Управление монастыря в древности (как и теперь) было в Ассуане и путь проходил по суху.

Затем, с сооружением плотин и резервуаров, Нил отошел от монастыря на два километра; теперь он стоит без монахов и почти развален. Состоит в ведении Археологического Отдела.

10 сентября.

Были в монастыре св. Симеона Горшечника. Некоторые из наших интеллигентных попутчиков отказались сегодня переправляться через Нил, а мы, глядя на

старого спокойного лодочника нубийца, коренного жителя о. Элефантина и его крохотных сыновей, уже ловких в лодке, не видели причин бояться.

Только после, вернувшись домой, поняли: газеты каждый день приносили официальные заверения, что возможность прорыва плотин выше по Нилу, окончательно миновала и нет опасности наводнения у нас, в Нижнем Египте.

По утренней прохладе обогнули о. Элефантин (Слоновый) в удобной большой барке, лавируя по ветру, любуясь берегами, островами и отдельными группами торчащих из воды гранитных скал — отрогов Ассуанского первого порога Нила.

Наш лодочник так опытен, что знает и те камни, которые сейчас покрыты водой, и во-время и уверенно бросает приказания своим сыновьям.

Посреди Нила обогнули верхушку скалы, почти покрытую водой, с прямо стоящим на ней камнем, закругленным вверху.

Потом, с берега мы удивились неестественной форме подводного камня.

"Да, эта верхняя часть потом прибавлена. Как-то Нил был очень высокий и эта скала была под водой. На нее напоролась наполненная людьми барка общественного перевоза. И камень наверху — мусульманский памятник погибшим, да и предупреждение живым..."

Переправились на западный берег. Минут 15 или больше ходьбы по уже горячему песку, конечно, босыми ногами, так как песок очень мягок и глубок, привели нас к стенам монастыря, которые сложены и из местного камня, и из необожженного кирпича, хотя главный материал здесь — обожженный кирпич.

От большой церкви осталась только алтарная часть, с стершимися священными изображениями в полукуполе; и боковые притворы. Давно нет куполов и крыши, которые были из кирпичей же и поддерживались кирпичными колоннами, остатки которых видны и теперь. Хорошо сохранились кельи первого этажа и общежития, а наверху было еще два этажа. В кельях каменные или кирпичные ложа, по шести в каждой, для

шести монахов; у каждого ложа — маленькое углубление в стене — для личных вещей; вот и все.

Общий широкий сводчатый коридор с часовней в конце. Оригинальная трапезная: несколько кирпичных кругов сидений для шести человек, — в средину которых ставились низенькие столики для пищи.

У стены кирпичный водоем для мытья рук, с кирпичными же жолобами — стоками. Для настоятеля отдельный стол — низенькая каменная плита.

Видели кладовки для продовольствия; кухню с кирпичной печью и прочими приспособлениями; жернова для давки масла.

Стойла для верблюдов, таскавших воду из Нила. Осмотрели остатки монастырского горшечного завода с печью для обжигания горшков и прочей посуды.

Я набрала на память обожженных и необожженных черепков их изделий.

Из окон коридора монастырского корпуса видна внизу узкая, уже очень засыпанная песком лощина — тогдашнее русло Нила.

Теперь напротив Ассуана он проходит тремя широкими рукавами, отделенными друг от друга островами.

Я заглядывала и залазила во все уголки монастыря и тут сгоняла тучи летучих мышей и не знала, что здесь и теперь множество змей. Сторож не хотел пугать нас, а после рассказал, что он не оставляет в кувшинах воду, так как змеи залазят туда.

На престольный праздник съезжаются не только из окрестностей, но даже и из Судана. Привозят иконы и все нужное из Ассуана, устанавливают престол и совершают службу в полуразрушенной церкви под открытым небом. Бывают службы и по заказу.

Общее впечатление от монастыря: был благоустроенный, хорошо организованный рабочий монастырь, со строгой монашеской жизнью. По остаткам пока еще легко проследить, как жили и работали монахи, спасаясь под палящим Ассуанским солнцем, среди каменных, пышущих жаром гор.

И другая мысль неотвязная в голове: ко времени Второго Пришествия Христа, останется ли малое стадо?

На обратном пути к берегу Нила спускались уже вприпрыжку — до того был горяч песок. А сопровождавший нас сын священника рассказывает, что здесь ревматики зарывают ноги в этот горячий песок и излечиваются.

Я тоже зарылась — как горячая ванна.

Н. Другие Ассуанские древности: некрополь, каменоломни.

На этом же западном берегу осмотрели древний Ассуанский некрополь. Он виднеется с балкона нашей комнаты в отеле, прямо через Нил, лицом к городу, с двумя параллельными длиннейшими лестницами от воды вверх на гору к зияющим дверям.

Довольно легко осилили крутую гранитную лестницу. То, что с другого берега кажется передней стеной храма — это живая скала горы, довольно хорошо и ровно высеченная, и по ней стершиеся грубоватые иероглифы и рисунки. Ведь некрополь очень древний — IV династии.

Внутри погребальный храм со множеством старых колонн, которые тоже — одно с горой. В глубине храма алтарная часть типично фараоновского стиля, а в самые могилы спуск вниз.

По сторонам храма входы в другие могилы и есть пещеры без всяких иероглифов и изображений, грубее высечены — жилища отшельников.

Были на ближайших к Ассуану гранитных каменоломнях, откуда древние брали весь гранит на все свои сооружения в Египте.

У скульпторов фараоновских времен была интересная манера работать: выбрав подходящую по размеру огромную гранитную скалу, он начинал высекать нужную фигуру: фараона или божества, саркофаг или другой предмет.

Когда форма была готова, отделана, отполирована, покрыта иероглифами и изображениями, с задней стороны, прикрепляющей высеченное к целой скале, проделывались отверстия (очень близко одного к другому), в которые вставлялись палки; эти палки все время поливали водой и они, разбухая, разрывали гранит, отделяя таким образом статую, или другой предмет от скалы.

Потом эта сторона тоже полировалась (но не всегда, как мы видели — великолепная, огромная ниша-алтарь в храме Горуса в Эдфу, до сих пор блестит, как серебрянная, а задняя сторона оставлена так, как была отделена от скалы), и памятник доставлялся в нужное место.

Ассуанский красный или розовый гранит, а также серый, называется также Сайенским от древнего названия Ассуана — Сиене.

В этих каменоломнях скалы имеют на себе отпечатки отделенных предметов и пробуравлений для отделения их: пустое место — контуры предмета и по краям как бы кружево или фестоны.

Тут же громаднейший и широкий неоконченный обелиск беловатого гранита: он в лежачем положении: вчерне отделаны три стороны и суживающаяся вершина; нет еще ни полировки, ни иероглифов — во время работ в этой огромной массе оказался дефект (и даже два — у вершины и основания), пришлось работу бросить.

Так и лежит неоконченной громадиной, прикрепленной одной стороной к самой скале. Мы по нем погуляли. К нему ведет широкая гранитная лестница — еще от тех времен, для работы.

Выносливость человеческая, особенно русская, может быть очень значительной: в два часа дня, под палящим зноем Верхнего Египта, в раскаленной каменоломне, мы не очень страдали.

Чтобы сократить обратный путь (эту экскурсию за город, мы проделали вдвоем и пешком), пошли через мусульманские и христианские кладбища — унылые, обожженные солнцем каменные и кирпичные зданьица и могилы без признаков зелени, в пустыне у

подножия гранитных холмов. Устали. Жара. Жажда. Под ногами камни. Кругом камни. А в голове Евангельский стих: "И выну нощь и день в гробех и в горах бе, вопия и толкися каменьем" — про Гадаринского бесноватого, живущего в гробах (Марк V,5). Жутковато было нам, двум взрослым. Но с нами иконы, на нас кресты.

Опять поехали на конечную станцию Шеллал, что за плотиной. В получасе ходьбы от станции в гранитных холмах-отрогах находятся другие древние (и современные) каменоломни, которых здесь множество; они так и тянутся по гребню.

И здесь интересные следы древних ваятелей.

На довольно большом расстоянии друг от друга лежат две большие статуи Озириса, составляющие одно с горой.

Одна, более значительная, отделана только вчерне, но уже вполне распознаваема (по короне-тиаре); другая, меньшая, вполне кончена и уже с иероглифами на ней. Повидимому, конец чьего-то царствования и смена на троне, заставили бросить работу.

Обе, время от времени, очищаются от заносящих песков и даже несколько защищены кирпичами.

Поднимись эти каменные идолы и взгляни они своими пораженными глазами на недалекую плотину, как бы они были потрясены невероятным зрелищем — современные превзошли древних?!

11 сентября.

Были у обедни в Ассуанском коптском соборе. — Сегодня коптский Новый Год и день памяти бесчисленных египетских мучеников — жертв самого кровавого гонения — Диоклетиана.

Икон, как во многих коптских церквах, немного и те печатные и, скорее, католического стиля — дешевле и более распространяемы.

А иконостас — весь резной из тонкого хорошего дерева с перламутровой инкрустацией.

Для женщин здесь не боковые отделения, а хоры наверху, с густой деревянной решеткой.

В этом путешествии мы особенно чувствуем потребность, где можно, ходить в храм Божий.

О. Остров Элефантин.

12 сентября.

Были на острове Элефантине. Гранитная скала в воде около острова имеет естественную форму слона, откуда и название острова. Но сейчас она под водой.

Античный музей на этом острове, после Каирского, нам кажется совсем скромным.

Но в нем характерно то, что и там после предметов придинастической эпохи, сразу, без какого-то среднего уровня культуры, начинаются предметы высокой культуры.

Где средний между ними период? Был ли он? Не сразу ли появилась какая-то новая, чужая, принесенная извне, культура?

Мумия священного барана: покровителя острова Элефантина. Мумии жрецов из храмов Нубии. У одного саркофага стоит небольшая деревянная статуя мужчины с почти живыми человеческими глазами — стоит на страже здесь, как стояла в могиле.

Рядом с музеем и развалинами храма, которые оба у берега — Нилометр, для измерения уровня воды: внизу кладка фараоновских времен, потом римского периода, а потом арабского, все с соответствующими отметками-мерами.

Последними двумя — римского периода и арабского — пользуются и теперь.

После давнишнего землетрясения от храма здесь остались жалкие остатки двух эпох: древней египетской и римской.

Кладбище и саркофаги священных баранов и рядом саркофаги детей знати. Могилы самой знати мы уже видели в горах напротив Ассуана (погребальный храм на горе с двумя лестницами вверх от берега Нила).

В раскопанной из-под земли части храма много алтарей-скрыней, (как я их назвала) — для статуй и в одной оставлена в своем натуральном положении небольшая прекрасная статуя черного гранита; все остальные вынуты.

Там и сям по острову лежат громадные глыбы гранита, испещренные иероглифами.

Такие же надписи и на прибрежных скалах, и на скалах посреди реки — это завоеватели, которые отваживались пройти первую гряду Нильских порогов, оставили свои имена и деяния, в назидание потомству.

Потом бродили по острову между садами и глинобитными домишками темнокожего населения. Оно мирное, чистоплотное и приветливое.

И подумать только, что это потомки черных кровожадных чудовищ, более ужасных, чем сарацины, громившие христиан Раифы, Фарана, Синая и Фиваиды.

12 сентября.

Вечером пили чай в туземном кафе на берегу Нила.

Перед глазами звездное небо, которое спокон веков играло громадную ведущую роль в религии и культе Египта.

И вдруг, я вижу, что наверху что-то не так, не по-нашему — Большая Медведица почти на горизонте; быстро нашли направление Полярной звезды, отсчитали расстояние — и она не так-то уж высоко от горизонта! Там, где Нил, поблескивая в темноте, уходит на север и она над ним, как и полагается, но очень низко.

А у нас-то в России, эта наша Звезда Северная в это непозднее время должна находиться почти в зените?

Да, не сразу сообразили, что мы забрались все-таки далеко на юг и небо здесь какое-то и знакомое и новое.

Нил уже несколько дней убывает, на этот раз окончательно. Отроги порога все выше поднимаются из воды. Очень жарко, но по сравнению с прошедшими летними месяцами, говорят, сносно.

По нашем приезде сюда, температура была 43°, теперь только 40°. Зимой будет совсем благодать.

А что удивительно, что при всем обилии воды и жаре, воздух сухой и чистый, бодрящий.

А горячий песок здесь рекомендуется от ревматизма; только пока что по нем не походишь — жжет.

А мух по всему Египту несметное количество и они исключительно прилипчивые.

Население объясняет — это повелось от мух, которые были напущены при фараонах, как одна из казней египетских.

Завтра домой.

Святые угодники, мученики и Божии отшельники земли Египетской, молите Бога о Земле Российской и людях ее!

2. Нижняя Фиваида.

А. Монастырь св. Антония Великого.

Географически и исторически Египет всегда разделялся на Верхний и Нижний. Когда в православных Четьи-Минеях говорится о Фиваиде, то Верхняя Фиваида — это в Верхнем Египте вокруг Фив (Люксор) и выше, а Нижняя Фиваида соответствует некоторой средней части Египта, не доходя до дельты.

Египет возрастил многих славных сынов пустыни. Св. Антоний Великий, Фивейский Авва, память которого празднуется 17-го января, родился в 251 году, в исчезнувшем городке Нижней Фиваиды, на берегу Нила, приблизительно около нынешних Бени Суэф и Эль Буш; в последнем и поныне находится главное подворье, управление и пребывание Епископа монастыря.

Св. Антоний был благородного происхождения и получил в семье крепкую христианскую основу. Оставшись в двадцать лет богатым сиротой — наследником, он, по слову Евангелия продал все, что имел, раздал вырученное бедным и пожелал следовать Иисусу Христу, чтобы иметь сокровище на небесах.

Услышав на литургии слова Евангелия: "Не пецытеся убо на утрей, утренний бо собою печется: довлеет

дневи злоба его", он принял это за призыв к себе персонально, закончил все свои другие земные заботы и удалился в пустыню.

Монастырей в ту эпоху в Египте почти не было и люди, избравшие суровую подвижническую жизнь, удалялись подальше от жилых мест, куда какая-нибудь благочестивая душа приносила им время от времени какое-нибудь пропитание.

Молодой подвижник упражнялся в аскетизме под руководством старца-отшельника, весь отдаваясь молитве, умерщвлению плоти и продолжительным бдениям.

Слава о нем стала распространяться между других отшельников, во множестве удалявшихся в пустыню от грешного и развращенного современного им мира. Тяготясь вниманием к себе, он углубился еще дальше в пустыню и поселился в покинутом некрополе в пустой могиле.

Но подвиги его доставались ему не даром. Нужно знать климат страны, натуру ее уроженцев, чтобы понять, какую духовную силу имел уже юноша, чтобы противостоять соблазнам и наваждениям злого духа.

Нечистая сила применяла к нему все свои способы, вплоть до материализации и веских доказательств для предпочтения Антонием жизни в миру, как пример жизни другим христианам.

Знал враг рода человеческого, что этот подвижник, в громадной семье будущих отшельников, будет примером и поддержкой их духа и постоянства.

Оставаясь холодным к безудержным картинам, тонким соблазнам и физическим атакам злых сил, он ограждался знамением креста от сомнительных явлений.

Молодой аскет испытывал не только дневные соблазны и внушения; ночные атаки нечистой силы в могиле-жилище; соблазнительные видения в горячем воздухе под ослепительным солнцем; видел "утерянные" среди голой бесплодной пустыни драгоценные предметы, которые под знамением креста исчезали. Святой усиливал строгость своих подвигов, питаясь только

хлебом с солью и водой, зная, что пост и усталость тела — большая сила против демонов.

"Жить на пище св. Антония", — говорили мы о недостаточном питании, еще не зная жития Великого Аввы.

Только гораздо позже, когда у него было много последователей и он наставлял их в подвижничестве и руководил устройством монастырей вблизи места своего отшельничества, позволял себе великий аскет к своей постоянной пище прибавлять несколько фиников.

И эта диета не помешала ему, укрепляя его в жизни и борьбе, дожить до почтенного возраста в 105 лет.

Долгие годы борьбы с натурой и дьявольскими искушениями и "страхованиями", наложили отпечаток восторжествовавшего духа и на внешность подвижника, благородство которой мы видим на иконах.

Уча своих последователей способам сопротивляться соблазнам и искушениям, он излагал плоды своего опыта. Учил, что злой дух довольно слаб, когда знают, как его обезоружить: он боится молитв, постов, смирения, добрых дел, бежит от знамения креста.

Своих учеников св. Авва предостерегал больше всего от ересей и расколов.

К этому времени Бог дал ему силу исцелять недуги людские и, в особенности, одержимых.

Слава его росла, его осаждали приходящие за советом и из своего убежища вблизи берегов Нила, он удаляется с проходящим караваном сарацин в самую глубь пустыни к берегам Красного моря, где и находит себе место у источника и где потом возник знаменитый монастырь его имени.

Несмотря на свое тяготение к уединению, Преподобный два раза побывал в Александрии (опять достигал берегов Нила и спускался по нему вниз).

Первый раз во время возникшего там гонения на христиан при имп. Максимине.

Преподобный не мог оставаться в пустыне бездейственным, когда христиан гнали на смерть. Он подкреплял верующих и сопровождал их на страдания, но по воле Божией сам не стал мучеником крови.

Второй визит в Александрию, уже более чем столетний, Авва сделал по желанию Патриарха Александрийского и тамошних епископов в помощь их борьбе с ересями.

С апостольским авторитетом и необыкновенным пламенем святой старец доказывал еретикам, что верить в то, что Иисус Христос не Второе Лицо Божественной Ипостаси, а создание Божие — это то же, что быть язычником и преклоняться перед творением Божиим, хотя и называть себя христианином.

Пламенное слово подвижника, вернуло многие души в лоно Истинной Церкви.

Вскоре по возвращении в пустыню, Преподобный, преподав наставление братии, умер и был похоронен, по завещанию, в уединенном месте; потом мощи его были торжественно перенесены в Александрию, оттуда в Константинополь и оттуда в конце X века во Францию, где и покоятся поныне в городе Арле, недалеко от Марселя.

Монахи монастыря св. Антония, которым непереносима мысль, что мощи их Аввы могут быть в руках еретиков-католиков, считают, что могила св. Антония до сих пор осталась скрытой от людей.

Три года я собиралась посетить монастыри Нижней Фиваиды — места подвигов свв. Авв Антония и Павла. Но как и перед каждым паломничеством, складывались всяческие препятствия. По опыту я знаю, что стоит только двинуться — все будет хорошо и все будет способствовать и помогать, но на этот раз препятствия складывались исключительно упорно.

А я все заходила в ближайшую греческую церковь, где на стене, почти в натуральную величину образ св. Антония Великого и просила его, просила...

Наконец, наступил для нас момент распрощаться с Египтом. А что в Египте ценнее его христианских святынь, притягательней его безмолвной и таинственной пустыни, интересней его гор: величественных и живописных или диких и голых, но овеянных религиозными воспоминаниями?

Пути в оба монастыря вблизи Красного моря, туда и обратно 750 клм. Дорога трудная, утомительная и для людей и для машины. Стоимость автомобиля туда (такси) равна приличному месячному жалованью египетского служащего, да и для нас это было героическое решение.

В последний момент — опять препятствие. Я опять в церковь к св. Антонию, и через сутки мы, все-таки, выезжаем.

Шофер у нас очень хороший — черный суданец, бывший пограничник верблюжьей кавалерии, брат одного из тех верблюжьих кавалеристов, с которыми года три тому назад я ездила на Синай.

Шофер сразу нас предупредил, что к св. Павлу он знает каждый камень — в тех местах проходила его военная пограничная служба; а в сторону, к св. Антонию, он не знает дороги.

Но ничего, доберемся; у маяка Заафаран возьмем в проводники какого-нибудь бедуина, да и стража береговая укажет; во всяком случае, захватим побольше воды, — знаменательное тревожащее предупреждение.

У меня, конечно, большое желание подняться по берегу Нила до Бени-Суэф и оттуда прямо на восток пустынной тропой к св. Антонию — путь, которым и сам он постепенно углублялся в пустыню. Но это дело для нас трудное: составить караван хотя бы в два верблюда с двумя вожатыми, с запасами воды и пищи на несколько дней — дело для нас сложное.

А ехать на автомобиле той тропой — управление пограничной стражи туда и не пропускает меньше двух автомобилей — в случае поломки одного — выручит другой.

Пограничная стража обслуживает пустыни, прилегающие к морским путям (из-за контрабанды и наркотиков) и наблюдает за безопасностью мирных путешественников.

Египтяне, мои университетские знакомые по Синаю, поддерживают мою идею ехать от Нила: "и ближе к направлению ваших мыслей, и еще раз увидите настоящий Египет, мы уверены, что выдержите".

Съездили специально (по жел. дор.) в Бени-Суэф и Эль Буш на подворья этих монастырей, познакомились с их епископами, расспросили, посоветовались. Говорят, лучше от Каира.

Итак, едем через Суэц берегом Суэцкого залива. Там два промежуточных пункта: маяки Абу-Дарага и Заафаран, где можно найти и воду и помощь. Есть и еще маленькие обитаемые пункты.

14 мая 1954 г.

Запасшись разрешением-пропуском, выехали после рассвета по хорошей асфальтовой дороге Каир-Суэц (135 клм.), но уже на полдороге лопнула шина; переменили.

Подъехали к ставшему знаменитым (столкновениями, инцидентами и другими немирными и кровавыми происшествиями) "99-му километру" (от Каира).

Здесь начинается зона Суэцкого канала и на расстоянии нескольких шагов друг от друга стоят два часовых: египетский пограничник — стражник из верблюжьей кавалерии в своей оригинальной форме и тюрбане, черный и неподвижный, как изваяние и английский солдат в защитном берете, очень молодой, голубоглазый и загорелый, с серьезным, напряженным лицом.

У нас с собой масса документов и мы предупреждены, что надо с готовностью показать свой скудный багаж, но часовые, тот и другой, сдержанны и любезны, ничего не трогают, спокойно окидывают все взглядом.

Однако, мы никак не можем отделаться от чувства какой-то фальши положения и неуверенности.

А когда в зоне канала происходят какие-нибудь инциденты, процедура пропуска бывает сложнее, если не трагичней.

В Суэце сделали большой запас бензина и воды, хорошо починили запасную шину, позавтракали, помолились в храме св. В-мчцы Екатерины и затем, на этот раз Африканским берегом Суэцкого залива, а не Азиатским, как на Синай, достигли и стали огибать горный кряж, который подходит к самому заливу.

Эта дорога по берегу залива идет далеко на юг. Временами едем по узкому карнизу у воды, где двум машинам не разойтись, а сделаны запасные "разъезды".

Конец кряжа подходит к самой воде и как бы преграждает дорогу, но гранитная гора в свое время была аккуратно срезана взрывами и нависает над дорогой высокой перпендикулярной стеной, а залив сбоку налево искрится и сапфиром и бирюзой.

На заливе сегодня как "приемный день", он испещрен судами, идущими в обе стороны.

Противоположный берег — Синайский, едва намечается темно-лиловой возвышающейся каймой. Оставив машину у подножия горной стены, мы спускаемся к воде и бродим в ее благодатной прохладе.

Сейчас средина мая — лучшее время года в Египте, а уже и сейчас здесь местами горячий воздух поднимается кверху дымясь и вибрируя. Что же делается глубже в пустыне и в разгар лета?

Дальше горы, местами, как выкрашены охрой и такого же цвета тут хорошая новая дорога; марганец ли здесь или просто красная глина?

Проехали первый маяк на мысе Абу-Дарага, на который мы завозили на пароходике воду и съестные припасы, когда я второй раз ездила на Синай. Значит, воды здесь далеко кругом нет. И действительно, в пустыне — ни птички.

Прибыли к маяку на мысе Заафарана, тоже в безводной пустыне. От него, прямо на запад, тянется пустыня километров 40-50 шириной — Вади-Араба (Арабская долина), ограниченная с обеих сторон горными цепями.

Здесь-то, у маяка и находится ответвление дороги к монастырю св. Антония, находящемуся в этой пустыне.

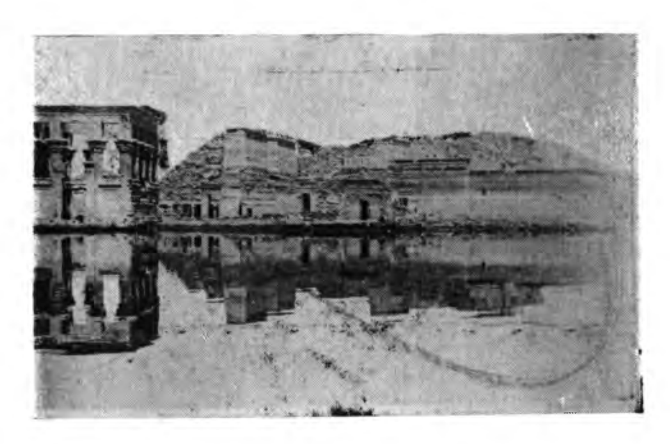
Но бедуина в провожатые взять негде, их и близко не подпускают к береговой полосе — сейчас же стакнутся с контрабандистами наркотиков. Уже проезжали мусульманскую могилу в пустыне с стоящим на ней закругленным камнем — памятником, похоронены два

Храм Горуса в Эдфу

Ассуанская плотина

Храм Изиды и Озириса на о. Филе в Ассуане

Монастырь Св. Симеона Горшечника в Ассуане, в Верхнем Египте. Теперь — полуразрушившийся и пустой. Находится в ведении Отдела Древностей

Монастырь Св. Антония Великого (снято со стены).

Общий вид монастыря Св. Павла Фивейского

Вид со стены на внутренность монастыря Св. Павла Фивейского. На первом плане — древнее убежище

Монастырь Св. Ефрема Сирина
Египет

Семья А. М. Гавриловой на лапах сфинкса. Это не Гизехский большой сфинкс, а Мемфисский (Бадрашин)

пограничника — жертвы перестрелки с контрабандистами.

А вчера, с случайным автомобилем, идущим далее на юг, сюда доставили двух монахов, а дальше, в монастырь св. Павла, никакой оказии не подвернулось, они и рискнули кратчайшей дорогой двинуться пешком.

Вернувшийся офицер пограничник, на своем верблюде устремился вслед за ними, чтобы сопровождать, а, может быть, и оказать помощь.

Оставшиеся на посту солдаты уклоняются от всяких советов и ответственности за нас, однако, уверяют, что не потеряемся: "Теперь туда не след, а улица идет; прямо, прямо на запад, надо только не пропустить ответвления влево, к монастырю"...

Я молюсь про себя: "Св. Авва Антоний, ты и при жизни принимал толпы приходящих к тебе; не прогони теперь и нас, приведи в свою святую обитель, к своему ручью..." С удивлением замечаю, что я прошу-молюсь по-арабски и вспоминаю, что св. Авва говорил со своими последователями, если не на языке иероглифов, то на его позднейшем видоизменении, то есть все-таки на древнеегипетском языке.

Оставили маяк Заафарана и море за спиной, устремляемся прямо на запад.

"Улица" оказалась отчетливым следом, разглаженным специальными тракторами — любезность, оказанная Египту одной нефтяной фирмой, имеющей прииски южнее по заливу.

Третий час дня. Солнце печет изрядно. Воздух впереди дрожит и дымится; то здесь, то там голубеют марева-миражи.

В этих местах пустынникам в горячем слепящем воздухе были всякие явления, в природе которых они, с помощью Божией, легко умели разбираться.

Впереди, через дорогу белый горячий воздух течет потоком, клубясь и волнуясь.

Мы оба и шофер зорко следим за дорогой — где будет ответвление влево к подошве цепи в монастырь; а прямой путь приведет на запад к Нилу в Бени-Суэф

и Эль-Буш к местам родины св. Антония, откуда он и пришел, постепенно углубляясь в пустыню, уходя от людей и ища подходящего уединения.

Но нам даже и в автомобиле рискованно было бы туда углубиться; бензину достаточно, воды большой бидон, а случись какая поломка — не скоро нас найдут там.

В длину эта пустыня меняет свои названия, но вся она бесплодная и почти безводная.

А в стекла нашего лимузина, в дверцы, только-только не в лица нам, летят камни, галька, пригоршни щебня. Может быть, это только наши колеса дробят, разбрасывают их с дороги?

Наш спокойный шофер часто встает и с удивлением осматривает дорогу и машину.

Не проехать бы ответвление! Но вот оно! Прямо под углом поворачивает на юг — узкий, но заметный, укатанный тракт, тоже недавно обработанный.

Слава Тебе, Господи! Спасибо, Авва Антоний! По счетчику машины до ответвления — 27 клм. Это короче, чем указывается в официальных автомобильных руководителях по Египту; может быть, расчищая и укатывая дорожку, ее несколько сокращали между холмов.

Еще несколько километров между разбросанными здесь отдельными холмами и вдруг, у подножия цепи гор, к которой мы катим перпендикулярно, забелели стены монастыря; из-за них темнеет зелень и высятся две белые колокольни.

И никто больше не бросает в нас камни и щебень. Солнце печет справа. Стрелка моего компаса указывает прямо на юг и дорожка бежит прямо к стенам.

Еще 21 клм. по счетчику от ответвления дорожки, а всего от маяка Заафарана 48 клм., а раньше насчитывали и все 60 — так вилась тропа-дорожка.

На верху стены монастыря древняя резная наблюдательная галерейка, вся ажурная, она же и трап, через который раньше поднимали в корзине на канате посетителей, а теперь внизу широкие, обитые железом ворота.

Наверху, около трапа, колокол; долго дергаем за веревку, звоним; ждем, опять звоним. С галерейки нас осматривают; долго переговариваемся через толщу ворот, долго ждем. Наконец, ворота приоткрывают, читают наши рекомендации и ласково впускают. Помогают вкатить и автомобиль.

Настоятель обители сразу повел нас всюду. В монастыре 70 монахов; 40 живут здесь, а остальные разбросаны по другим местам, зависящим от монастыря: в Верхнем Египте; в Каире; в других местах Нижнего Египта; в Иерусалиме (где коптский монастырь, зависящий от монастыря св. Антония, находится позади "Русских Раскопок", что при "Судных Вратах").

Св. Антоний прожил 70 лет на этом месте, с тех пор, как спустился сюда совсем, из своей пещеры — вон там, за стеной монастыря, высоко на горе.

Идем сначала в маленькую древнюю церковь, "построенную при помощи Ангела" самим святым Аввой в честь Владычицы Богородицы.

Церковка хоть может быть и несколько... не запущена, не обветшала, а не блещет чистотой и очень древняя, но в очень хорошем состоянии: "Построена не просто человеческими руками и усилиями", объясняет нам настоятель. По смерти св. Антония она стала называться его именем.

Через косые оконца-прорезы без стекол наверху — от дождей потеки по стенам. Видно, и птицы влетают сюда и, может быть, монахи тут тоже насыпают зерно для благословения.

По стенам остатки фресок, писанных еще при св. Антонии. Налево у алтаря большой, еще распознаваемый образ Владычицы с Младенцем на груди.

А направо — маленькая часовенка, в которой молился и проводил все время сам Авва.

Она вся в великолепных фресках византийского стиля, очень ясных и теперь.

"Новый" большой храм, которому более 16-ти веков, воздвигнут последователями умершего Аввы во имя свв. Апостолов — довольно большой, трехпрестольный, как всегда коптские церкви; сама церковь в

три отделения, отгороженных ажурными деревянными перегородками.

Дальше в саду, среди пальмовых и масличных деревьев, низенькая церковка под девятью плосковатыми куполами , которые характерны для коптских церквей. Церковка в честь св. Марка "малого", как пояснили нам монахи. Уже после св. Антония, на этом месте прожил 120 лет подвижник Марк и 400 лет тому назад умер праведником.

Около трехпрестольного алтаря слева и могила Аввы Марка внизу под высоким каменным надгробием.

Эта церковка "новая" (воздвигнута тогда же 400 лет тому назад), а уже стареет — создана просто человеческими руками, — пояснили монахи, не сравнить с хорошо сохранившейся церковкой, строенной св. Антонием при помощи Ангела.

В саду у стены, неоконченная церковь под двенадцатью куполами во имя св. Антония; и неоконченная же во имя св. Павла Фивейского под одной из колоколен.

Весь строительный материал здесь — камень и глина. Из них стены двенадцатиметровой высоты, церкви, кельи.

Весь монастырь как городок с улочками, переходами, со строеньицами в два и три этажа — это кельи для монахов и хозяйственные помещения. Всюду огромные деревянные замки и ключи.

Древнее убежище от нападений кочевников-арабов в два отдельных высоких здания, соединенных подъемным мостом.

И, наконец, через весь сад, где, кроме пальм и маслин, растут рожковые деревья, гранатовые, эвкалипты, вьются виноградные лозы, идем к южной стене монастыря, совсем притиснутой к горам, к источнику великого отшельника.

Вот он, под деревянным навесом с крестом: несколько маленьких бассейнов, аккуратно выдобленных в камне и сообщающихся между собою.

Источник, из которого пил Великий отшельник, его ученики и последователи и все множество прихо-

дящих к нему и приходивших на это место столетиями после него.

Вода переливается из бассейна в бассейн, а в них течет узеньким ручейком из аккуратно высеченного хода, идущего в самую глубь скалы-горы, который продолжается и за стеной.

Наклоняемся над бассейнами, пригоршнями черпаем прохладную, чуть солоноватую воду, пьем и умываемся. Потом, со свечами в руках, осторожно, согнувшись пробираемся вглубь хода до поворота, а ход и ручей идут и дальше.

Ручеек тоненький, нежный и еле журчащий, но он делает возможным существование этого цветущего оазиса в знойной пустыне.

Рядом большой каменный бассейн-цистерна, в которой и собирают воду ручейка для нужд монастыря, выпуская в известные часы по канальчикам для поливки сада и огородных грядок, находящихся у другой стены.

Потом я приходила одна к ручейку Аввы, подумать, помолиться, перенестись мыслью в другие века.

Как там тихо-тихо. А ручеек такой тоненький и тоже тихий, что еле разобрать его шепот.

Звон к вечерне. То есть на этот раз было просто чтение и пение псалмов и Евангелия. Читают почти исключительно по-коптски и очень мало по-арабски.

По просвещении Египта христианством для древнеегипетского языка того времени был заимствован греческий алфавит (с прибавлением семи букв, взятых из древнеегипетских иероглифов) и были введены в богослужение некоторые греческие слова, поэтому мы изредка и из коптского чтения понимали отдельные слова и догадывались о чем читают.

Церковь — "новая" большая, слабо освещенная свечами (хотя теперь есть и электричество). Священники, монахи и мы оставили свою обувь у входа и стоим на циновках и коврах; монахи во время службы иногда садятся, скрестив ноги, на циновки и молятся вполголоса. Часто поют хором. Впечатление какой-то первохристианской службы. Земные обычные инте-

ресы потускнели и душа погружается в другую атмосферу.

Перед алтарем, на возвышении, большой образ Воскресения Христова, определенно русский и очень известный нам. Настоятель после говорил: "Да ведь раньше-то и сюда русские приезжали; и, как всюду на православный восток, везли свое золото; мешками везли!"

Довольно часто бывая и в Египте, и вообще на Востоке в святых местах, я предпочитаю оставлять в помощь церкви, за приют-за ласку, а часто и за прокормление, не засаленными кредитками, а хотя и крохотные суммы, но новым блестящим серебром. Экономлю его, отбираю, а иногда и чищу, и для удобства в путешествии, и при оставлении в монастырях, кладу в малюсенькие мешочки. Привезла и сюда такие мешочки и рада была узнать, что я нечаянно и бессознательно являюсь, в посильной мере, продолжательницей прежней традиции русских поклонников. Отец Ашайя (Исайя) настоятель, конечно, не знал этого моего обычая, вспоминая прежних русских паломников.

После службы тороплюсь в паломнический корпус, в свою комнату — уже темнеет, надо покормить шофера. Он черный суданец, настоящий правоверный мусульманин, а у них сейчас Рамадан — пост, едят и пьют они только ночью. Многие мусульмане в Египте уже не держат постов; иные открыто, иные скрывают — притворяются. Есть и худшие — по всякому поводу грозят: "Молчи, не зли меня, — я пощусь, я сейчас могу то-то и то-то; да я тебя . . ."

А держащим пост, в такую жару, действительно трудно без воды.

Еще дома мы предупредили шофера, чтобы он не беспокоился о пище, я заберу на троих. Мы в Суэце хоть легко позавтракали, а он с ночи не ел, не пил.

Есть-то и нам не хотелось, а чай из бутылок, наш обычный "дорожный" — крепкий, чуть подкисленный и чуть сладкий, мы пили, стараясь это делать изредка и не на глазах шофера. А теперь скорей-скорей раз-

ложила, приготовила ему все и отделила часть поесть и еще раз до рассвета.

А потом и сами поужинали, да и батюшек угостили "городским".

Ох, какой длинный, счастливо-утомительный день! Сколько переживаний и впечатлений. Хорошо, что все благополучно. Все хорошие, человечные. Все отлично понимаем друг друга, несмотря на разницу культур, ни, даже, религий.

А теперь спать, спать! До рассвета будет служба; обещали прийти за нами, разбудить.

Но среди ночи мы с мужем разбудили друг друга и вышли на балкон и на крышу гостиничного здания полюбоваться феерическим видом.

Почти полная луна обливает светом сад, делая его еще темнее и гуще; белые колокольни кажутся еще белее и высятся, как видения. Перистые вершины пальм не шелохнутся и вокруг ни звука. Таинственная тишина, таинственный оазис-монастырь.

Со стены монастыря пустыня Вади Араба ширится до своей северной цепи вся завороженная лунным сиянием.

Днем, в жару я не снимаю жакета, чтобы не показываться с короткими рукавами; идя в церковь, покрываю голову; а сейчас мы, кое-как одетые, дрожим от бодрящей прохлады, пьем чистый воздух, бродим и грезим вокруг своей белой гостиницы.

Служба до рассвета; ступеньки перед церковными дверями уже уставлены снятой обувью; в полумраке церкви монахи сидят на циновках, поджавши под себя ноги и при тусклом свете свечи каждый читает Писание; другие, стоя за аналоем, читают и поют. Мы тоже прочитали по-русски вслух молитву и спели Христос Воскресе (священник подал нам знак).

После службы чай с хлебом, а потом опять звон в церковь. К 6-ти часам служба кончается и мы в сопровождении молодого священника, выходим из монастыря, чтобы подняться на гору в пещеру св. Антония.

Тропинка в высшей степени трудная, по ней ходил св. Антоний; монастырь подправляет ее, но она покрывается осыпающимся камнем и, может быть, остается такой же тяжелой, как при жизни Аввы. Мы совсем задыхаемся и поднимаемся туда больше часу, часто оглядываясь на монастырь и пустыню, освещенную восходящим солнцем.

Пещера почти на вершине горы, входа и не заметно. Лаз в нее глубокий и узкий — боком, согнувшись, протиснуться человеку, но в глубине просторная и сухая пещера и даже с отверстием наверху куда-то наружу — для воздуха. Монах говорит: "Ангел Господен и привел Авву сюда, а человеку и не выбрать, и не найти такого места".

Пещера от лаза идет в глубину и в нее длинный резкий спуск, который мы осилили под руководством монаха и при свечах. Конечно, обувь свою все оставили снаружи у входа. Здесь жил, подвизался и молился великий Авва. К восточной стене прислонен престол с деревянным ковчежцем на нем; мы разложили привезенные свои иконы: свв. Антония, Николая Чудотворца, Преподобного Серафима.

Иеромонах быстро раздул кадило и начал служить на коптском языке. А потом мы молились и пели по-русски.

При свечах стены пещеры блестят кусочками слюды, а под престолом в темноте особенный блеск, оттуда я и набрала камешков для себя.

Воздуху в этой глубокой пещере много, но все-таки мы, наконец, поднимаемся наверх.

Мне захотелось вернуться, побыть в глубине одной хоть несколько минут; сгорбившись, согнувшись вдвое, пробралась по длинному лазу до спуска, о котором не забыла, приготовилась осилить его при свете своей свечи и... сорвалась. Успела подумать — увечье? и грохнулась на пол пещеры, покрытой песком и циновкой. О стены ударилась не головой, а ногами. Зажгла потухшую при падении свечу. Помолилась, посидела на полу, отошла. Сама и вылезла.

Не знаю, услышали ли бы меня снаружи? На свету увидели: вся рука ободрана, окровавлена; здесь и там огромнейшие уже черные синяки и... больше ничего, совсем здорова.

Муж даже утешил меня: и хорошо, а я даже и этого не испытал...

Сбоку лаза в пещеру св. Антоний разравнял себе "балкончик" и огородил его камнями; этот барьерчик монахи и теперь подправляют. Здесь святой отшельник и плел свои корзинки и лукошки из пальмовых листьев. Посидели и мы здесь. Какое место для созерцания Божьего мира! И для размышлений о величии Творца!

Гораздо ниже св. Антония, просто под отвесом скалы спасался его ученик Павел. Это не преп. Павел Фивейский, в монастырь которого мы завтра двинемся, а Павел "Зугаер" (зугаер — по-арабски — маленький, простой) — Павел Препростой (4 октября).

Время от времени, Преподобный и его ученик спускались к источнику, набирали воды и пальмовых листьев. А ученик Павел с готовыми корзинами и лукошками уходил к обитаемым местам и продавал, или, может быть, прямо обменивал на хлеб их изделия и ели они здесь в день по кусочку хлеба с солью, запивая водой.

— Мы-то ведь как едим! — с сокрушением прервал себя иеромонах, вспомнив скромную монашескую трапезу.

Гораздо позже святой Старец совсем спустился к источнику и построил здесь церковь, а после него возник вокруг нее монастырь.

Монахи монастыря совершают несколько раз в году службу в пещере св. Антония. Возвращаясь в обитель, они обыкновенно отдыхают под скалой св. Павла, пьют здесь чай и подкрепляются.

Посидели и мы под ней, выпив воды, которой запаслись из монастыря. Вид отсюда на пустыню до самой ее противоположной горной границы, замечательный.

О. Лукас, сопровождавший нас, рассказал о бедуинах, кочующих по этой пустыне.

Они не имеют палаток или каменных лачуг, шалашей из пальмовых веток, как бедуины Синайские, например, а живут тоже под скалами, как вот эта, или в пещерах, или просто в песке; такая вот скала — для них уже дворец: бедуин выроет себе яму в песке и ложится в нее голый, закрывая лицо от мух своей галабией (мужское платье до пят из ситца или бязи) и спит, весь зарывшись в песок, а скала защищает его от знойного солнца. Потом гонит свое стадо коз дальше.

Точно так же живут и шейхи их племен, хотя они уже узнали дорожку к городским банкам и держат в них по 30-40 тысяч фунтов от своих стад овец и верблюдов. Верблюды здесь, как и на Синайском полуострове — одногорбые.

Под самым монастырем жалкое бедуинское кладбище. Они несут сюда своих покойников, так как получают от монастыря для них саван и здесь же, вблизи хоронят.

Все бедуины, разумеется, мусульмане. Получают они ежедневно от монастыря по два кило муки на человека — все бедуины, кто придет сюда.

Потом мы присутствовали при раздаче муки, спускаемой в корзине через трап наверху. Веревка от корзины наматывается на мощный деревянный барабан с ручкой.

Мука с большим количеством отрубей, которые они уже сами отсеивают и кормят отрубями своих худющих собак, так необходимых им при стадах. Из остальной муки, тоже неважной, они пекут себе лепешки; другого качества муки они и не признают. Бедуины не несут никаких обязанностей относительно монастыря. И саваны, и мука — в качестве любезности монастыря, для поддержания добрососедских отношений. Ворота-то в стене сделаны только пятьдесят лет тому назад, а до того была еще опасность нападений и попыток грабежа.

В километре от монастыря есть другой источник воды, служащий для нужд бедуинов и их скота. На другом краю пустыни, у противоположной цепи гор, тоже есть вода.

Мы побывали у источника под монастырем. Там три пальмы, хотя и не гордые, а низкорослые и искривленные, и много камыша, а под ними... как болотце, с прозеленью, с тиной. А расчисть и углуби место, мог бы быть кристальный источник, как в монастыре. Но от бедуинов напрасно ожидать этого.

— Даже феллахи (египетские крестьяне, оседлые) поняли бы свою пользу и заботились бы о своем источнике, а этим все равно, — с сокрушением объяснял о. Лукас. — Есть драгоценная вода — и хорошо, а какая она...

Из животных в этой пустыне, кроме бедуинских стад, есть только газели, две породы их.

15 мая, суббота.

Вечерня идет по-коптски; Евангелие прочитано по-арабски; а мы молимся по-русски и даже находим возможность вслух помолиться и петь.

В коптских церквах для меня всегда недостает образа Святителя Николая, молитвенника за русскую землю.

За вечерней был крестный ход: обносили по церкви большой образ Воскресения Христова, о котором я упоминала: монах идет спиной, неся в руках образ, с укрепленными на нем горящими свечами; за ним с пением священник и другие монахи; несут хоругвь, на которой тоже Воскресение Христово — определенно русской работы — у меня уже достаточная опытность, хотя на хоругви надпись по-коптски.

Мы поворачиваемся лицом к проходящему крестному ходу и я вижу на другой стороне хоругви изображение Святителя Николая — для меня связь между церквами укрепилась.

На отпусте было моление (прошение) по-арабски, чтобы и мы поняли, о соединении всех восточных и **русской** церквей.

Завтра мы едем к св. Павлу Фивейскому. Когда св. Антоний Великий был уже очень стар, по откровению Божию узнал он, что невдалеке от него, всего в трех днях пути, спасается в совершенном одиночестве другой отшельник и предпринял путешествие к нему, очень трудное по тем временам и с большими лишениями; вокруг гор, пешком, будучи руководим в пути только его особой духовной силой и уменьем распознавать явления природы.

Теперь монахи ходят туда пешком прямо через горы и за 7-9 часов пути достигают другого монастыря.

Настоятель и монахи хотят угостить нас на прощание; после вечерни приготовили ужин: очень вкусный рис и очень крепкий и очень сладкий египетский чай; белые хлебцы-просфорки испеченные специально.

Перед ужином электричество погасло. Муж с монахами ушел в машинное отделение, помочь электрику монаху.

А я осталась в столовой паломничей гостиницы сторожить наш ужин от кошек. Их здесь много и они приучены охотиться на скорпионов. Укус здешнего скорпиона не опасен: укушенное место только немеет на сутки. А в зубах кошки скорпион извивается и бьется и все-таки она справляется с ним. Но кошек очевидно и на другую пищу тянет, со всех сторон подкрадываются.

Я вышла на балкон и осталась там зачарованная, забыв и про ужин и про кошек.

Все блестит в сиянии луны; сад кажется непроходимым; пальмы слегка кивают своими кружевными верхушками и надо всем неумолчный хор цикад.

Странная и неожиданная феерия оазиса в пустыне. Да и сам этот оазис кажется невероятным в пустыне, которую мы проезжали накануне.

Вспыхнуло электричество, осветив тоже красивую картину, но отняв от нее нечто мистическое.

16 мая 1954 г.

Утром отстояли литургию в большой церкви. Настоятель подарил мне иконку-фотографию с большо-

го образа Преподобных Антония и Павла Фивейских.

Провожаемые всеми монахами, после 7 час. утра выехали к св. Павлу.

Долго оборачивались на монастырь, прислоненный к подножию горной цепи. Солнце взошло и освещает восточную и северную стены и над ними две белые высокие колокольни.

Почти до конца ответвления дорожки видим обитель, а потом покатили обратно, прямо на восток, к маяку Заафарана, так как другой дороги для автомобилей к св. Павлу нет.

Благодарение святому Антонию, сподобившему нас побывать у него.

Если бы не умиление от монастыря и не воспоминания наших недавних беспокойств о дороге, мы были бы готовы немного посмеяться над собой: набрали с собой и теплое пальто, и солидный пылевик, и шерстяное одеяло, а ничего не нужно, все так просто и спокойно.

Только все-таки везем с собой большой бидон воды из источника святого отшельника.

День празднования памяти св. Антония Великого в монастыре тот же, что и у нас — 22-го Туба коптского календаря, т. е. 17-го января.

Б. Монастырь св. Павла Фивейского.

При римском импер. Деции и его преемниках, для Египта, тогда уже римской провинции, наступили неслыханные времена гонений на христиан.

Весь христианский Египет должен был поклониться идолам и получить свидетельство об этом. Такие свидетельства были находимы в Египте и одно имеется в Греко-Римском музее Александрии.

Поклоняющиеся Истинному Богу должны были прятаться, менять жилище, уходить под землю. Будущий подвижник Христов, молодой Павел, был заметной личностью по своему богатству.

Родился он около середины III века.. Он был уроженец Нижней Фиваиды, сирота и уже хороший христианин.

В начале гонения он пытался обмануть бдительность римских властей и их приспешников и скрывался у своей замужней сестры. Но зять вознамерился выдать его, чтобы завладеть всем имуществом.

22-летнему Павлу пришлось бежать в дикую безводную пустыню, чтобы там, вдали от властей, пережить тяжелое время.

Почти у берегов Красного моря (западного его залива — Суэцкого) в дикой, гористой местности, он нашел, что искал: просторную пещеру и неподалеку оживленный хрустальный ручеек, осеняемый пальмой с зрелыми плодами.

В ответвлениях пещеры он нашел ржавые монеты и молотки — это было покинутое древнее убежище фальшивомонетчиков еще времен Клеопатры Великой.

Лучшего места юноше нельзя было и пожелать, чтобы пережить, как он думал, до более благоприятных времен: он имел сухую пещеру, хорошую питьевую воду, фрукты от пальмы, одежду из ее листьев; св. Павел и изображается на иконах в одеянии сплетенном из пальмовых листьев.

Как и пророку Илии в пустыне, ворон носил отшельнику Павлу ежедневную порцию хлеба — пол лепешки.

Испытав горькое разочарование от жизни в миру, и познакомившись с созерцательной жизнью в общении с Богом, св. Павел уже не захотел вернуться в мир из своего уединения.

Он был уже более чем столетним старцем, когда другой старец — отшельник — девяностолетний Авва Антоний, живший в той же глухой пустыне Нижней Фиваиды, недалеко от него — всего в трех днях пешего пути, по откровению Божию узнал о нем и пошел на розыски этого ближайшего отшельника.

И хотя их уединенные пещеры находились по разные стороны того же, хотя и не очень высокого, но широкого горного массива, Авве Антонию, вероятно, пришлось обогнуть массив кругом до самого Красного моря, чтобы дойти за три дня до противоположной стороны.

Этим, вероятно, путем проехали и мы в автомобиле, следуя долиной до моря и огибая хребет.

В том и другом монастыре монахи говорили нам, что они доходят друг к другу за 7-9 часов пешего пути, прямо через хребет, где теперь стоят указания, как итти.

Путь кругом еще тяжелее, чем через горы. Летнее солнце отражает свои лучи от белых раскаленных скал и бросает их на пески, которые, кажется, дымятся от зноя. Ни души кругом.

Жаркая, широкая долина монастыря св. Антония; узкая, стиснутая, извилистая долина на подходе к монастырю св. Павла, как раскаленная печь.

Мерещатся ли в такой обстановке усталому путнику странные явления, невиданные животные и неведомые существа?

Мы видели эту пустыню и эту дорогу, а из жития преп. Антония знаем, какими и тут соблазнами и искушениями пытался затмить пустынника злой дух.

Теперь во всей этой части Египетской пустыни нет диких животных кроме газелей; даже лев, уроженец Африки, давно уже не встречается на свободе.

Но кто знает, какие звери и странные существа могли обитать здесь семнадцать веков тому назад?

Для св. Антония, искушенного в соблазнах и опытного в прозрении, было легко распознать эти явления и заставить их служить себе для указания дороги.

Когда свв. Отцы встретились и были в собеседовании, ворон принес хлеб, но вместо ежедневной половины — целую лепешку.

Св. Антоний по просьбе старшего старца и второй раз пришел к нему, чтобы похоронить своего нового друга, но застал его уже мертвым, хотя и стоящим на молитве.

Два великолепных льва, прибежав из пустыни, вырыли могилу своему святому соседу.

Св. Павел умер 113 лет, из которых 91 год он прожил в пустыне. Память его празднуется 15 января.

Благодаря св. Антонию христианский мир и узнал о таком уединенном отшельнике, как св. Павел.

16 мая 1954 года. Воскресенье.

Отстояв литургию в монастыре св. Антония, после 7-ми часов утра выехали в монастырь св. Павла. Надо сначала вернуться к берегу моря, к маяку Заафарана, а потом берегом Суэцкого залива на юг, по довольно хорошей дороге; нам надо доехать до ответвления береговой дороги — автомобильного следа, уходящего к западу.

А прибрежная дорога идет и дальше на юг к Рас Абу Гареб — мыс на Суэцком же заливе, где имеются нефтяные разработки.

От Заафарана по счетчику нашей машины 25 клм. до знака при дороге на ответвлении к св. Павлу, с названием этого монастыря. Дальше на запад считается еще 8 километров. Узкий след змеится, вьется по пескам, по щебню, между камнями осыпающихся гор.

Картина дикая, глухая, уединенная.

Поминутно кажется, что автомобиль упрется в гору и ему нет дальше ходу, но дорожка все-таки извивается по низу между свалившимися глыбами и проходит все дальше.

Пустынно, глухо. Никого еще не встречали. Я опять молюсь про себя: "Святый отче Павле, проведи нас к своей обители, к своему ручейку и пальме".

Проехали 10 километров. Шофер удивлен, что монастыря все нет, но вспоминает, что у них в пограничной страже, расстояния мерили верблюжьей тропой.

Мы опять думаем, что очень хорошо, что у нас есть теплая одежда, чтобы в случае чего, заночевать на дороге, и воды достаточно.

Дикая и суровая картина напоминает немного и Синай, хотя там все грандиознее и, в особенности, "Долину Могил Фараонов" в Люксоре: и цвет, и запутанность отдельных отрогов и, особенно, строение гор то же.

Едем два часа — нормальный автомобильный пробег от одного монастыря до другого в объезд. Сде-

лали 15 километров от поворота с береговой дороги. Еще одна извилина и вдруг... среди диких пустынных и совершенно голых вершин, на невысокой, как бы глиняной горе желтовато-серого цвета, неожиданно встает перед глазами монастырь, как глиняная же, желтоватая крепость, составляющая одно с горой, на которой он возвышается.

Конечно, и гора каменная, и стены монастыря-крепости, как и за ними все — каменное, но картина так живописна и своей неожиданностью, и гармоничностью дикой природы и уединенного монастыря, что вызывает крик восхищения и удивления.

Во скольких монастырях я побывала; и не только в Египте; впечатление же от этого монастыря совершенно исключительное.

Монастырь стоит на 1.500 метров над уровнем моря. Поднимаемся к воротам в стене монастыря и... крак! — машина стала, поломался кардан.

Забрали свой немногочисленный багаж и стали подниматься к воротам.

Очень долго звоним в колокол наверху. Наконец, над воротами на наблюдательной галерейке появляются монахи. Переговариваемся. Открывают. Спрашивают, что сначала: воды и кофе или в церковь? Идем скорее в церковь поклониться могиле св. Павла.

В пещере св. Павла церковь во имя его, построена еще св. Антонием; монахи считают, что церкви 1670 лет, может быть и при св. Павле здесь уже была часовня? В глубине этой большой пещеры — церкви — могила св. Павла внизу, в земле, а над ней большое мраморное надгробие в форме гроба.

В обоих посещенных нами монастырях есть иконы — напоминания о духовной дружбе двух старцев. Здесь, у могилы св. Павла большая икона: преп. Антоний приходит в пещеру к старцу Павлу; вот ворон приносит хлеб и они делят его пополам; вот св. Антоний хоронит своего новообретенного друга и брата по духу, а львы копают могилу.

С зажженными свечами преклонились перед могилой, облобызали надгробие, обошли всю церковь. От

большой пещеры четыре-пять меньших — теперь приделы. Позже церковь была расширена, но и теперь видим конец первоначальной пещеры и весь характер этой полуподземной церкви.

Внутри монастыря имеются еще три более поздние церкви — братии-то в былые века и тут было очень много.

Со стены монастыря и ее угловой башни, видны все строения еще более запутанные, чем в монастыре св. Антония; приплюснутые белые купола церквей и доминирующее над всем, древнее убежище.

Теперь скорее к ручью. Узенький ручеек тянется из глубины скалы по каменному выдолбленному ложу и наполняет у выхода небольшие, выдолбленные в камне же бассейны; пьем горстями воду, умываемся, зажигаем свечи и, согнувшись, пробираемся далеко по проходу в скале. Этот проход ручейка тянется в горе на пятнадцать метров, а глубже он вытекает из горы.

Какой он маленький и мало заметный; в темном ходе горы в тишине и не слышно его журчанья; течет ровно, светлой ниточкой, а скольких он поил! После свв. Павла и Антония его воду пили многие поколения их последователей, продолжателей духовной жизни, начатой здесь великими старцами — основателями монашества в этих местах.

А сколько в течение прежних веков здесь бывало паломников всех христианских религий, включая и русских.

Здесь в глубине скалы набрали воду в бутылочки — домой.

У выхода ослеплены солнцем; оно уже высоко и палит. Монахи, конечно, копты, ведут нас в сад, который меньше, чем в монастыре св. Антония. Тоже масличные деревья, гранатовые, пальмы.

— А где же пальма св. Павла? которая видела его самого и от которой он питался?

— А вот она лежит; еще в прошлом году мы ели с нее финики, а недели две тому назад упала, от старости. Листья с нее мы все поснимали для себя, а вам вот куски самой пальмы на память. Но ничего, вот эта

рядом — ее детка... — нежная пальмочка в половину человеческого роста, о которой видно очень заботятся.

Были и в библиотеке, пробовали читать по-коптски. Еще раз прошлась по верху стен; там еще и заграждающий наблюдателей и защитников барьер, к которому по стенам внутри монастыря узенькая, одному человеку пробраться, прижимаясь к стене, каменная же лестница. Сняла обитель сверху.

Ворота монастыря сделаны только 15 лет тому назад, а до того всех и все поднимали в корзине на веревке через трап наверху. Здесь место настолько глухое, что всегда возможны были нападения бедуинов.

Теперь же они, в случаях тяжелого заболевания в семье, приходят поклониться могиле св. Павла и верят, что исцеляются.

В монастыре уже года два-три имеется свое электричество. Но мельница для зерна с огромным жерновом, очень примитивная, но весьма действительная. Она приводится в движение мулом — большим умницей, который сегодня, в воскресенье, хотя и отдыхает, а на голоса вышел, чтобы получить свою порцию ласки.

Здесь на мельнице, в прохладе, где мы отдыхали, сами пускали и останавливали жернов и пробовали регулировку, старый монах-мельник объяснил мне значение названия монастыря Барамус в Нитрийской пустыне. Слово Барамус, испорченное греческое слово и теперь его объясняют по-разному.

— Дети кесаря Леонтия, Максим и Демедиус, возымели благую мысль построить в Нитрийской пустыне монастырь во имя Владычицы (Адра) при ближайшем участии св. Макария Великого. Царевичи, их свита и приближенные, св. Макарий, и другие лица, собрались в пустыне для обсуждения этого дела и выбора места и слово Барамус — искаженное греческое слово, обозначающее собор, совещание.

И когда монастырь и был построен на месте этого самого собрания, то и потом отшельники всей пустыни и верующие при св. Макарии туда же и собирались для обсуждения общих дел.

За это время наладили кардан нашей машины, чтобы можно было доехать до Суэца. Так как монастырь имеет два автомобиля — легковой и грузовой, то имеется и механик араб, не монах; крохотная мастерская с аккуратной доской с набором инструментов.

И в тот, и в другой монастырь из их главных подворий в Эль-Буше на Ниле и до сих пор время от времени приходят верблюжьи караваны со всем необходимым — прямо от Нила через пустыню на восток, как шли туда оба святые. Но теперь караваны ходят все реже.

Сейчас в монастыре находится его епископ, живущий в Эль-Буше. Его привозит в монастырь через Каир и Суэц несколько раз в году копт, каирский антрепренер небольшого автомобильного предприятия. Он осмотрел нашу машину.

— До Суэца дойдет. Но если в горах поломается опять, я вижу, что вы правильно собирались в путь, есть теплое, заночуете, где придется; а завтра в пять утра я выезжаю с Владыкой, мы вас и подберем по дороге. Но думаю, что вы доедете до Суэца, если не до самого Каира. Сколько лет я вожу Владыку, а поломки случаются **всегда** или при выезде — въезде в город, или у монастыря. Это уж Авва Павел заботится, бережет.

А отец эконом рассказывает:

— Только со мной был случай; поломался наш грузовик уже здесь, в горах; машина полна всем, не бросишь; три дня прошло, пока из Суэца привезли новую часть, но меня и одеждой снабдили добрые люди, и воду и еду оставили.

И нам тут угощение уже готово; не отпускает отец эконом, хотя мы говорим, что по такой жаре до Суэца не захочется есть.

Подкрепились. Еще раз в церковь-пещеру, облобызать могилу, поблагодарить Авву Павла, проститься.

А до этого были приглашены в приемную Епископа. Это пустая комната, устланная толстыми ватными матрацами, на которых сидит по-восточному Владыка.

Муж приловчился и уселся совсем прилично, скрестив под собой ноги, а я неловко приткнулась на краю матраца, скорее амазонкой, спустив на одну сторону ноги. Но Владыка, угощая нас черным кофе, и виду не подал о моем затруднении. При всей разнице наших внешних обычаев, когда встречаешь лиц из высшего коптского духовенства, чувствуешь, что знают они (по крайней мере в своей области) гораздо больше, чем с первого взгляда можно предполагать.

Чуть ли не весь монастырь вышел за стены провожать нас, потрясти автомобиль — крепок ли? Сразу за поворотом скрылся из глаз монастырь-крепость; около двух часов дня — самое пекло. Благополучно проехали трудную дорогу среди гор. На берегу моря лопнула шина, быстро переменили.

В Суэце задержались с починкой шин и заменой кардана.

Поздно вечером, через три дня после отъезда, благополучно прибыли домой. Свв. Аввы Антоний и Павел, как и при жизни своей, заботятся о приходящих к ним.

Позже, в Мадридском Национальном Художественном музее дель Прадо, я видела громадное полотно Веласкеза — Посещение св. Антонием св. Павла в Фивейской пустыне.

Как жаль, что многие, даже знаменитые художники, пишут картины, в особенности на религиозные темы, не познакомившись основательно с предметом своей темы.

Можно представить себе мое удивление и разочарование, когда я долго стояла перед этой картиной. Вокруг одного монастыря и другого, природа незабываема, но у Веласкеза все совсем другого характера. Пустыня — самое характерное в Фиваиде, а на полотне ее как-то и не видно. А горы и скалы совсем не того вида, что-то фантастическое и почти искусственное. Ручей велик, совсем не та светлая ниточка воды, журчание которой едва улавливаешь.

А у ручья Веласкеза мог бы поселиться не одино-

кий отшельник, а целое племя бедуинов со своими стадами. Встречаются свв. Аввы не под пальмой, как по Житию, а под каким-то другим деревом. У св. Павла, проведшего всю жизнь в пустыне, одежда белая, льняная, а не плетеная из пальмовых листьев, как его пишут на иконах, и как мы знаем из Жития, и как это логически предполагать, что плетя циновки, он умел сплести себе и одежду.

А облачное небо?! Когда мы его видели таким за долгие годы жизни в Египте?!

Я и высказала свои мысли лицу из администрации музея и мне лишь подтвердили, что теперь мы знаем все это, а Веласкезу неоткуда было знать ни природы, ни типов Египта, так как он никогда там не был, а так представлял себе природу Фиваиды.

Единственно верно, как по Житию: вран с целым хлебом; искушения св. Антония в пути; появление фавна, центавра; прибытие к пещере; похороны св. Павла с помощью львов. Это полотно обнимает, так сказать, оба путешествия св. Антония.

Затем у св. Антония тип египетского феллаха, а внешность его была очень благородная и к старости это усилилось: в борениях со страстями и темными силами, дух, побеждая, просвещал и плоть.

Меня никогда не удовлетворяли советы людей, более меня понимающих в искусстве: "Смотрите на художественность исполнения, технику, приемы художника"... то есть на все то, что, по-моему, должно бы ярче выражать предмет картины, а не заслонять ее правдивость.

Но зато другая большая картина — "Искушение св. Антония" фламандского художника Иеронима Бош — производит громадное впечатление: все твари вокруг, вызывающие дрожь и гадливость, порождения нечистой силы, а выражение лица св. Антония, отвлекаемого ими от св. Писания, замечательно, хотя нет в нем испуга, ни отвращения...

И это выражение, приданное ему художником, тем более удивительно, что и фигура, и лицо св. Антония на огромном полотне, очень мелкие, и все-таки...

V. НИТРИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ

1. Монастырь св. Ефрема Сирина и св. Псоя.

Туристы, едущие в Египет, обыкновенно зачарованы колоссальными руинами — остатками языческой религии и культуры страны.

Все знают о египетских храмах и пирамидах, статуях и сфинксах древности.

Но Египет был одной из первых стран, после Палестины и прилегающих к ней областей, где воссиял свет Христов. Египет весь исхожен ногами святых и полит кровью мучеников.

В 62 году по Р. Х. св. ап. Марк пришел в Египет, обосновался в Александрии, тогдашней столице страны и центре греческой культуры, и стал культивировать семена христианства, среди различных наций, заселяющих Египет.

Семя его трудов принесло богатые плоды: церкви быстро выростали по всему Египту. Вся долина Нила была покрыта ими; вверх по течению Нила и до сих пор множество старинных коптских монастырей и церквей.

Долина Вади-Натрун — Нитрийская долина покрылась целой цепью монастырей, защищенных, более или менее, от набегов труднопроходимыми болотами.

В числе сирийских монахов, прибывших в Египет для распространения христианства был св. Ефрем Сирин. Обитель, основанная этими монахами 1500-1600 лет тому назад, находится в Нитрийской пустыне (Селитровая долина), в стороне от автомобильной дороги Каир-Александрия и называется до сих пор Deirel-Surian (Сирийский монастырь). Теперь этот монастырь коптский.

Копты — христианская часть населения Египта — прямые потомки древних египтян; они сохранили и в типе, и в некоторых своих особенностях, черты своих предков. Сами копты считают, что в настоящее время их не более одного миллиона — уж очень многие были обращены в Ислам.

Другая, большая часть населения Египта — арабы — завоеватели, мусульмане.

Коптский язык не что иное, как древний египетский язык последнего периода. Теперь это язык мертвый, сохранившийся только в литургии и в богослужебных книгах. Впрочем, в Верхнем Египте, в некоторых деревнях около Люксора и Ассиута, население до сих пор говорит на коптском языке, но другого наречия — Saidic, тогда как нижне-египетское наречие коптского языка — Boharic.

В Каире и его окрестностях церковные службы у коптов, в **большей своей части,** совершаются на арабском языке, но также употребляется и коптский, как латинский у католиков.

Заинтересовавшись всеми этими данными и тем, что так недалеко от нас, хотя и в труднодоступном месте, молился, учил и трудился Святой, молитву которого мы повторяем весь Великий пост, мы решили самостоятельно добраться до этой малопосещаемой и уединенной обители.

До Rest-hous'a, находящегося на полдороге Каир-Александрия, ехали автобусом по шоссе через пустыню, а дальше, в сторону, пешком 10-12 километров.

Еще с террасы Rest-hous'a, виднеются-миражат своими крепостными стенами, такого же цвета, как окружающие пески, два близко один к другому расположенные монастыря. Мы шли на них пустыней без дороги.

И только подойдя довольно близко, различаешь зелень, поднимающуюся из-за стен и возвышающиеся надо всем кресты.

Часть пути через соляные болота и теперь довольно опасна, но ее мы прошли по твердой гати с проводником арабченком из соседней крохотной деревушки и "окна" (провал в болоте) видели только поодаль.

Потом мы узнали, что и эти "окна" не столь опасны — можно провалиться только по грудь.

За гатью опять твердый песок, а дальше сыпучий, хотя совершенно не опасный, но эти полчаса до монастыря оказались труднее всего остального пути.

Эту часть я прошла босая: в это время года, ранним утром, как мы шли, песок только теплый и приятный, а иначе, ноги в туфлях, насыпанных песком, не подымешь.

Пустыня, расстилающаяся кругом, прекрасна: чистый, прозрачный воздух, бодрящий ветерок в лицо; кое-где попадается зелень в виде пучков бурьяна, а по краям солончаковых болот, даже приземистые пальмочки; там и сям сверкающие на солнце болота лежат, как оргомные куски зеркала. И даже дымящаяся труба селитрового завода в противоположной стороне, как обелиск уходящая в небо, не портит общей картины.

И над всем этим, громадным радостным куполом, расстилается голубое небо с блестящими белыми облачками.

И кругом тишина, тишина...

В другие сезоны, говорят, картина бывает не такая умиротворяющая. А особенно в летний знойный день под вечер, раскаленная пустыня на подходе к заводу, который мы прошли невдалеке стороной, с его пылающими огнями печей, даже у редких любопытствующих туристов вызывает в памяти картину геены огненной.

Тишина и безлюдье в стороне монастыря такое, что потерянный мною пояс мы нашли на обратном пути, когда распознавали дорогу по своим же следам, еще не занесенным ветерком.

Эти два монастыря святых Ефрема Сирина (память 28-го января) и Бишуя (Псоя) совсем близко один от другого. Оба, как крепости за своими высокими стенами.

Все материалы для постройки, как в свое время, так и теперь, берутся здесь же, кругом, в пустыне: камни, гипс и прочее.

Соль — чистая, тонкая, — выламывается монахами для своего потребления, кусками из солончаковых болот; мы ее пробовали и взяли кусок на память.

Только землю для сада приходится привозить издали на верблюдах, из деревень, лежащих ближе к Нилу.

Обувшись и переведя дух под стенами монастыря, у маленькой и низкой, обитой железом, двери, типичная дверь прошедших веков, изобилующих набегами кочевников-грабителей, в которую не проскочит всадник, мы позвонили в повешенный над воротами колокол, с веревкой, спускающейся донизу; предъявили карточку архиерея монастыря, которою необходимо запастись из Каира, и, в сопровождении монаха, направились в церковь.

Церковь низкая, древняя. Царские врата деревянные, старинной работы, знатоками считаются драгоценными; но мне особенно понравились украшения на стенах внутри алтаря — настоящее гипсовое белое кружево (хотя теперь и не совсем белое).

Иконы давнишнего письма — коптского и абиссинского — Божия Матерь с Младенцем.

Слева от алтаря, под бархатным покровом, гроб с частицами мощей. Есть в нем частицы Преподобного Ефрема Сирина.

Сбоку гроба с мощами, старое, примитивного письма, изображение св. Ефрема и рядом — образ Богородицы.

Мы зажгли перед этими иконами лампаду с маслом, принесенным из дому.

В кратком житии св. Ефрема Сирина, я читала, что он жил и учил в Египте, а потом опять ушел к себе в Сирию, где и умер, и оттуда уже принесены частицы мощей.

Только посетив этот монастырь и воочию увидя следы жизни и трудов творца великопостной молитвы, начинаешь больше понимать дух этой молитвы.

Осмотрели древнее дерево (и снялись среди его ветвей), которое произросло из посоха Преподобного, посаженного им в песок для назидания братии.

"Молись, трудись и веруй — и произрастет!" — поучал он братию, которая пала духом от мысли жить и работать среди голой знойной пустыни.

Теперь это дерево — 12 метров вышины и 3 метра в диаметре. По виду оно не похоже ни на дуб Мамврийский, ни на Матарийское дерево Богородицы. Вокруг него построена комната для предохранения, но развесистая зелень и свежая вершина выходят из потолка и высоко и широко покрывают комнату. Тут-то на потолке-крыше мы отдыхали и снимались.

В церкви монастыря, напротив алтаря, насыпана большая куча пшеницы для благословения (я взяла горсточку), из которой братия выпекает в собственной пекарне хлебы для пропитания: небольшие, темные, с отрубями; для обеда нам дали свежие, а домой дали несколько засушенных половинок, как обычно едят его здесь монахи.

В монастыре есть своя мельница и, даже, мотор и динамо для производства электрического тока.

Интереснейшая часть монастыря — убежище монахов в тревожные времена завоеваний Египта арабами, когда отдельные шайки бродячих племен нападали на монастыри с целью грабежа.

Оно в стороне от церкви, в виде большого сооружения с отвесными белыми же стенами, купола которого поднимаются над стенами обители.

В нем, в одном из этажей, есть крохотная келейка-часовенка, куда удалялся Преподобный для молитвы. В ней могли поместиться с т о я только нас трое: мы с мужем и сопровождавший нас архиерей, который уже был в это время в обители.

В восточной части келейки каменный престол, а напротив каменное же сиденье, на котором спал святой, привязывая себя за волосы цепью, которая и теперь висит над сиденьем, к потолку, чтобы не ложиться. На полу можно бы улечься, свернувшись калачиком, что я и попробовала.

Только теперь начинаешь понимать высоту и силу духа того, кто в первый раз молился словами: "Господи и Владыка живота моего. . .", в немногих словах вы-

разив то, чего не надо делать христианину и о каких духовных дарах надо умолять Царя Небесного.

А вокруг этой келейки Преподобного, вверх и вниз целое здание в виде церкви, со множеством комнат, ходов, келеек и тайников для монахов. Доступ к этой высокой постройке по примитивному деревянному мосту: пара скованных досок-стволов, длинных толстых и довольно широких. Когда монахи, при нападении врага, укрывались в этом здании, этот "мост" сбрасывался вниз. Если же арабы все-таки врывались и сюда и, разыскивая ценности, рыскали по лабиринту комнат, корридорчиков, лесенок, спусков и подъемов, то монахи укрывались в комнатах-тайниках, завалив отверстие над головами камнем.

Арабы могли увидеть пустую комнату без всякой поживы, с несколькими пустыми же нишами у стен, хотя под камнем одной из этих ниш скрывалась братия.

В одной из этих бесчисленных комнаток в "последнем убежище" насыпано большое количество "тырмыса" — род фасоли, и доныне любимое лакомство египетского простонародия, когда этот тырмыс размочен в соленой воде.

Часть его 300-летней давности, часть — 150-летней, все смешано, — это запасы монахов на случай отсиживания. Мне дали горсть этого тырмыса. Разжевала одну горошину — горьковато, но в голод и теперь, может быть, было бы съедобно.

Тут же в здании, два глубоких артезианских колодца: из верхних комнат убежища между стенами — в глубь земли. Один теперь завален для безопасности, другой с водой.

В часовенке убежища, под самым куполом, простой престол и над ним икона Воскресения Христова, на стенах другие иконы очень древнего и упрощенного письма и между ними старинный и хороший образ Михаила Архангела; стоит аналой, подсвечники, на полу рядно.

Мы зажгли свечи (по этому зданию мы ходили со свечами): громко по-русски прочитали три раза "Господи и Владыка живота моего..."

Есть еще большая часовня, теперь пустая, куда отсиживающаяся братия обители собиралась для молитвы.

Мы с мужем и туда проникли, проползши через низенький незаметный лаз, держа в руках зажженные свечи и там помолились по-русски. Часовня низенькая, со сводчатым потолком, темная, без окон, как и все здесь. Молитва в ней как-то сблизила нас чувствами с иноками давних веков.

С крыши этого здания интересный вид на соседний монастырь св. Псоя и отдаленный монастырь Барамус.

В четвертом углу этой долины-низины, далеко в противоположной стороне, за заводом еще один монастырь — св. Макария Великого.

В саду монастыря тоже артезианский колодец-труба, глубоко вбитая в землю. Вода прекрасная. Растут финики, апельсины, виноград, но сейчас не сезон.

За обедом, простым, но не плохим, нам подали особо и наверно улучшили, — подавали арбуз со своего огорода, который находится в пустыне, очень далеко от монастыря и еле виден с крыши. Земля туда тоже привозится с Нила, а влага, надо полагать, неглубоко, подпочвенная,

Кельи монахов выходят в сад по общему балкону с деревянными колонками.

А у стены, под сводчатым куполом, общая могила почившей братии, которую живые рассматривают, повидимому, как общую келью другой части братии и часто лазят туда проведать.

Монахи живут от трудов рук своих; в это теплое время большая часть из них ходит босиком.

Монахи рассказывают, что змеи и скорпионы становятся безопасными, как только попадают во внутренность монастыря. Видели змей, которые становятся неподвижными, переползши порог монастыря, и других, спешно уползающих за стены, если они случайно попадали внутрь.

Ночевать в монастыре женщине нельзя, и мы поспешили, чтобы засветло пройти гать между соляными болотами.

Вышли мы со многими памятками: половинки засушенного темного хлеба, кусок чистой белой соли, 300-летний тырмыс, горсть благословенной пшеницы, веточки с дерева св. Ефрема.

Зашли в монастырь св. Псоя помолиться в церкви. Этот монастырь менее интересен, но почти такой же старый, как и св. Ефрема, какой-то из них на 100 лет старше: одному 1500, а другому 1600.

Монахи спорят, впрочем, довольно добродушно, каждый приписывая старшинство своему монастырю.

В этом монастыре св. Бишуя (Псоя) есть старинное изображение этого святого, очень примитивное, и есть икона позднейшего времени, хорошо написанная: высокий благолепный монах аскетического вида в схиме.

Напротив, в гробу под бархатным покрывалом, его мощи, (которых, повидимому, не открывают).

Мы расписались в книге посетителей по-русски. Посетители во всех этих монастырях бывают редко, да и не паломники, а туристы.

Монахи очень удивились, когда мы им сказали, что в пору основания этих монастырей в России было еще глубокое язычество. (На вопрос — есть ли в России такие же древние монастыри?).

Не успели рассказать им о том, как в последующие века на Святой Руси любили паломничества по святым обителям.

В Сирийском монастыре св. Ефрема нам показывали монастырский "архив".

В "убежище", в одной из комнат, два глубоких каменных ящика, до половины наполненных разрозненными листами: в одном на арабском языке, в другом на коптском.

Богослужение у коптов совершается по-арабски и только частично по-коптски, которого, кроме священников никто не знает, теперь, и притом здесь, около Каира.

Мы достали из коптского ящика наугад, оказалось несколько листов из Евангелия, писанного еще от руки.

Мы пытались читать его, так как многие буквы знали, монах поправлял произношение. Но так как коптский язык — язык мертвый, то возможно, что и монах произносил слова не так, как они произносились в свое время.

Но в общем, алфавит и целые страницы несколько похожи на наш церковно-славянский.

А коптский алфавит заимствован от греческого (в котором мы разбираемся), с прибавлением семи букв, взятых из древне-египетских иероглифов, включая в эти семь букв Щ, перешедшую в наш церковно-славянский и русский языки, и которой нет в других европейских алфавитах.

Образованные коптские священники (которых не так много), так и говорят, что их церковный язык — это язык фараонов в начертании Гомера.

Попытаюсь хотя бы приблизительно изобразить эволюцию нашей буквы Щ. — От иероглифа первейшего начертания, обозначающего смысл понятия даже в своем изображении (а изображал он, если не ошибаюсь, пожар и даже рисунок этого знака не противоречит его идее), через его видоизменение демотического характера получился знак, уже приближающийся к нашей Щ, а затем получилась еще более упрощенная по виду и удобная в скорописи Щ, а в коптском языке она и произносится приблизительно также.

Вот бы раньше никогда не поверила, что наше родимое российское Щ, произошло от иероглифа!

Курьезно проследить преобразование, очень простое и логичное, некоторых других букв из иероглифов.

Т произошло, конечно, от знака креста (знак, который существовал и до христианской эры). Наши славянские **кси и пси** и пишутся, и произносятся по-коптски так же.

Имя Иисуса Христа и некоторые другие собственные имена, мы давно уже умели разбирать в старинных коптских молитвенниках.

Я было попросила позволения взять себе эти разрозненные листы древнего коптского Евангелия, но монах уклонился. "Когда-нибудь все это разберется".

Может быть и он слышал историю "Синайского Папируса", т. е. Codex'a Sinaiticus.

Проф. Тишендорф в 1859 г. купил его по поручению Импер. Александра II, но история открытия этого манускрипта замечательна по своей простоте.

Как я на опыте знаю, холод в комнатах Синайского монастыря бывает ледяной. Для знатного паломника из страны-благодетельницы России развели огонек в комнате, для поддержания которого монах принес целый ворох "старой" бумаги и пергамента. И в этой-то куче "хлама" граф Тишендорф нашел первые листы Кодекса, а в следующий свой приезд откупил и остальное.

Вокруг монастырей Селитровая (Нитрийская) долина, и действительно, здесь, кроме простой поваренной соли и других солей, имеется и разрабатывается и селитра, которую добывали здесь еще при фараонах.

Когда мы пересекли пустыню, направляясь к монастырю, мы устали, казалось, до отказа. Это не помешало нам облазить в монастыре все и вся. Обратный переход был еще труднее, но мы и его преодолели. Меня непреодолимо тянуло лечь на песок и не подниматься. Или хоть на одну минуту прилечь. Но муж отговаривал:

— Не ложись, потом не подымешься. Поверь моему военному опыту с большими переходами пешком. Надо отдыхать стоя, прислонившись спиной друг к другу...

Подоспели к вечеру, чтобы попасть у Rest-hous'a на последний вечерний автобус из Александрии. Мест в нем не оказалось, но, как всегда в паломничестве, все помогает. Нас все-таки устроили, сначала стоя, а потом и усадили.

Последним впечатлением пешего перехода по пустыне была прекрасная картина: вода болот чудного фи-

олетового цвета, края окаймлены блестящими от заходящего солнца пластами соли.

С правой стороны монастыря широкие лучи света, пробиваясь сквозь облака, спускаются к самой земле, совершенно так, как на некоторых иконах Крещения Господня.

И глубокий мир и тишина вокруг, которые мы отваживались нарушать иногда, декламируя Пушкина о Ефремовой молитве:

"Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста —
И падшего свежит неведомою силой..."

....

Гений Пушкина почувствовал особенность этой молитвы и дух ее создателя, и не побывавши в Нитрийской пустыне.

28 сентября 1949 года.

2. Монастырь Барамус.

Мне представилась возможность еще раз побывать в Нитрийской пустыне; еще раз прикоснуться душой к прошлым векам и их подвижникам; надышаться воздухом пустыни и насладиться ее видом.

Я отдавала себе отчет, что экскурсия с группой почти незнакомых мне людей — это не паломничество своей маленькой группой, пешком; но все же была рада присоединиться к одной организации и в воскресенье в День Торжества Православия, 14 марта 1954 г., на частных машинах мы отправились к Rest-hous'у (на половине дороги Каир-Александрия через пустыню).

Здесь неподалеку от дороги находится завод "Соль и Сода" и жалкое поселеньице, которое вероят-

но выглядело таким же и во дни фараонов, когда здесь тоже производилась эта добыча.

От завода идет подобие дороги до самой гати на Соляном озере. Отсюда, частью пешком, частью на трех ободранных и дребезжащих джипах, нанятых на заводе, партиями, поочередно мы стали отправляться к ближайшему монастырю св. Псоя.

Одна из наших обыкновенных машин новая и мощная, пыталась было и за гатью пройти по тонким пескам, но завязла; ее заперли, оставили и тоже пошли пешком.

Во время оно, в этой огромной углубленной долине, лежащей на 24 метра ниже уровня моря, были настоящие горько-соляные озера, окруженные болотами и в глухих углах, в натуральных пещерах, селились атлеты духа, которые вели жизнь полную лишений и невероятной борьбы с сатаною.

Затем Нитрийская пустыня покрылась целой сетью монастырей, из которых уцелело до настоящего времени только четыре: преп. Ефрема Сирина, преп. Псоя, монастырь Барамус и монастырь св. Макария Великого.

В двух первых я уже была раньше, но так как монастырь св. Псоя ближайший, то и теперь мы его первым и посетили.

Монастырь св. Ефрема совсем близко, но мы не знали, пойдем ли и туда. А так как от первого моего паломничества в этот монастырь у меня осталось неизгладимое впечатление, то теперь, в дни Великого поста, мне особенно хотелось побывать и в нем.

Отделившись от общей группы, я отправилась туда одна. Долго звонила за веревку в колокол, подвешенный над дверью крепостной стены, долго не отвечали, долго переговаривались через толстенную запертую дверь, которую, наконец, на мои усиленные просьбы чуть-чуть приоткрыли (кажется узнав меня по прежнему визиту).

В церковь, хоть на пять минут, как я просила, не пустили. Пустили только внутрь двора за порог ворот, где я прочла громко по-русски великопостную молит-

ву св. Ефрема, передала масло, нитки для лампад, спички и вернулась ко всем. Слезы орошали мое лицо, когда я медленно брела по пескам между двумя монастырями.

Когда и все 40 человек, отдохнувшие и подзакусившие (и мясом, и прочим скоромным в разных видах: "Что ж, что Великий пост, ведь сегодня воскресенье!" — объясняли католики), пытались потом попасть все-таки и в Сирийский монастырь, переговариваясь на прекрасном арабском языке, потрясая привезенным из города разрешением — двери даже и не приоткрывали: "Великий пост, не принимаем гостей, молимся, постимся; оставьте нас..."

Может быть, еще и видели в окошечко стен, что одна из нашей компании была в очень стильных брюках.

Опять партиями, по-очереди стали отправляться на джипах в монастырь Барамус, что 11-12 клм. в сторону.

А в монастырь св. Макария Великого, в который мне так хотелось, и не подумали — это в противоположную сторону еще миль 25.

В монастыре Барамус древняя церковка Владычицы (Адра! излюбленное, умилительное имя Пресвятой Богородицы у коптов), как говорят монахи, первая христианская церковь в Нитрийской пустыне, ей 1.600 лет, а монастырю 1.500 — все они зарождались здесь почти одновременно, так как спасавшихся были тысячи.

Этот монастырь был основан (или, сначала может быть только церковь), как мне потом объяснили у св. Павла Фивейского, детьми Кесаря Леонтия Максимом и Демедиусом при ближайшем участии св. Макария Великого. В этом же месте пустыни, где было совещание основателей и воздвигли монастырь, в котором и потом при жизни св. Макария были собрания и совещания об общих делах монастырей пустыни, на что и указывает название монастыря, но теперь значения этого искаженного греческого слова, почти никто не может объяс-

нить. Даже здесь, в этом монастыре, повидимому не все знают.

Монастырь был построен во имя Владычицы Богородицы, в древней церковке Которой, мы только что побывали.

И в ней и в "новой", хорошей, церкви образа все старинные: Владычица, Господь Вседержитель, Архангел Михаил, Георгий Победоносец; есть и св. Антоний Великий и Павел Фивейский и образа своих местных святых. В "новой" церкви два гроба с мощами свв. Моисея и Исидора.

Есть высокое убежище с мостом — тоже два плоских длинных, скованных ствола дерева, но поднимается он посредством деревянного барабана.

С крыши убежища чудный и обширный вид на пустыню. Есть сад и огород.

С внутренней стороны стен монастыря, наверху, барьер, под защитой которого можно ходить по стене вокруг монастыря и выглядывать в оконца-амбразуры на приближающихся врагов.

Входная дверь в стене крепости маленькая, низенькая, чтобы всаднику врагу не проскочить и чтобы легко забаррикадировать изнутри.

Дверь убежища — мощная, толстая, окованная железом.

Все четыре существующие монастыря Нитрийской пустыни, оставшиеся из множества, тянувшихся когда-то цепью в этой пустыне-котловине за соляными болотами — все они похожи один на другой; у всех общие характерные черты, вызванные в свое время условиями жизни и необходимостью защищаться от кочевников арабов, напиравших на Египет в начале VII века.

Бедуины грабили монастыри и избивали подвижников из-за предполагавшейся добычи и, может быть, из желания послужить Богу, так как сами они только что были приведены к Единому Богу — обращены Магометом от язычества в мусульманство. В своем фанатизме они считали, что только их новая вера правильна, все остальное неугодно Богу.

Уж не о них ли предсказал Христос: "...приидет час, да всяк, иже убиет вы, возомнится службу приносити Богу". Иоан. XVI, 2. — Сказано **не** богам, Богу.

В каждом из этих монастырей есть своя библиотека и архив. Так, в последнем, в монастыре Барамус, видели обветшалое, писаное от руки, коптское Евангелие 800-летней давности. А в библиотеке есть Евангелия, писаные от руки, даже не очень давние: одно огромное, по-коптски, столетнее; другая, тоже большая книга параллельно по-коптски и по-арабски из св. Писания — пятидесятилетнего возраста. Во все времена пустынники любили этот род занятий и оставляли другим поколениям плоды трудов своих.

Многие из нас купили здесь кресты (одевающиеся на шею) работы монахов, плетенные из кожаных ремешков. Мне мой, большой, сложный из пяти крестов, возложили на престол.

Трудно себе представить в наше время отшельника Христа ради, а между тем, подальше за монастырем Барамус живет такой, в яме, выкопанной им самим и покрытой пальмовыми ветвями. Говорят, по виду этот анахорет самый обыкновенный, хотя чрезвычайно скромный; он абиссинец, благородного происхождения. Питается он дикими травами, которые находит в пустыне и хлебом и водой, за которыми изредка приходит в монастырь и платит за это лечебными травами, которые находит в пустыне же.

Св. Макарий Египетский перед своей смертью предсказал братии запустение дорогой для них всех Нитрийской пустыни и монастырей, наполненных братией, и предсказание его исполнилось дословно.

Лето в этой пустыне знойное, а зимой значительный холод, хотя сухой и бодрящий.

Утром мы продрогли в автомобилях, днем поснимали лишнюю одежду и загорели, а вечером опять мерзнем.

Последние партии наших экскурсантов-паломников возвращались уже в темноте с трудом и маленькими происшествиями; а мы их ждали уже за гатью.

Дома я была около одиннадцати ночи, а муж уехал справляться к организаторам экскурсии и в Скорую Помощь — не было ли опять крушения автомобилей на шоссе Каир-Александрия.

А наши, возвращавшиеся, шутили:

— Да, джип, это вам не благополучная и надежная спина верблюда; от джипа и худшего можно ожидать.

И по теперешним временам по такой пустыне надежнее ходить пешком.

Рассказали в виде утешения, как недавно, одна ученая экскурсия возвратилась в Каир в час ночи: дамы в слезах, мужчины в отчаянии — в Нитрийскую пустыню и современную, почти высохшую, прогулка не легкая.

Но большинство из нас возвращалось, повидимому, благодаря Бога за прекрасный день.

3. Монастырь св. Макария Великого.

Св. Макарий Египетский, называемый Великим (день памяти 19 января) родился в небольшой деревушке Шипшир, теперь не существующей, лежавшей недалеко от современного Менуфа в дельте Нила и отделяемой от Нитрийской пустыни Нилом и сыпучими песками.

Родился он в самом начале IV века, когда прекратились гонения и египетские христиане выходили из катакомб на свет Божий, а истязания от кочующих отдельных племен арабов — вестников наступающего ислама были еще далеки.

Начался исход христиан-египтян в пустыню, который продолжался века. Это была как бы настоящая смерть прельщающего мира и тяготение к другой жизни и ее ценностям, которых никто не может отнять.

Хорош временами и современный настоящий вечный Египет подальше от его больших центров и всем известных древних приманок; Египет — в свои лучшие сезоны, с его лазоревым небом, не палящим, а только ласкающим солнцем, благодатными вечно-зелеными полями и мирно трудящимся населением.

А пустыня с ее широкими горизонтами, глубоким ночным небом, усеянным золотыми звездами; с ее чистым воздухом и таинственным молчанием, с несравненными оранжево-красными закатами солнца — производит глубокое впечатление и очарование своей ненарушимой красотой и странно притягивает душу.

Языческий Египет времен первых христианских подвижников, представлял собою один громадный некрополь и всеми своими великолепными сооружениями говорил о скоротечности жизненных ценностей и о подготовке к жизни вечной.

И христиане стремились снискать себе обитель в Доме Отца Своего и многими тысячами уходили в уединение.

Св. Макарий Великий сын землепашцев и хозяев, вырос в простой здоровой обстановке на лоне природы. И может быть отсюда вынес свое ясное спокойствие и даже некоторую юмористичность в характере.

Он был единственным долгожданным сыном, — как Исаак и Иоанн Предтеча, подчеркивали, рассказывая нам монахи — его, почти что, односельчане, и хранители его монастыря.

Отец его женил насильственно очень молодым, но он удалился из дому в пещеру под горой, достаточно близко от другой мирной деревни, тонущей в куще пальм.

Макарий и его последователь плели циновки*) и корзины из пальмовых ветвей, продавали свои изделия в этой деревне и зарабатывали этим на скудное пропитание, упражняясь в молитве, посте и умерщвлении плоти.

В деревне знали своих молодых отшельников-соседей и почитали их.

Но Господь Бог послал Макарию тяжелое искушение, которое он вынес с свойственным ему смирением.

---

*) Циновки и сейчас в Египте можно видеть решительно во всех домах, начиная с избы феллаха и кончая приличными городскими квартирами, где циновки только более изящны. Мягкое же лукошко из пальмовых листьев, играет у населения Египта всеобъемлющую роль: от корзинки, до коврика у дверей и кровати.

Деревенская девушка впала в соблазн и как на виновника своего несчастья, указала на Макария.

Возмущенное население всей окружности, вытащило Макария из его уединения и по каменистым холмам потащило в деревню, где нацепили ему на шею черепки и колодки и прогоняли по деревне под улюлюканье и палочные удары.

Нужно знать, хотя и незлобивое, но детски-доверчивое население египетской деревни, чтобы представить себе эту картину и поверить, что эти дети природы могут расправиться и с человеком, как теперь делают их дети с беспомощным котенком или слепым щенком.

Напрасно ученик св. Макария разуверял толпу, что этого греха не могло случиться с его сподвижником.

Еле живого Макария отпустили, взяв обещание зарабатывать на свою "жену" и будущего ребенка.

Стал св. Макарий работать вдвое больше и, как и раньше, посылал своего ученика в деревню продавать свои изделия и, с спокойной веселостью приказывая, отдавать там выручку "моей жене".

Пришло время клеветнице разрешиться от бремени.

Ненатурально долго и напрасно корчилась она в страшных муках, на глазах всей деревни, пока не покаялась: "Это наказание от Бога, Макарий не виновен; отец ребенка — наш сосед".

И опять нужно себе представить перелом в настроении населения: желание загладить зло, примириться, получить прощение, расхвалить жертву до небес.

Ученик св. Макария предупредил его: "Авва, "твоя жена" в страданиях открыла правду, вся страна идет к тебе с хвалой за прощением". Этого-то и боялся смиренный отшельник.

Он без задержки распрощался с привычной пещерой, зеленеющей долиной и величественной рекой и направил свои стопы в глубь Нитрийской пустыни (Вади-Натрун — Селитровая долина), к западу от Нила, где, как он слышал, можно жить забытым и неизвестным для людей.

Прибыл он туда с караваном, идущим за селитрой

и его сначала так и называли — Макарий Верблюжатник.

Св. Макарий прибыл в эту пустыню тридцати лет и прожил здесь более шестидесяти, имея многочисленную духовную семью, ради которой и согласился быть посвященным в духовный сан.

Преподобный Макарий заслужил от Бога дар исцелять, прорицать и творить чудеса.

Часто слыша о чудесах и святой жизни Преподобного Антония Великого, Авва Макарий предпринял долгое и тяжелое путешествие к старшему старцу, с которым потом его связывала духовная дружба.

Замечателен рассказ о встрече в пустыне св. Макария с языческим жрецом.

Представитель этого угасающего сословия, образованного, гордого, величественного когда-то, в своих белоснежных льняных одеяниях и мистических атрибутах, бежал по пустыне одинокий и усталый, таща на плечах вязанку топлива.

Встречный монах, послушник святого Макария, насмеялся над ним, назвав и самого служителя идолов демоном.

Жрец избил послушника, оставив его полумертвым.

Дальше — встреча с св. Макарием, ласково приветствовавшим "труженика".

Дальше последовала беседа и умный и, может быть, уже готовый уверовать жрец понял, что он имеет дело с Божьим человеком и просил у него прощения и допущения в число братии.

Последовали и другие обращения жрецов.

Пришлось св. Макарию пострадать за истинную веру от еретиков — ариан и быть высланным, но и там он обращал жителей-идолопоклонников в христиан.

Девяностолетнему старцу Макарию было открыто Богом время его смерти и он успел посетить всех отшельников, поучая их в совершенствовании жизни.

Для меня самое прекрасное в Египте не грандиозные остатки древностей; не музеи, наполненные драгоценными предметами искусства и истории — во всем

этом скрывается частица какой-то настоящей истины, много знаний и искусства, но все это чаще всего так затемнено и перевито с грубейшими противоположностями, что истина ускользает, вызывая только внешнее восхищение и сильное тревожное чувство.

Другое дело извечная египетская пустыня, хотя тоже сильно изменившаяся, но душою своею оставшаяся прежней.

В чем эта душа? — Отголоски вздохов и шопота молитв подвижников в тихом, чистом воздухе? Яркое сине-голубое, такое близкое и огромное, все покрывающее, небо? Таинственная тишина, раждающая мысли и переживания не свойственные шумному миру?

Так, или иначе, я люблю пустыню и прощание с Египтом для меня — прощание с пустыней.

Я стремлюсь в третий раз побывать в Нитрийской пустыне, в ее четвертом монастыре св. Макария Великого.

В сердце Нитрийской пустыни стоят рядом два монастыря: св. Ефрема Сирина и св. Псоя; со стороны Александрии — монастырь Барамус — в этих трех я уже побывала; а монастырь св. Макария первый от Каира и только в пяти километрах от шоссе Каир-Александрия, откуда он и виден.

Но на автомобиле он наиболее трудно достижим (из-за песков), надо ехать в объезд болот.

Поэтому мы решили отправиться туда по способу Нитрийских монахов, возвращающихся из Каира в обитель: "где подвезут, а где пешком".

Отравились на автобусе. На 88-м километре от Каира, не доезжая 14 километров до Rest-hous'a, под добрые пожелания всего автобуса, шофер спустил нас у придоржной доски с надписью: Saint Macarios и мы стали спускаться в долину, идя прямо на монастырь. По утренней прохладе за 1 ½ часа дошли, почти не устав. Да и пустыня не такая уже необитаемая: встретили небольшой табун верблюдов и на холме неподвижный силуэт подростка-бедуина. Только чем питаются здесь среди камней и песков эти верблюды, для нас осталось тайной.

Монастырь стоит за своими двойными стенами — когда-то хотели расширить его, но он так и остался за своими высокими прочными старыми стенами, метров в десять, а где и больше, высотой. С внутренней стороны на верху стен есть парапет, под прикрытием которого можно ходить по стене и наблюдать пустыню.

Монастырю 1.500 лет. Старая церковь со времен св. Макария, (а теперь и в честь его) и рядом большой притвор во имя Иоанна Предтечи, тоже первоначальный. Купол над церковью кирпичный — кладка совершенная! — тех времен. Внизу стены подновлены, а у купола первоначальные.

Язычники-арабы (еще до обращения в ислам), разорили монастырь и он сорок лет лежал в развалинах, а потом опять отстроился.

Слева от притвора Иоанна Крестителя внизу погребены мощи его (часть?) и обозначены колонкой в углу. Над местом погребенных мощей большой образ Владычицы, писаный монахом обители сто лет тому назад.

Посещая коптские монастыри, мы не могли не заметить с какой скорбью монахи относятся к факту ограбления в свое время Западом всего православного Востока в религиозном отношении. Увозилось все, что можно и, конечно, мощи святых, крестоносцами под предлогом (хотя отчасти и справедливым) спасения их от иноверцев арабов, а потом и турок.

Монахи копты непримиримы к католицизму. И о местонахождении мощей своих святых или умалчивают, или дают неправильные сведения (м. б., по незнанию). Так было и тут.

Направо от главного алтаря церкви подобие катафалка, на котором в гробах покоятся мощи трех Макариев этого монастыря: св. Макария Великого и двух других Макариев — епископа и монаха, подвижников обители, уже после св. Макария Великого. И тут же большой образ трех Макариев.

По русскому православному календарю мощи св. Макария Великого Египетского в Амальфи.

А может быть здесь в гробу имеется частица? Так

или иначе, но я рада была возжечь от себя лампаду перед этими мощами.

В противоположном углу церкви, у мощей Иоанна Предтечи, тоже на подобие катафалка покоятся останки первых Александрийских Патриархов — коптских (а может быть епископов обители).

Рядом с церковью большое высокое убежище с подъемным мостом и в нем несколько церковок и, между прочим, Архангела Михаила с остатками фресок по стенам.

В монастыре всего семь церквей — ведь раньше братии было тысячи.

Есть церковь на могиле 49 мучеников, обезглавленных здесь. Монахи сидели в убежище. Архимандрит Иоанн сказал: "Кто хочет принять венец мученический — за мной!" С ним вышли 47 человек. В монастыре был в это время визирь с своим сыном. Мальчик видел сияние венцов над обезглавляемыми и сказал об этом отцу, прося присоединиться к мученикам.

Все монахи совершают службы по-коптски.

20 монахов в монастыре и 25 — вне, на послушаниях, служат в церквах, хотя и не принадлежащих монастырю.

Летом монахи служат в большой церкви (расширенной старинной, которая от св. Макария Великого)., а зимой в холод, собираются в маленькой церковке 49 мучеников.

Когда св. Макарий пришел в Нитрийскую пустыню, он вопросил Господа, где ему поселиться. Ангел Господен отвечал ему: "Тебе нет жилища на одном месте, везде здесь живи и собирай братию". И всю жизнь св. Макарий так и делал, был наставником всего множества братии пустыни.

Дети Кесаря Леонтия Максим и Демедиус построили монастырь Барамус при ближайшем участии святого Макария. Туда же он собирал братию для обсуждения общих дел, но жить там не остался. Владычица сказала ему, чтобы он оставил этот монастырь на попечение царевичей и шел создавать другой, где будет указано.

И в этом-то месте, в котором мы сейчас находимся и создал св. Макарий другой монастырь, где и умер. Тело его было взято близкими в родную деревню Шипшир, где оставалось 160 лет.

Из многих тысяч монашеской братии первых веков христианства, всего 4 сохранившихся монастыря Нитрийской пустыни имеют монахов, хотя и немногочисленных; затем монастырь Мохаррек в Верхней Фиваиде на месте жилища Святого Семейства; и два монастыря Нижней Фиваиды — Антония Великого и Павла Фивейского. И монастырь на Синае.

Остальные сохранившиеся монастыри уже не имеют братии, а только хранителей и духовенство, наезжающее в праздники.

В довольно большой, аккуратной и светлой библиотеке монастыря, нам читали житие св. Макария и я пополнила свои сведения о подвижнике.

Рассматривали громадное Евангелие (все 4), писаное по-коптски от руки Александрийским Патриархом Вениамином в 1063 году коптского календаря, т. е. в XIV веке нашего календаря, так как у коптов сейчас идет 1670 год.

Рассматривали огромную книгу жития святых: трех Макариев Нитрийской пустыни и свв. Павла и Псоя.

Еще громаднейшая книга параллельно по-коптски и по-арабски — Страстная Неделя жизни Господа нашего Иисуса Христа на земле, — писанная архимандритом этого монастыря Михаилом Масри всего 62 года тому назад. Писано в несколько цветов. Каждая большая заглавная цветная буква — целый день работы.

Здесь все монахи умеют читать по-коптски. Много в библиотеке старинных коптских молитвенников. Очень может быть, что есть редкие сокровища, но мы всего и не видели, хотя монахи и показали бы с готовностью.

Теперь монастырь имеет электричество и водяную помпу. Чтобы не повредить старинных стен и зданий монастыря, электрическую установку и водяную пом-

пу сейчас выносят за старые стены. Уже на 15 метрах глубины достигли воды.

Стены монастыря, как старинные, так и новые, сложены из камня, взятого здесь же, в пустыне и сверху обмазаны гипсом. Но что древние клали в глину, чтобы скреплять камни — это удивляет монахов: "стены стоят крепко — теперешняя кладка, за такое время, развалилась бы". И все-таки берегут стены, выносят машины наружу.

Между прочим, во всех четырех монастырях Нитрийской пустыни никогда не существовало трапа наверху стены, для поднятия на веревке монахов и пилигримов. Условия существования этих монастырей во время их создания, не требовали этого. Всегда была узкая и низкая дверь в толще стены, с громадным засовом и мощным деревянным замком.

Еще идя к монастырю мы заметили в пустыне мокрый песок, то там, то сям, но в одном направлении к монастырю и его огороду в ½ километра от монастыря.

В огороде много деревьев и овощей, но водяной помпы нет — просто близко вода под почвой — здесь совсем низина, в этой Нитрийской низине.

Мы по дороге раскапывали мокрый песок, прикладывали ко лбу, к лицу, для освежения. До воды, конечно, не докопались. А св. Макарий на одном из таких мокроватых мест, вероятно и докопался до воды и избрал это место для монастыря.

Монахи ни за что не отпустили нас без угощения-подкрепления, хотя мы и имели свое.

Расписались в книге, еще приложились к мощам (сегодня же день и нашего русского святого — соименника Аввы — преп. Макария Переяславского) и сопровождаемые за стены монастыря, распрощавшись и благословившись, в самый зной, вышли в пустыню.

Сначала шли по своим следам, слегка заметенным песком в низине. А повыше их совсем замело. Опять нашли и окончательно потеряли.

Идем к дороге по компасу; надо итти на северо-

северо-восток и выйти перпендикулярно к дороге, а ее телеграфных столбов все нет.

Солнце, спускающееся с зенита, палит немилосердно; ветер теперь в лицо и грудь; из низины к дороге подъем. Идем уже около двух часов, хотя сзади у нас руководящий пункт — среди серых песков высятся и выделяются своими линиями, такие же серые стены монастыря.

Идем, как будто правильно, но сил уже не хватает. Дойти бы, не лечь на песок.

И вспоминается легенда о св. Макарии, рассказанная монахами. Может быть, в этих же местах это было. Он всегда ходил всюду здесь, посещал, наставлял, увещевал братию и все устраивал.

"Был святой Макарий, великий подвижник Нитрийской пустыни уже очень старым. Шел он по своей пустыне и встретил другого странника, еще старее, еще суше, еле бредет по пескам, а Авва Макарий его спрашивает:

— Ну, кто из нас понесет на себе другого? ты меня или я тебя?

Взял странника на плечи и понес. Сначала даже и не почувствовал никакой тяжести сухонького тела странника; только чем дальше, тем заметнее, тяжелее и тяжелее.

Наконец, чувствует Авва, что не снести ему этой тяжести, не по его человеческим немощным силам. Вдруг, засияло все вокруг и тяжесть стала нестерпимой.

— Кто ты? — спрашивает.

— Я — Иисус Христос.

И опустил Его Авва на землю.

— Како понесу Несущего вселенную?

И благословил Господь старца за готовность помочь слабому и стал невидим".

В душе я прошу: Преподобный Авва, ты знаешь свою пустыню вдоль и поперек, выведи нас на дорогу. Знаем, что наши тяготы не настоящие, небольшие и дорога здесь где-то близко, но устали мы, устали....

Уже после этого паломничества, мы видели в Каирской газете фотографию: совершенно обглоданный человеческий скелет среди песчных дюн, по которым мы плутали от монастыря к дороге — совсем близко от нее; с соответствующей надписью. Свалился ли путник от зноя и жажды? прилег ли на минутку отдохнуть, чтобы уже не встать?

Хорошо, что мы это увидели уже потом, а то бы дух наш был еще в большем смущении.

Поднимаемся на холмик, видим верхушки телеграфных столбов, проволока между ними — дорога!

Теперь уже не клонит прилечь в знойной пустыне, хоть в этом, может быть, и не было бы ничего трагичного.

У нас откуда и силы взялись — как лошадки к стойлу — на дорогу!

Вышли не к доске с указанием: Saint Macarios: 88 клм., а к знаку "87" — километром ближе к Каиру и таким образом прошли не пять километров, как до монастыря, а шесть или больше.

Вот тут-то мы и распили свою воду, к которой мы не прикасались в пустыне, чтобы не обессилеть и сберечь ее на всякий случай.

А дорога тоже пустынная — час такой, а в Египте сейчас к тому же пост — днем и воды не пьют и предпочитают ехать или по утренней прохладе или ближе к вечеру.

Сидим при дороге в тени верстовой доски; и вот все-таки идет машина в направлении Каира. Шикарная частная машина, в которой как раз два свободных места; взяли нас пыльных и потных.

Промчались мимо военного аэродрома в пустыне — самолеты, как голубые птички сидят на песке; вдали, на еще голубеющем небе, резко обозначились ребра пирамид — мы почти дома.

Довезли нас до самого удобного трамвая.

Слава Тебе, Господи! Благодарение св. Макарию!

26 мая 1954 года. **Александра Гаврилова**

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СИНАЙ — ГОРА СВЯТАЯ

II. КАИР И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

III. СЛЕДЫ ДРЕВНЕГО ХРИСТИАНСТВА В АЛЕКСАНДРИИ

IV. ПО МОНАСЫРЯМ ЕГИПЕТСКОЙ ФИВАИДЫ

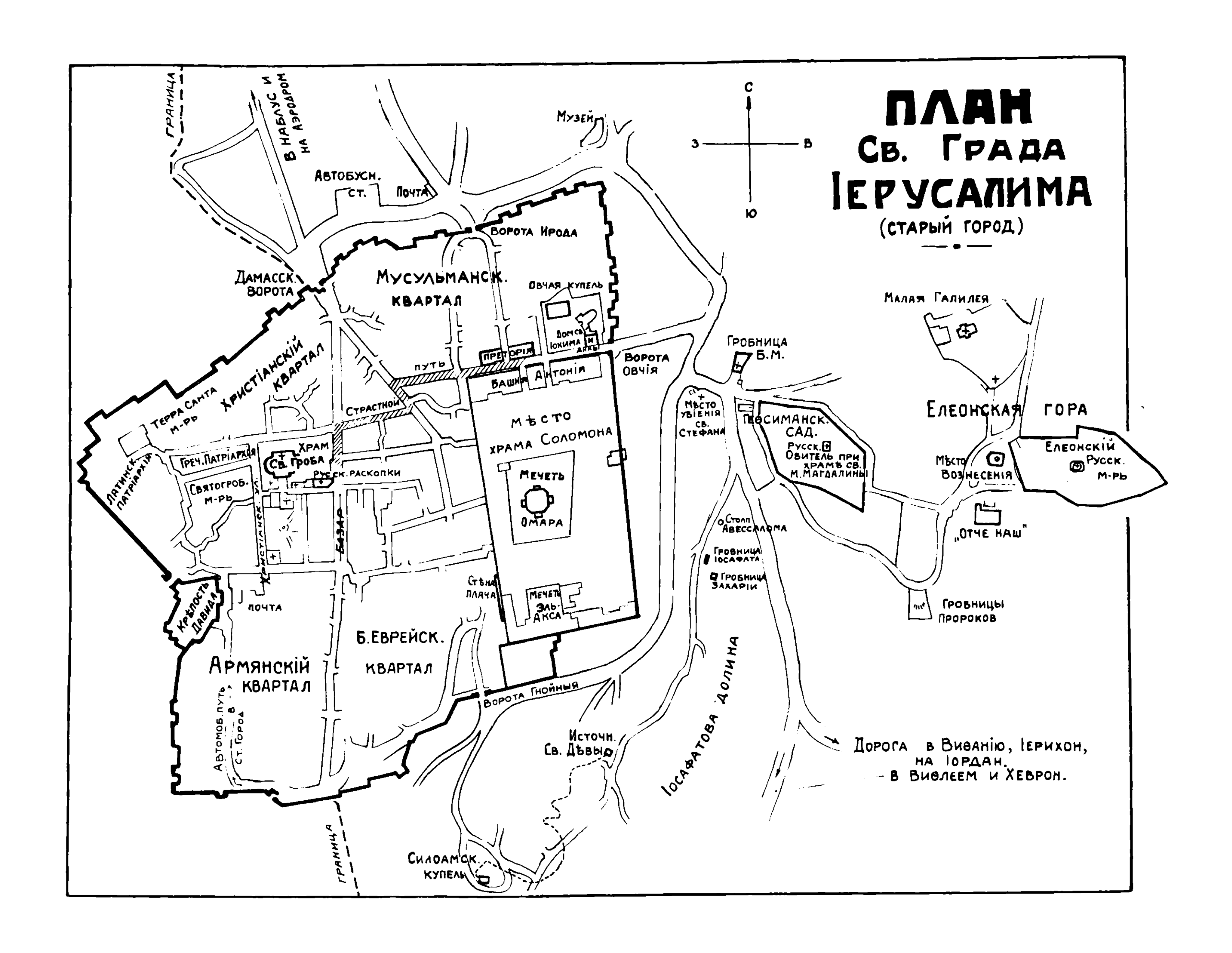
СКЛАД ИЗДАНИЯ — Издательство "НАША СТРАНА"

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847, Buenos Aires

República Argentina

Imprenta "Dorrego", c. Dorrego 1102/18, Buenos Aires

ПЛАН
Св. Града
ІЕРУСАЛИМА
(старый город)
С
З
В
Ю
Музей
Граница
В Наблус и на Аэродром
Автобусн. ст.
Почта
Ворота Ирода
Дамасск. ворота
Мусульманск. квартал
Овчая купель
Домъ св. Іоакима и Анны
Преторія
Ворота Овчія
путь
Башня
Антонія
Христіанскій квартал
Терра Санта м-рь
Страстной
Мѣсто храма Соломона
Мечеть Омара
Храм Св. Гроба
Греч. Патріархія
Латинск. Патріархія
Русск. раскопки
Святогроб. м-рь
Христіанск. ул.
Базар
Стѣна плача
Мечеть Эль-Акса
Крѣпость Давида
Почта
Армянскій квартал
Б. Еврейск. квартал
Автомоб. путь в ст. город
Ворота Гнойныя
Источн. Св. Дѣвы
Силоамск. купель
Граница
Гробница Б.М.
Мѣсто убіенія св. Стефана
Гефсиманск. сад.
Русск. Обитель при храмѣ св. М. Магдалины
Столп Авессалома
Гробница Іосафата
Гробница Захаріи
Іосафатова долина
Малая Галилея
Елеонская гора
Мѣсто Вознесенія
Елеонскій Русск. м-рь
„Отче наш"
Гробницы Пророков
Дорога в Виѳанію, Іерихон, на Іордан.
в Виѳлеем и Хеврон.

50 €

Цена Ам. $ 3.50

СКЛАД ИЗДАНИЯ — Издательство "НАША СТРАНА"

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847, Buenos Aires

República Argentina

Imprenta "Dorrego", c. Dorrego 1102/18, Buenos Aires